

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3 стр.
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ПАРТИЙ ИСЛАМСКОГО ТОЛКА В СВЕТСКОЙ ТУРЦИИ	
1. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ТУРЦИИ В 1980-2002 гг.	11 стр.
2. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ПАРТИИ БЛАГОДЕНСТВИЯ: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ	30 стр.
3. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ПАРТИИ СПРАВЕДЛИВОСТИ И РАЗВИТИЯ: ОЖИДАНИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ	53... стр.
ЭКОНОМИКА ИРАНА: РАЗВИТИЕ В УСЛОВИЯХ ТЕОКРАТИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА	
1. ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ЭВОЛЮЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ: ОТ ИСЛАМСКОЙ ЭКОНОМИКИ К ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ	107 стр.
2. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ ИРАНА	155 стр.
3. ОСНОВНЫЕ ИТОГИ ПОЛИТИКИ ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ	206 стр.
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	232 стр.

ВВЕДЕНИЕ

Основная исследовательская задача, поставленная авторами в рамках настоящей работы - выявить соотношение между понятием «исламская экономика» и опытом современного экономического развития таких мусульманских государств, как Турция и Иран.

Первым шагом в ее решении является интерпретация термина «исламская экономика». Наиболее целесообразным представляется придерживаться той трактовки, которую предлагают экономисты из мусульманских стран, являющиеся авторами данной концепции и разработчиками ее теоретических основ. В первую очередь, следует отметить близость предлагаемых ими определений. Так, одно из них гласит, что «Ислам призван организовать экономическую жизнь, основанную на социальной справедливости». Согласно специальному интернет-сайту, созданному с целью изучения и обучения принципам исламской экономики и финансов, «на концептуальном уровне Исламская экономика есть рыночная экономика, руководствующаяся такими Исламскими ценностями, как сотрудничество, ответственность, справедливость и т. д.»¹. По мнению главы Центрального банка Пакистана И. Хусейна (Ishrat Husain), исламская экономика представляет собой не более, чем попытку обеспечить «баланс между рынком, семьей, обществом и государством». По его мнению, исламизация экономики, в случае ее реализации на практике, более всего затрагивает распределение доходов и борьбу с бедностью, то есть проблемы, в решении которых не удалось преуспеть капитализму².

Более подробное разъяснение принципов исламской экономики содержится в статье профессора иранского Университета Шахид Чамран (Shahid Charman University) Мохаммада Тахери (Mohammad R. Taheri). Ссылаясь на своих коллег-теоретиков исламской экономики, он определяет ее как основывающуюся на трех базовых принципах - принципе множественности форм собственности, принципе определенных ограничений экономической свободы и принципе социальной справедливости.

Принцип множественности форм собственности означает, что в отличие от капитализма или социализма исламская экономика не ограничивается допущением лишь одного вида собственности как преобладающего (частной - в первом случае, общественной - во втором). С точки зрения ислама допустимы различные виды собственности и их равноправное сосуществование.

Принцип определенных ограничений экономической свободы означает, что ее использование не должно выходить за рамки, устанавливаемые духовными и моральными

ценностями, исповедуемыми Исламом. В частности, реализация данного принципа запрещает социальную и экономическую деятельность, результатом которой является создание монополий, или же связанную с ростовщическими операциями.

Принцип социальной справедливости рассматривается как наиболее существенный атрибут исламской экономики. Трактовка данного принципа базируется на двух положениях. Первое положение предусматривает взаимную ответственность, второе - соблюдение социального баланса. Иными словами, ислам допускает имущественное неравенство, но в разумных пределах. То есть не одобряется общественное устройство, в рамках котором меньшинство живет в роскоши, а большая часть населения влачит голодное нищенское существование.

Функционирование или воплощение принципов исламской экономической и социальной справедливости в жизнь обеспечивается за счет использования таких оригинальных инструментов как запрет рыбы, закят, стабильность национальной денежной единицы и ответственность государства за распределение доходов.

Закят - специальный налог, уплачиваемый мусульманами в пользу бедных в качестве обязательного религиозного сбора в угоду Всевышнему. Таким образом, как справедливо отмечает российский исследователь А.Ю.Журавлев - автор книги «Теория и практика исламского банковского дела», закят призван решать проблему более равномерного распределения и поддержания социального мира³.

Запрет рыбы означает запрет на получение процентного дохода в случае предоставления денег взаймы. Комментируя отношение ислама к процентному доходу, А.Ю.Журавлев пояснял: «Наряду с традиционной политэкономией исламская экономическая мысль проводит различие между деньгами и капиталом: деньги, по сути, рассматриваются как потенциальный капитал. Однако их преобразование в капитал в исламской модели требует активного участия обладателя денежного ресурса. То есть получение прибыли капиталистом оправдано, если он ставится в равные условия с обладателями прочих факторов производства, фактически сам становится предпринимателем, партнером в рамках проекта, не стоящим в стороне от того дела, на которое идут деньги. Этот новый статус, соответственно, обуславливает получение им доли прибыли (или принятия на себя части убытков), но не фиксированного и гарантированного вознаграждения, известного как ссудный процент. Вознаграждение определяется размером вклада, оцениваемого с точки зрения достигнутого прироста реального богатства. Взаимоотношениям заимодавца и заемщика придается новое измерение»⁴. Следовательно, запрещаемый исламом ссудный процент имеет следующие характеристики: ставка процента зафиксирована заранее, она зависит от срока и суммы

ссуды, ее выплата гарантируется заемщиком вне зависимости от исхода операции. Взимание ссудного процента причислено Кораном к наиболее злостным грехам и осуждается как прямой вызов Аллаху.

Обязанность государства обеспечивать стабильность национальной валюты считается предписанной положением Корана, обязывающим «отпускать полную меру и вес по справедливости». Данное положение считается обязательным не только для частных лиц, но и для государства, и относящимся как к обычным мерам и весам, так и к мере стоимости – деньгам. Из этого, считают теоретики Исламской экономики, следует обязанность государства проводить здоровую денежную и фискальную политику.

Ответственность государства за распределением доходов считается необходимой в целях создания общественной среды, благоприятствующей воплощению исламских принципов социального устройства. Из признания за государством данной роли логически следует включение в исламскую модель достаточно значительной его роли в экономике, равно как и упоминавшееся выше признание юридической правомерности государственной собственности. «При всем уважении к частной инициативе в исламе акцент делается на социальном аспекте, на общественном благе... Ни индивидуум, ни корпорация не считаются достаточно компетентными для того, чтобы своими действиями задавать все общехозяйственные пропорции. Отсюда – разбухание государственного сектора, высокая вероятность чрезмерного дирижизма. При этом одной из форм вмешательства государства в экономику легко оказывается контроль над ценами через рacionamento и /или субсидии»- писал А.Ю. Журавлев⁵.

Важно отметить очевидное несовпадение теоретической дефиниции «исламская экономика» и реальных механизмов экономического развития национальных экономик мусульманских стран, претендующих на более или менее последовательное использование провозглашенных принципов в рамках своей экономической политики. В рамках настоящей работы основное внимание авторов сосредоточено не на исследовании классической и современных школ исламской экономики, а именно на осмыслении практического опыта использования ее принципов. При этом наиболее важные вопросы, ответ на которые призвано дать настоящее исследование - это вопросы о том, какие реальные модели экономического развития используются государствами в условиях исламского (происламского) правления, насколько они специфичны, в какой мере они отвечают основополагающим принципам исламской экономики, и в какой мере мусульманские лидеры готовы к отступлению от догматических канонов под давлением экономических реалий, какова степень эластичности этих моделей, в какой мере они отличаются от моделей, используемых западным миром, насколько инвариантны

модели экономического развития при их интерпретации национальными исламскими или происламскими правительствами, существуют ли особенности экономического развития, которые более универсальны и слабо подвержены варьированию в зависимости от национальной специфики, наконец, существуют ли регрессивные направления в рамках экономического развития, осуществляемого под руководством исламских или происламских сил. Как отметил российский исследователь современного политического ислама А.Малашенко, «...мусульмане претендуют не только на то, что ислам – это высшая религия, последняя религия, Муххамад – печать пророков; ислам претендует еще и на идеальную организацию общества, *на модель исламской экономики*»⁶. Поэтому конечным вопросом, ответ на который призвано дать предлагаемая работа, это вопрос о жизнеспособности исламской экономики или же, иначе говоря, вопрос о реальности ее существования ныне и в будущем.

При поиске ответов на поставленные вопросы авторы ограничились анализом теории и практики экономической деятельности исламских (происламских) элит в Иране и Турции. Выбор в качестве объектов изучения двух данных государств объясняется тем, что они являют собой примеры значительно отстоящих друг от друга мусульманских государств с точки зрения масштабов влияния ислама на характер государственной власти и процесс общественного, в том числе, экономического развития. Если Турция - светское государство, в котором лишь в последние десятилетия в ходе углубления тенденций к демократизации жизни страны стало возможным возникновение и функционирование на более или менее стабильной основе политических партий исламского/происламского толка и даже их приход к власти, то в Иране после провозглашения исламской республики основным принципом стало всеобъемлющее использование канонов ислама для регулирования всех сфер государственной и общественной жизни, включая экономическую политику.

.....При весьма существенных различиях в историческом развитии двух стран следует отметить их географическую принадлежность к одному региону, имеющему общую специфику, которая отличает его от арабского мира. Традиционно называемый в российской страноведческой литературе Ближним и Средним Востоком данный регион, несмотря на довольно раннее утверждение ислама в качестве господствующей религии, не является его исторической родиной, что объясняет существенные нюансы в степени и устойчивости его влияния.

При исследовании развития экономики Турции изучен не получивший до настоящего времени подробного освещения довольно краткий период пребывания у власти исламской Партии благоденствия в коалиции с правоцентристской Партией

верного пути (1995-1997), а также проанализирована экономическая политика находящей у власти с ноября 2002 г. Партии справедливости и развития. Подчеркнем еще раз, что само применение термина «исламская экономика» в отношении Турции носит довольно условный характер в условиях закрепленного Конституцией светского характера государства. Авторы разделяют мнение о том, что в число стран, которые пытаются использовать принципы исламской экономики в качестве *всеобъемлющего регулятора*⁷ хозяйственной жизни входят Иран, Пакистан и Судан. Иными словами, это страны ВВП которых может быть включен в структуру «Валового исламского продукта», который учитывает товары и услуги, производство которых разрешено исламом, и произведенные на основе использования методов, разрешенных исламом. Поэтому в отношении Турции речь идет сугубо об экономической политике партий власти, признающих влияние ислама на формирование системы своих взглядов.

Что касается Ирана, то он продемонстрировал продолжительный по времени (с конца 70-х годов XX в. по настоящий момент) опыт исламской власти по поиску оптимальных путей экономического развития страны, который и стал предметом изучения в настоящей работе.

Поставленные исследовательские задачи, несомненно, актуальны для сегодняшней России. Одно из важнейших направлений ее нынешней национальной политики - эффективная адаптация к реалиям многонационального поликонфессионального государства. Решение этой задачи предполагает выработку нового подхода к проблемам, накопившимся в советский период, и нуждается в более полном учете национальных, культурных и религиозных потребностей национальных меньшинств. Одной из сторон этого процесса является признание государственной и общественной значимости ислама как религии, исповедуемой значительной частью населения России. Ныне ислам занимает все более заметное место в государственной политике РФ, вплоть до официального объявления России мусульманской страной и постановке вопроса об ее участии в международных организациях мусульманских государств, например, в Организации исламская конференция. Вместе с тем, роль ислама в жизни России, особенно политической, является неоднозначной. Поэтому, по мнению все большего числа исследователей, сложные проблемы, связанные с исламом, перед решением которых стоит Россия, требуют выработки четкой и долговременной политики. При ее разработке следует учитывать, что, во-первых, ислам не чуждое и постороннее для России явление, а одна из традиционных признаваемых государством религий. Во-вторых, на протяжении многовековой истории в рамках исламской культуры сложились очень разнообразные представления об основах власти и права, различные взгляды на отношения государства и

человека, на общество в целом. Центральное место в исламском идейном наследии занимают представления, развивающие такие начала, как умеренность, компромисс, стабильность, консенсус, лояльность властям и др. Поэтому политико-правовое и идейное наследие ислама может и должно служить на радикальным, а демократическим силам, работать не на дестабилизацию, а на консолидацию общества и укрепление государства. В-третьих, исходные начала ислама, его принципиальные подходы к проблемам власти, политики, в значительной мере совместимы с европейской культурой и общепризнанными мировыми стандартами. Основные принципы и идеи мусульманско-правовой культуры при определенных условиях могут быть приняты российскими регионами традиционного распространения ислама.

Мусульмане России в свою очередь проявляют интерес к более широкому использованию канонов ислама в организации жизни общества, в том числе, экономической. Одним из свидетельств тому может служить проведение в июне 2003 г. 6-го всероссийского семинара руководителей Духовных управлений мусульман РФ на тему «Исламские финансовые отношения и перспективы их осуществления в российском мусульманском сообществе». Принявший участие в работе семинара Председатель Совета муфтиев России Равиль Гайнутдин объяснил актуальность этой темы демократическим развитием общества, благодаря чему верующие получили возможность соблюдать обряды, давать образование своим детям. Но главное, по его мнению, российские мусульмане начинают знакомиться с исламскими принципами экономики. «Таким образом - резюмировала газета «Известия» - запущен пробный шар для выяснения реакции государства на перспективы «исламизации», конечно, не всей экономики, но ее отдельных отраслей в отдельных регионах уж точно»⁸.

24 ноября 2004 г. в Москве состоялось десятое заседание исследовательского семинара «Татарский вопрос в России», посвященное проблеме исламской экономики. Основной доклад «Исламская экономическая модель: перспективы реализации в мусульманском и немусульманском сообществах» сделал исламовед из МГИМО МИД РФ Ренат Беккин. В семинаре участвовала и группа татарстанских ученых, представителей мусульманской уммы, в том числе, заведующий отделом Института татарской энциклопедии Рафик Мухамедшин, первый заместитель муфтия Татарстана Валиулла хазрат⁹.

Достоаточно заметную роль в пропаганде исламских финансовых принципов принадлежит президенту московского «Бадр-Форте» банка Адалету Джабиеву. По его мнению, главная проблема – отсутствие законодательной базы регулирования деятельности организаций, работающих или желающих работать по нормам шариата¹⁰.

В числе тем для обсуждения значились такие, как «Исламская экономика в немусульманской стране», «Выгоды светского государства от реализации исламской экономической модели», «Закят и его роль в экономике государства. Закят в России».

По мнению Л.Сюкияйнена, проведение выверенной политики в отношении ислама позволит государству, в том числе, решить следующие задачи:

1. Подойти к решению политических, *социально-экономических* и национально-культурных проблем российских регионов традиционного распространения ислама с учетом менталитета и образа жизни мусульман, *обосновать политику федерального центра в этих регионах обращением к позитивным исламским ценностям*, завоевать дополнительное доверие мусульман, укрепить союз власти и общества, федерального центра с субъектами РФ, придать государству большую легитимность в глазах мусульман и одновременно подорвать влияние тех сил, которые используют исламские лозунги в сепаратистских антигосударственных целях.

2. *Разработать и проводить такую правовую политику в исламских регионах России, которая бы допускала использование отдельных достижений мусульманско-правовой культуры* в интересах правового развития страны при соблюдении российской конституции и принципов действующего законодательства в интересах укрепления государства и повышения доверия к его правовой политике со стороны мусульман.

Однако наличие многочисленных оговорок, связанных с безусловно необходимым и необратимым в случае закрепления демократии как основного вектора политического развития РФ процессом легитимизации ислама в правовой и социально-экономической жизни мусульманских регионов, включает решение таких вопросов, как выделение позитивных исламских ценностей, соотнесение положений мусульманской правовой культуры с Конституцией РФ и ее законодательством, выявление совместимости представлений ислама о власти и праве с мировыми стандартами. Все это требует обязательной конкретизации понятийного аппарата и реальной социальной практики современного ислама.

Ответ на эти вопросы позволит в значительной мере предвидеть направления, имеющие шанс стать приоритетными в социально-экономической политике мусульманских регионов России, в случае ее разработки на основе местного менталитета, сопоставить их с федеральной экономической программой и оценить степень совместимости целей развития, выдвигаемых в первом и втором случаях.

Разделы по Турции, введение и заключение написаны зав. Сектором Турции ИВ РАН к.э.н. Ульченко Н.Ю., разделы по Ирану написаны зав. Сектором Ирана ИВ РАН

к.э.н. Мамедовой Н.М с использованием материалов диссертации С.М.Кудаева «Процесс либерализации экономики Ирана в 80-90гг. XX века».

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ПАРТИЙ ИСЛАМСКОГО ТОЛКА В СВЕТСКОЙ ТУРЦИИ

1. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ТУРЦИИ В 1980-2002 гг.

Приход к власти в Турции лидеров исламских (происламских) партий пришелся на вторую половину 90-х и начало 2000-ых годов. Поэтому в данной главе будет посвящена анализу тех проблем национальной экономики, которые сформировали объективные предпосылки экономической политики рассматриваемых партий в качестве партий власти.

Основные этапы и итоги развития экономики. В конце 70-х годов Турция пребывала в состоянии глубокого экономического кризиса, который в полной мере можно считать кризисом стратегии импортзамещения. В условиях значительного повышения мировых цен на нефть страна оказалась неспособной изыскивать средства для покрытия стоимости ввозимого энергосырья, что привело к резкому ухудшению состояния платежного баланса. С другой стороны, остававшийся до конца 70-х годов довольно умеренным инфляционный фон экономического развития резко усилился как за счет переноса инфляции в Турцию по каналам международной торговли, так и спада производства, обусловленного дефицитом энергоносителей.

Выход из кризисной ситуации предполагалось найти посредством реализации программы экономической стабилизации, которая была представлена правительством С.Демиреля 24 января 1980 г. Программа, разработанная при участии экспертов МВФ, предусматривала использование обычного для подобных кризисных ситуаций набора монетаристских инструментов. Поскольку одной из основных проблем в экономическом развитии Турции на тот момент являлась инфляция, то намечалось принять меры, направленные на снижение темпов прироста денежной массы: сократить дефицит госбюджета и всей системы госфинансов посредством сужения масштабов государственного предпринимательства и замораживания заработной платы, повысить процентные ставки. Помимо финансовой стабилизации предполагалось положить начало формированию нового соотношения сил в экономике страны, при котором частный сектор стал бы основным субъектом, обеспечивающим экономический рост.

Обеспечить увеличение валютных поступлений намечалось посредством перехода к стратегии экспортоориентированного развития. Поэтому требовалось разработать меры по поощрению экспорта, которые позволили бы разместить на

внешних рынках излишки товарной массы, образовывавшиеся по мере сокращения внутреннего спроса.

В сентябре 1980 г. в Турции произошел военный переворот. Оставаясь у власти до конца 1983 г., военные проводили политику, во многом отвечающую требованиям по оздоровлению экономики, сформулированным в программе 24 января 1980 г. 1981-1983 годы вошли в экономическую историю Турции как годы последовательно ограничительной фискальной политики, ознаменовавшиеся наиболее низкими показателями отношения бюджетного дефицита к ВВП за весь период 80-90-х годов: 1,5% в 1981-82 годах и 2, 2% в 1983 году. Сравнительно невысокими в этот период было и отношение дефицита всей системы государственных финансов¹¹ к ВВП: оно колебалось в пределах 3,5-4,9% против 8,8% в 1980 г.¹² Повышение степени сбалансированности госфинансов было обеспечено как за счет увеличения налоговых поступлений, так и снижения реальной заработной платы в госсекторе. Непопулярные экономические меры сопровождались ужесточениями в политической жизни страны: военные запретили деятельность профсоюзов.

В 1981-1983 гг. средний уровень инфляции, незначительно превышал 30%, тогда как в 1980 г. он составлял 95%.¹³ Одновременно в начале 80-х годов произошел заметный рост турецкого экспорта: в 1983г. он достиг 5,7 млрд. долл. против 2,9 млрд. в 1980 г.¹⁴ Сужение внутреннего рынка Турции, компенсированное расширением экспорта, позволило обеспечить сравнительно высокие темпы роста: в среднем за период с 1981 по 1983 годы они составили около 4%, против -2,3% в 1980 г.¹⁵ При этом темпы роста в промышленном секторе опережали показатели роста в сельском хозяйстве. В результате в 1983 г. в отраслевой структуре ВВП Турции закрепились ранее наметившиеся сдвиги: с 1983 г. стоимость продукции промышленности устойчиво преобладала над стоимостью продукции сельского хозяйства.¹⁶

В конце 1983г. в Турции были проведены парламентские выборы. К власти в стране пришло гражданское правительство во главе с Т.Озалом, сформированное Партией отечества. Постепенно в его экономической политике определились некоторые новые направления. Вновь возросла несбалансированность госфинансов: рост отношения дефицита консолидированного бюджета к ВВП заметно превышал рекомендованные МВФ 1,5%. В результате было приостановлено кредитное сотрудничество Фонда и Турции. Заметно усилился инфляционный фон развития экономики страны: среднегодовой уровень инфляции в 1984-1987 гг. составил 43%.¹⁷ Как отмечалось в специальном издании Оксфордской группы предпринимателей «Emerging Turkey 1999», к 1987 г. стало ясно, что Озал экономист и Озал действующий политик - не одно и то же.

Если Озал экономист всегда подчеркивал важность контроля за инфляцией, то политик хотел скорейшего экономического роста¹⁸. Иначе проблему можно определить как вынужденное балансирование выборной власти между оптимальной экономической программой и задачей обеспечения популярности хотя бы среди некоторых групп экономических агентов.

Главной причиной роста объемов дефицитного финансирования бюджета в эти годы стали налоговые послабления. Наиболее более существенное значение имело развитие системы разнообразных льгот при уплате налога на прибыль. Оставшаяся вопреки программным установкам довольно низкой инвестиционная активность частного сектора предопределила необходимость поиска дополнительных мер по ее стимулированию. Проводившуюся с середины 80-х годов политику турецкий экономист И. Парасиз охарактеризовал как политику стимулирования предложения, направленную на экономическое и организационное укрепление частного сектора. Конкретным проявлением этой политики стало заметное снижение эффективных ставок налога на прибыль компаний в результате применения многочисленных льгот и освобождений от налога тех или иных составляющих прибыли.

Политика стимулирования предложения способствовала заметному оживлению экономического роста, составившего в 1984-1987 гг. 7% в среднем за год¹⁹. Тем не менее, сознавая опасные инфляционные последствия своей фискальной политики, правительство в начале 1987 года объявило о программе значительного снижения объемов государственных расходов. Но ей не суждено было осуществиться в силу особой политической конъюнктуры - в конце 1987 г. в стране должны были пройти выборы в парламент. Поэтому правительство пренебрегло ранее провозглашенными экономическими целями с тем, чтобы обеспечить своей партии победу на предстоящих выборах, что ему и удалось. Однако отношение дефицита бюджета к ВВП возросло до 3,5% против 2,6% в предыдущем году, в то время как дефицит всей системы государственных финансов превысил 6% ВВП против 3,7% в 1986 году.²⁰ В результате годовой уровень инфляции по состоянию на начало января 1988 г., достиг 60%, а по состоянию на июнь 1988 г. - уже 67%. Таким образом, в 1988 г. правительство было вынуждено предпринять очередную попытку повышения сбалансированности госфинансов. Определенные успехи в этом отношении были достигнуты: дефицит бюджета сократился до 3% ВВП, а потребность всей системы госфинансов в дефицитном финансировании ограничилась 4,8% ВВП²¹. Приостановка роста денежной массы привела к сжатию внутреннего рынка и сокращению темпов роста в 1988 г. до 1,5% против 9,8% в 1987 г. Но антиинфляционный эффект экономической политики не был достигнут -

среднегодовой уровень инфляции составил почти 70%.²² Экономика страны вступила в период стагфляции: падение темпов роста производства сопровождалось дальнейшим развитием инфляционного процесса. Главным "виновником" инфляции, сопряженной со спадом, стала инерция хозяйственных агентов в ожидании роста цен на привлекаемые факторы производства. Именно она продолжала влиять на цены даже некоторое время спустя после предпринятых мер по ограничению темпов роста денежной массы.

До конца 80-х годов Турция продолжала удивлять темпами роста стоимостных объемов экспорта – их среднегодовой показатель за 1981-1988 г. составил 22%²³. Рост экспорта преимущественно готовых изделий стимулировал расширение промышленного производства, что обеспечило более заметное преобладание промышленности над сельским хозяйством в отраслевой структуре валового продукта. Одновременно заметные позитивные сдвиги наблюдались и в структуре самого экспорта Турции: к концу 80-х годов доля промышленных товаров в нем составляла уже около 75% против 36% в 1980 г.²⁴.

Однако в 1989 г. произошло падение стоимости экспорта. И хотя его абсолютные размеры не были значительны, тем не менее, в отличие от эпизодических снижений экспорта, имевших место в предшествовавшие годы и объяснявшихся колебаниями конъюнктуры мирового рынка, снижение 1989 г., грозило перерасти в долгосрочную тенденцию. Дело в том, что высокие темпы роста экспорта на протяжении 80-х годов в большой мере обеспечивались за счет субсидирования экспортеров государством. Дальнейшее проведение этой политики становилось невозможным в связи с принятием Турцией обязательств в рамках ГАТТ и подготовкой к образованию таможенного союза с ЕС. Сокращение объемов финансовой поддержки экспортеров в конце 80-х годов стало, основной причиной последующего снижения темпов роста экспорта²⁵.

Таким образом, к концу 80-х годов экономика Турции столкнулась с двумя проблемами: вступлением в период стагфляции и сложностями в дальнейшем наращивании объемов экспорта. Если в качестве быстрого выхода из состояния стагфляции государств обратилось к проведению экспансионистской или стимулирующей фискальной политики, то снижение темпов роста экспорта еще более актуализировало переход к модели роста, в большей мере ориентированной на требования внутреннего рынка. В результате со второй половины 1989 г. в Турции впервые с начала декады начался рост реальной заработной платы, что означало расширение емкости внутреннего рынка и поддержание экономического роста за счет не только и не столько экспорта, но и внутреннего спроса.

Кроме названных выше причин внесения изменений в стратегию роста следует обратить внимание на некоторые социально-экономические факторы. Известный турецкий экономист З.Ониш подчеркивал, что политика длительного лоббирования экспорту к концу десятилетия привела к росту антиправительственных настроений у части экономических агентов, интересы которых были связаны с внутренним рынком: части национальной промышленной буржуазии, не занимавшейся экспортными операциями, сельских производителей, положение которых ухудшилось из-за ослабления финансовой поддержки аграрного сектора. По мнению З. Ониша, важную роль в пересмотре экономической политики в конце 80-х годов сыграл и процесс реставрации демократического режима, начавшийся с приходом к власти гражданского правительства в ноябре 1983 г.²⁶ Давление на власти по вопросу о заработной плате он рассматривал как "важный фактор на макроэкономической арене". Суммируя сказанное, З. Ониш обратил внимание на сложности проведения политики экспортноориентированного развития в стране, подобной Турции, с емким внутренним рынком.

Тем не менее, рост широкого общественного недовольства следует отнести к факторам, действие которых проявлялось и ранее конца 80-х годов. Перенастройка макроэкономической политики государства именно с 1989 г. была предпринята пребыванием экономики в состоянии стагфляции и невозможностью дальнейшего использования сложившихся механизмов наращивания экспорта.

Изменения в государственной финансовой политике, имевшие место во второй половине 1989 г., лишь в незначительной степени способствовали оживлению экономического роста по итогам за весь год. Более убедительные результаты они принесли в следующем, 1990 г., обеспечив темпы экономического роста в 9,2%. Однако в 1991 г. вновь принесли ухудшение экономической конъюнктуры из-за начала войны в Персидском заливе, и экономический рост в Турции составил всего лишь 0,4%. Последовавшие за тем 1992 и 1993 гг. ознаменовались весьма убедительными темпами роста - 6,4 и 8,1% соответственно. При этом на протяжении всего рассматриваемого периода показатели инфляции заметно превышали 40%-ный уровень, отмеченный как средний для 1984-1987 гг.: в 1988 г. рост цен, измеренный на основе дефлятора ВВП, составил 69,7 %, в 1989 г. - 75,5%; в 1990- 57,6%; в 1991 - 59,2%; в 1992 - 63,5%; в 1993 - 62,5%²⁷.

Наблюдавшаяся в турецкой экономике ситуация на первый взгляд удивляет сочетанием темпов экономического роста и высоких показателей инфляции. Однако экономическая теория предполагает возможность долгосрочного стабильного компромисса, когда темпы роста производства поддерживаются за счет определенного

темпа инфляционного роста цен. Подобная ситуация объясняется теорией ускорения инфляции²⁸.

Тем не менее, экономический рост в Турции в рамках данной модели сопровождался нарастанием определенных негативных тенденций, прежде всего, в финансовой сфере. Обратившись к проведению стимулирующей фискальной политики, государство по существу сознательно пошло по пути увеличения дефицитности консолидированного бюджета: его отношение к ВВП после 1989 г. не опускалось ниже 3%, а максимального значения в 6,7% достигло в предкризисном 1993 г. Минимальная потребность всей системы госфинансов в дефицитном финансировании оценивалась в 7,4%, а в 1993 г. она возросла до 11,7% ВВП²⁹. При этом на первых порах основной акцент был сделан на расширении выпуска государственных ценных бумаг с целью привлечения заемных источников для финансирования возросших расходов.

В 1989 г. Турция завершила либерализацию национального финансового рынка, нацеленную как на беспрепятственное приобретение государственных ценных бумаг резидентами и нерезидентами страны, так и свободное использование любых форм иностранных кредитов национальными банками.

До конца 90-х годов турецкая лира девальвировалась в интересах экспортеров в соответствии с темпами инфляции или даже несколько опережая их.

Расширение заемной деятельности государства повышало спрос на национальную валюту, а наблюдавшийся приток краткосрочного иностранного капитала способствовал еще большему укреплению лиры, что проявилось в отставании темпов девальвации с от темпов инфляции в 1989-1990 гг. Подобная ситуация отвечала интересам иностранных инвесторов, обеспечивая им сохранность прибыли при обратной конвертации турецких лир в доллары. Комментируя данную проблему, известная турецкая исследовательница Г. Казган писала: "Цена валюты, устанавливавшаяся правительством, служила не инструментом регулирования равновесия между количеством денег (турецких лир - Н.У.) и объемами валюты, а инструментом, обеспечивавшим движение средств между мировым финансовым рынком и Турцией". Поэтому изменения, произошедшие в макроэкономической политике Турции в конце 80-х годов она характеризовала как поворот от модели "экономического роста, нацеленной на экспорт" к модели "экономического роста, ориентированной на импорт капитала"³⁰.

Завышение курса национальной валюты стало дополнительным фактором снижения темпов роста турецкого экспорта. На протяжении 90-х годов они составили 13,5% в год³¹. Одновременно удешевление импорта вело к его активному росту. В результате возрос дефицит по текущим операциям платежного баланса: если в 1989 г.

Турция имела избыток валютных доходов в размере свыше 900 млн. долл., то в 1993 г. был зафиксирован дефицит в 6,4 млрд. долл., что соответствовало 3,6% ВВП.³² Рост несбалансированности по текущим статьям свидетельствовал о возможной девальвации национальной валюты, сигнализируя о повышении риска для инвесторов краткосрочного капитала.

Хроническая дефицитность системы госфинансов позволяла более или менее успешно размещать на рынке лишь высокодоходные государственные бумаги с короткими сроками погашения, что делало весьма обременительным выплату процентов по государственному долгу. По мере роста процентных расходов все меньшая их часть могла обеспечиваться за счет обычных бюджетных поступлений, заемная деятельность государства все в большей степени строилась на принципах финансовой пирамиды, что означало переход государственных ценных бумаг на самообслуживание с перспективой неизбежного банкротства.

Поводом для развития кризисной ситуации уже в конце 1993 г. стало то, что с 1991г. начался постепенный отход от политики завышения курса лиры. Это мера была продиктована необходимостью ограничить рост дефицита по текущим операциям платежного баланса. В качестве компенсирующей меры казначейство было вынуждено пойти на дополнительное увеличение доходности своих краткосрочных обязательств. В 1993 г. средний уровень реальных доходов по бумагам со сроком погашения в 1 год вырос почти на 10% против 5% в предыдущем году³³. В результате значительно ухудшилось соотношение между объемом привлеченных краткосрочных займов и процентных выплат по ним. В конце 1993 г. правительство объявило о снижении доходности по своим ценным бумагам. В результате начался стремительный вывод краткосрочного иностранного капитала из Турции: его отток в 1994 г. составил порядка 7 млрд. долл. Смещение акцента в дефицитном финансировании с государственных займов на авансы ЦБТР (их доля в общем объеме дефицитного финансирования с 1991 г. не опускалась ниже 30%, а в 1993 г. достигла 42%)³⁴ увеличило неизбежный в сложившейся ситуации уровень девальвации лиры: по сравнению со среднегодовым курсом за 1993 г. курс лиры в 1994 г. упал на 170%.³⁵ По итогам года падение экономического роста составило 6,1%. За период с 1991 по 1994 гг. отношение внешней задолженности к ВВП выросло с 33,3% до 43,5%, а внутреннего государственного долга с 14,8 до 19,6%³⁶. В условиях остававшихся высокими расходов по обслуживанию госдолга (на все виды трансфертных выплат пришлось около 40% суммарных расходов бюджета 1994 г.) бюджет по-прежнему оставался дефицитным (3,95% ВВП), что с учетом новых тенденций

в финансировании дефицита предопределило значительный рост цен (потребительские цены по итогам года выросли на 120%)³⁷.

Пойдя по пути стимулирования экономического роста власти страны смогли удерживать инфляцию в частично контролируемых пределах за счет роста государственного долга, который использовался в качестве важного источника дефицитного финансирования и на первых порах дал возможность ограничить использование краткосрочных авансов ЦБТР. Однако следствием данной политики, в рамках которой происходило привлечение средств нерезидентов для покупки государственных ценных бумаг, стал финансово-экономический кризис, разразившийся в Турции в начале 1994 г. Этот кризис можно отнести к типологическому кризису, неизбежно переживаемому национальной экономикой при повышении степени своей открытости на фоне сохраняющейся слабости и неустойчивыми. Экономист О. Джеласун отмечала, что быстрая финансовая либерализация в Турции не сопровождалась упорядочением в финансовой сфере³⁸. Привлечь иностранных инвесторов в условиях, когда реально национальная экономика оставалась мало подготовленной к либерализации финансового рынка, возможно лишь спекулятивно высокими доходами на вложенный капитал. Неизбежно следующее из дороговизны привлекаемых источников быстрое ухудшение финансовой конъюнктуры в национальной экономике завершалось неизбежным массовым оттоком иностранного капитала и обвалом национальной валюты.

С целью вывода страны из валютно-финансового кризиса правительство разработало стабилизационную программу, получившую название "Решения от 5 апреля". Базовым принципом стабилизации объявлялся "переход от государства, которое занимается производством и распределением субсидий, к государственной структуре, которая всячески поощряет действие рыночного механизма и одновременно заботится о сохранении социального баланса"³⁹. Стабилизацию госфинансов предполагалось обеспечить через осуществление мер по сокращению расходов и увеличению доходов. При этом правительство особо подчеркивало свою решимость "положить конец порочному кругу, когда займы расходуются на покрытие дефицита бюджета, а затем новые займы требуются на выплату процентов по прежним займам"⁴⁰. С целью сокращения расходов предусматривалось отказаться от повышения заработной платы гражданским государственным служащим, от создания новых рабочих мест и от найма на пустующие вакансии в государственном секторе, а также сократить инвестиционные расходы бюджета, отказавшись от развертывания новых проектов и сократив финансирование всех текущих проектов.

Таким образом, «Решения от 5 апреля» предусматривали отказ от политики роста государственного потребления, проводившейся в стране с конца 80-х годов. Но их последовательное проведение в жизнь продолжалось недолго. Турецкий экономический журнал «Para» со ссылкой на английский «The Economist» отмечал, что премьер-министр Т.Чиллер, пойдя в 1995 г. на увеличение заработной платы некоторым категориям занятых в госсекторе, обеспечила себе повторную победу на выборах 1995 г. В 1996-1997 гг. правительство вновь увеличило на 7,6% реальную заработную плату государственным служащим, закрепив возврат к популярной среди избирателей стимулирующей бюджетной политике.

Проблема применения антиинфляционных стабилизационных программ в национальных экономиках была специально изучена в работах М.Бруно, занимавшего в последние годы жизни пост вице-президента Всемирного банка. Из положений его статьи "Глубокие кризисы и реформа" наиболее подходящим для объяснения ситуации, сложившейся в турецкой экономике представляется следующее: "Достаточно часто стабилизация откладывается из-за того, что ни одна из социальных групп не считает бремя высокой инфляции настолько тяжелым, чтобы отступить (имеется в виду, что бюджетный дефицит финансируется за счет эмиссии и высокая инфляция - естественная цена подобного процесса). Стабилизационная политика начинается тогда, когда жизнь в условиях высокой инфляции становится невыносимой. Такая модель предполагает гетерогенность групп: в гомогенном обществе ни одна из групп не выигрывает от задержки стабилизации, так что лучшим выходом является немедленная реализация стабилизационных мер... С другой стороны, экономическая политика или институциональные меры, снижающие цену инфляции (индексация заработной платы или обменного курса), переносят начало стабилизационного процесса на более поздний срок. Следовательно, будет достаточно корректным предположить, что отсутствие каких-либо действий укрепляет статус-кво, ведь временной горизонт многих экономических агентов недалек, а понимание будущих преимуществ неоднозначно".⁴¹ Действительно, поскольку на протяжении известного времени инфляция в Турции сопровождалась экономическим ростом, а ее социальные издержки компенсировались параллельным ростом реальной заработной платы, общество в известном смысле приспособилось к сложившейся экономической конъюнктуре, что начало находить отражение в высказываниях о том, что инфляция представляет собой часть особого управления экономикой страны.⁴² Глава Токбанк и бывший секретарь казначейства М.Эгильмез следующим образом комментировал эту проблему: «Для турецкого общества и его политиков момент кризиса наступает, когда уровень инфляции начинает измеряться трехзначными цифрами.

Привычка, которая сформировалась долгим существованием общества в условиях контролируемой инфляции, измеряемой двузначными цифрами, несомненно, играет важную роль в подобном отношении к проблеме. Более половины сегодняшнего населения Турции моложе 30 лет. Следовательно, половина населения страны не имеет опыта жизни в условиях экономики без инфляции или с низкой инфляцией. Тем не менее, когда инфляция достигает трехзначных значений, правительство немедленно принимает меры по снижению ее уровня до двухзначных цифр».⁴³

В результате возврата вскоре после кризиса 1994 г. к мягкой бюджетной политике, падение темпов экономического роста, составившее по итогам 1994 г. 6%, уже в 1995 г. сменилось заметным экономическим подъемом - 8,0%. Достаточно высокие темпы роста турецкая экономика продемонстрировала и в 1996 и 1997 гг. - 7,1% и 8,3% соответственно. Инфляция, измеренная на основе роста оптовых цен, в 1994 г. достигла 107%, а в 1995-1997 годах колебалась в пределах 85-91%⁴⁴. Отношение дефицита бюджета к ВВП увеличилось до 8,3% в 1996 г. и 7,6% в 1997 против 4,0% в 1995 г., а соответствующие показатели для суммарного дефицита госфинансов составили 8,8%, 7,6% и 5,2% ВВП. Вновь обострилась проблема обслуживания государственного долга: процентные выплаты в структуре расходов консолидированного бюджета оставались на угрожающе высоком уровне - от 30% и выше⁴⁵.

Итогом сказанному могут служить характеристики периодов экономического развития Турции после 1980 г., которые приводятся в работе «Динамика экономического роста, накопление и распределения в турецкой экономике после 1980 г.: интерпретация модели общего равновесия Калдора», подготовленной под руководством декана университета Билькент (Анкара), видного турецкого экономиста Э. Йелдана. В ней выделены: период послекризисного восстановления (1981-1982); период экспорториентированного роста (1983-1987); 1988 г. - год «изнурения» экономики; период нерегулируемой финансовой либерализации (1989-1993); финансовый кризис (1994); период послекризисного восстановления экономики (1995-1997)⁴⁶. Последний в более поздней исследовательской работе экономистов университета Билькент охарактеризован как период возврата к экономическому росту с использованием краткосрочного иностранного капитала.⁴⁷

Пришедшее к власти в стране в июле 1997 г. правительство М. Йылмаза оказалось перед необходимостью проведения жесткой финансово-бюджетной политики для достижения финансовой стабилизации. Турецкий журнал «Para» со ссылкой на английский «The Economist» писал, что «популярность М.Йылмаза настолько низка, что единственная возможность для него выиграть следующие выборы состоит в том, чтобы

действительно снизить инфляцию»⁴⁸. На 1998 г. был запланирован темп роста всего лишь в 3%, но при снижении среднегодовых показателей инфляции до 64% посредством ограничения роста заработной платы в госсекторе реальным уровнем инфляции, ограничения размеров государственных внутренних займов величиной бюджетного дефицита и выплаты процентов за счет профицита первичного бюджета, который должен был составить 4% ВВП⁴⁹. Кроме того, в 1998 г. был принят новый налоговый кодекс, нацеленный на увеличение бюджетных доходов.

Дефлятор ВВП в 1998 г., хотя и превысил запланированный уровень, оказался ниже, чем в 1997 г. - 75,3% против 81,2%, что сопровождалось снижением отношения дефицита бюджета к ВВП до 6,9%⁵⁰. Профицит первичного бюджета достиг 4,6%⁵¹. Темпы экономического роста несколько превысили запланированные, составив 3,9%⁵².

Годовой рост розничных цен на январь 1999 г. составил 50%. В начале 1999 г. тенденция к снижению инфляции продолжалась: в марте годовой рост розничных цен измерялся уже 48,2%⁵³. В целом вплоть до августа 1999 г. правительству удавалось удерживать под контролем темпы роста инфляции.

После августовского землетрясения в начале октября 1999 г. государственный министр по экономике Р. Онал заявил, что проведение стабилизационной программы будет продолжено вопреки тем сложностям, которые система госфинансов испытывает в результате стихийного бедствия. Но на практике ликвидация последствий землетрясения оказалась трудно совместимой с политикой ограничения государственных расходов.

В связи с экстренным увеличением государственных расходов были приняты меры по укреплению государственных финансов: введены временные надбавки к ставкам подоходного и корпорационного налога, повышены налоги, взимаемые с процентных доходов по банковским вкладам.

Однако предпринятых мер оказалось недостаточно для покрытия а чрезвычайных государственных расходов. В результате на фоне увеличения в третьем квартале государственного потребления на 9,1% отношение дефицита консолидированного бюджета к ВВП по итогам 1999 г. вместо намечавшихся 7% составило почти 12%, а отношение профицита первичного бюджета к ВВП вместо намечавшихся 4,3% - чуть более 2%⁵⁴. Темпы роста денежной эмиссии в сентябре-декабре возросли до 6,5% против 3,9% в январе-июле⁵⁵. В результате по итогам года рост цен, измеренный на базе дефлятора ВВП, вместо намечавшихся 44% достиг 56%.⁵⁶

1999 г., как год продолжения политики финансовой стабилизации и неизбежно связанного с ней сжатия внутреннего рынка, с самого начала явился не самым благоприятным для экономического роста. Кроме того, действовали и дополнительные

факторы его сдерживания. Длительный период инфляционного развития в 80-90-е годы, на протяжении которого сменявшиеся правительства заявляли о намерениях ограничить рост цен, сформировал весьма устойчивые инфляционные ожидания хозяйственных агентов страны. 1999 г. как год парламентских выборов привнес еще больше скептицизма в настроение деловых кругов. Процентные ставки весьма вяло реагировали на заявления партийных лидеров о преемственности курса на финансовую стабилизацию: по итогам 1999 г. годовая номинальная процентная ставка по вкладам оставалась на уровне 145%, а реальная - около 50%⁵⁷. В результате инвестиции в ценные бумаги и банковские депозиты оставались более предпочтительными по сравнению с инвестициями в реальный сектор экономики. Одновременно высокие процентные доходы сдерживали и рост потребления, побуждая откладывать спрос и увеличивать сбережения. В условиях сокращения темпов роста доходов приверженность хозяйственных агентов инвестициям в различные финансовые инструменты сохранялась ценой сужения потребительского спроса и падения инвестиций в реальный сектор экономики. Неблагоприятная конъюнктура для экономического роста в 1999 г. усугубилась после землетрясения. Кроме того, определенное негативное влияние на развитие экономики Турции в 1999 г. оказали внешние факторы: валютный кризис 1998 г. в РФ привел к резкому сокращению объема челночной торговли. По итогам года ВВП сократился на 6,4%⁵⁸.

Тем не менее, антиинфляционные меры турецких властей получили позитивную оценку Запада, который не разделял мнения об инфляции как своеобразном способе стимулирования деловой активности. Показательно мнение главы исследовательского отдела по развивающимся странам Европы известного инвестиционного агентства «Морган Стэнли» Р. Барбиери. «Ошибочно полагать - отмечал он, - что снижение инфляции ведет к снижению экономического роста. Противоречие между инфляцией и динамикой темпов роста может существовать в том случае, если речь идет о выборе между нулевой инфляцией и инфляцией, не превышающей 7% в год. Однако издержки инфляции, составляющей 70-80%, чрезмерно высоки. Она подталкивает экономических агентов к принятию решений и действиям в пределах исключительно краткосрочной политики, что создает нездоровую обстановку в экономике. Конечно, социальные издержки снижения инфляции могут оказаться довольно значительными. Однако с целью их смягчения следует предусмотреть политику постепенного снижения инфляции на протяжении 2-3 лет»⁵⁹.

Одновременно осознание негативных сторон экономического развития, при котором периоды роста чередуются с кризисами, произошло и в самой Турции. В ретроспективном обзоре журнала «Capital» за июнь 2000 г. «Новая Турция» период с

1980 по 2000 г. характеризовался как период экономического развития на основе принципа «стой-иди», в результате чего среднегодовые темпы роста составили менее 4%. По мнению авторов обзора, одним из преимуществ нового периода, наступление которого ожидалось в экономическом развитии Турции, должны были стать стабильные темпы роста при снижении инфляции до значений, выражающихся однозначными цифрами.⁶⁰ Сдвиги в общественном мнении Турции рассматривались западными экспертами как одна из гарантий последовательности курса на финансовую стабилизацию.

Начиная с 2000 г. поддержка Турции Западом приняла форму кредитного содействия в выполнении принятых ею на себя обязательств в сфере макроэкономической политики. Впервые эти программные обязательства были изложены в «Письме о намерениях» от декабря 1999 г. за подписью главы Центрального банка Турецкой Республики Г. Эрчеля и государственного министра по экономике Р. Онала. В качестве главной цели экономической программы провозглашалось подавление инфляции и создание лучших перспектив для роста и обеспечения более высоких жизненных стандартов для всех слоев населения. Тремя основными пунктами программы были объявлены эффективное регулирование фискальной сферы, более высокая прогнозируемость динамики валютного курса и структурные реформы в экономике.

- В области фискальной политики основными задачами являлось обеспечение первичного профицита системы госфинансов в 2000 г. в размере 2,2% ВВП, который наряду с более активной и многовариантной политикой по управлению государственным долгом должен облегчить бремя его обслуживания. При этом уровень инфляции по итогам 2000 г. должен снизиться до 25%.

- В качестве «якоря» в процессе финансовой стабилизации был избран валютный курс, который по существу был объявлен фиксированным и должен был меняться в режиме «ползущей привязки», то есть на предстоящий год заранее определялись как даты проведения девальвации, так и ее уровень. Для обеспечения на практике предсказуемости валютного курса рост внутренних активов Центрального банка был ограничен ростом его валютных резервов.

- Структурные реформы рассматривались как совокупность мероприятий, направленных на укрепление государственных финансов посредством ликвидации неравномерности в распределении налогового бремени, неоправданных трат, в том числе, связанных с действовавшей в стране неэффективной системой поддержки сельскохозяйственного производства.

В первой половине 2000 г. Турции удалось добиться заметных успехов в борьбе с инфляцией: рост оптовых цен за период с января по апрель составил 16,2%, что

составляло самый низкий уровень за аналогичный период на протяжении предшествующих 13 лет.⁶¹ Снижение процентной ставки вызвало оживление производства и потребительского спроса, что одновременно с благоприятными условиями импорта обеспечило рост экономики по итогам года в 6,1%⁶².

Но со второй половины года темпы снижения инфляции стали отставать от запланированных: рост цен, рассчитанный на базе дефлятора ВВП, составил по итогам составил 51,5% вместо запланированных 42,5%⁶³. В условиях фиксированного валютного курса это означало удорожание турецкой лиры, которое и привело к росту спроса на импортные товары. Данная тенденция с повышением мировых цен на энергоносители. Поэтому дефицит по текущим операциям платежного баланса к концу года значительно опередил запланированный уровень в 1,8% ВВП, составив 4,8%⁶⁴. В результате усилилось беспокойство на национальном валютном рынке, поскольку оказалась под сомнением способность правительства твердо придерживаться запланированной политики валютного курса. В сложившейся ситуации иностранные инвесторы стали проявлять большую осторожность в отношении финансового рынка Турции, и во второй половине 2000 г. приток средств извне сократился. В соответствии с системой взаимосвязей, которая была заложена в стабилизационную программу 2000 г. произошло снижение темпов прироста денежной массы, что породило проблемы с банковской ликвидностью. Это повлекло за собой рост процентных ставок по краткосрочным кредитам и еще более насторожило иностранных инвесторов: начался отток капитала из страны. Для нормализации ситуации в ноябре 2000 г. ЦБТР провел валютные интервенции в объеме 6 млрд. долл.⁶⁵ В конце 2000 г. с целью недопущения развития кризиса были предприняты попытки ускорить проведение структурных реформ. Кроме того, важную роль сыграло достижение соглашения с МВФ о выделении 7,5 млрд. долл. для увеличения официальных валютных резервов⁶⁶.

Частично достигнутая стабилизация финансового рынка была нарушена разногласиями во властных структурах. В результате общество вновь утратило доверие к проводимой стабилизационной программе, турецкая лира стала подвергаться массированным атакам. 19 февраля спрос на доллары достиг 7,6 млрд. долл.⁶⁷, в результате чего ЦБТР объявил о переходе к плавающему валютному курсу, что было равносильно объявлению неконтролируемой девальвации. По итогам 2001 г. падение ВВП составило 9,5%, отношение бюджетного дефицита к ВВП достигло 16,5% против 10,6% в 2000 г., оптовые цены выросли более чем на 60%, тогда как в 2000 г. их рост удалось ограничить 50%.⁶⁸

Валютно-финансовый кризис 2001 г. был обусловлен теми же причинами, что и кризис 1994 г.: сохранявшейся несбалансированностью в сфере госфинансов, привлечением краткосрочных иностранных инвестиций в целях финансирования ее дефицита, зависимостью национальной экономики от колебаний в поступлениях внешних источников финансирования. Тем не менее, глубина двух кризисов и масштабы их негативного воздействия на экономику различны. По мнению ряда турецких исследователей, существует ряд причин, по которым кризис 2001 г. оказался гораздо более драматичным. Так, известный экономист О.Улагай назвал следующие причины⁶⁹. Во-первых, кризису 1994 г. предшествовали благоприятные для реального сектора тенденции в развитии экономики, тогда как кризису 2001 г. предшествовали 14 месяцев активной борьбы с инфляцией. Они явились трудным периодом перестройки для экономических агентов, привыкших к деятельности в условиях инфляции. В частности, это трудности проявились в росте числа фирм, испытывавших финансовые затруднения: в первой половине 2000 г. они составляли 47,6% от общего числа фирм, а во второй половине 2000 г. – уже 69,7%. Во-вторых, кризис 1994 г. разразился после двух лет, ознаменовавшихся исключительно высокими темпами роста. Что касается кризиса 2001 г., то предшествовавший ему в 2000 г. экономический рост в 6,1% мог лишь отчасти компенсировать его падение в 1999 г. В-третьих, кризис 1994 г. разразился в условиях отсутствия на протяжении нескольких лет консультативного и кредитного сотрудничества с МВФ. Поэтому возобновление контактов с Фондом было воспринято как обнадеживающий акт и способствовало скорейшему выходу из кризиса. Кроме того, кризис 1994 г. значительно актуализировал масштабные изменения в экономике Турции, направленные на то, чтобы обеспечить ее соответствие требованиям глобализации. Кризис 2001 г. разразился на фоне активного сотрудничества правительства Турции с МВФ, что обернулось для последнего потерей авторитета перед лицом общественного мнения страны. События 2001 г. показали, и что структурные изменения экономики не просто актуальны: без них невозможен выход из кризиса. Позитивным моментом кризиса 2001 г., по мнению О.Улагая, должно было стать то, что после осуществления необходимых мер, впредь окажется невозможным принятие дешевых политических решений за счет экономики.

Выход их кризиса намечалось обеспечить посредством осуществления «Программы построения сильной экономики Турции» (Türkiye'nin güçlü ekonomiye geçiş programı), которая была принята в апреле 2001 г. с целью устойчивого выхода из череды периодических кризисов 90-х-начала 2000-х годов⁷⁰. Структурные изменения должны

были охватить следующие основные сферы: государственные финансы, банковский сектор, создание конкурентной среды и повышение эффективности экономики.

В сфере госфинансов намечалось повышение прозрачности и отчетности, введение единого закона, регулирующего порядок привлечения государством внутренних и внешних займов, их ограничение запланированным объемом дефицита, регулярное информирование правительством и Казначейством ЦБТР об объемах произведенных займов, а также заслушивание регулярных отчетов последнего перед парламентом. С целью упорядочения функционирования системы госфинансов предусматривалось упразднение системы как бюджетных, так и внебюджетных фондов, их включение в основной бюджет.

В 2001 г. размер кредитной помощи МВФ превысил 10 млрд. долл., что сыграло важную роль в преодолении последствий валютно-финансового кризиса. В рамках нового соглашения о стабилизационных кредитах на 2002-2004 гг. МВФ запланировал предоставление Турции кредитной помощи в размере 16 млрд. долл. Основными направлениями стабилизационной программы Турции были объявлены сокращение государственных расходов на основе придания госфинансам более компактной и более легко контролируемой структуры, проведение налоговой реформы, направленной на расширение налоговой базы и исключение применения всевозможных налоговых льгот, обеспечение заданных объемов первичного профицита госбюджета (то есть соотношения бюджетных доходов и расходов до осуществления процентных выплат по госдолгу), снижение потребностей государства в новых займах, ослабление его давления на финансовый рынок, снижение процентных ставок и инфляции.

По итогам 2002 г. темпы экономического роста составили 7,8%, рост цен, измеренный на базе дефлятора ВВП, снизился до 43,8%, а дефицит бюджета - до 14,9% ВВП⁷¹. Наиболее серьезными проблемами в экономике Турции оставались значительно возросший за последние годы внешний долг страны: на конец 2002 года оценивался в 131 млрд. долл., что соответствовало 78% ВВП, на конец 1999 г. данное соотношение составляло 54%. Из общей суммы задолженности на центральное правительство приходилось около 57 млрд. долл. Отношение внутреннего государственного долга к ВВП составляло в 2002 г. составляло 68% против 29,3 в 1999 г.⁷² Таким образом, суммарное отношение государственного долга к ВВП в 2002 г. превышало 96%.

Банковская система Турции на рубеже XX-XXI вв. Переход в конце 90-х годов к финансовой стабилизации ознаменовалось укреплением статуса Центрального банка Турецкой республики. Предполагалось, что повышение роли кредитно-денежной политики, невозможное без усиления контроля ЦБТР над уровнем инфляции, потребует

усиления независимости главного банка, равно как и ее законодательного оформления. В конце апреля 2001 г. планировалось принять новый закон о ЦБТР. Валютно-финансовый кризис начала 2001 г. актуализировал применение Центральным банком сдерживающей кредитно-денежной политики и ускорил принятие нового закона о его статусе, который вошел в силу 4 мая 2001 года. Новый закон ограничивал взаимоотношения ЦБТР и исполнительной власти лишь обязательством первого предоставлять Совету министров дважды в год - в апреле и октябре - отчет о проводившейся и планируемой кредитно-денежной политике. Кроме того, дважды в год ЦБТР должен информировать о своей деятельности плановую и бюджетную комиссии парламента. ЦБТР также должен оповещать общественность о целях кредитно-денежной политики и средствах их достижения. Наиболее существенное отличие нового закона состояло в том, что он не предусматривал предоставление Центральным банком кредитов казначейству или другим государственным структурам и организациям. В связи с отмеченными изменениями в деятельности ЦБТР, начиная с 2001 г. прирост денежного предложения (M2) устойчиво сокращается (43% в 2001 г. и 30% в 2002), тогда как в 1998-1999 гг. он составлял более 100% в год⁷³.

Система коммерческих банков Турции насчитывает свыше 80 банковских учреждений как государственных, так и частных. Последняя группа включает и иностранные банки. Банковская система Турции находится в сложном положении. Оно обусловлено несколькими факторами. Во-первых, на протяжении 90-х годов произошло ослабление структуры банковских пассивов. В этот период государство преднамеренно избегало усиления контроля за деятельностью банковской системы, допуская возникновение слабых в структурном отношении новых банков, то есть банков с опасно низким уровнем собственных источников относительно привлеченных (в 1989-1998 гг. доля собственных источников в суммарных активах банков составляла 5 до 7,5%)⁷⁴. Устойчивость банковской системы была принесена в жертву максимально эффективной деятельности национальной банковской системы по размещению государственных долговых обязательств, в том числе, через систему привлечения внешних кредитов (доля ликвидных активов, куда входят ценные бумаги правительства и казначейства, на протяжении 90-х годов удерживалась в районе 50% при том, что, например, в 1996 г. коммерческие банки Турции являлись держателями 81% внутреннего государственного долга)⁷⁵. Во-вторых, сделав основной акцент на решении вышеназванной задачи и получая основную часть прибыли от операций с высокодоходными государственными ценными бумагами, банки заметно понизили диверсифицированность активных операций, одновременно сократилась их клиентская база. В-третьих, в силу названных

обстоятельств весьма сложной для банков оказалась перестройка в условиях начавшейся в 1999 г. финансовой стабилизации и снижения банковского процента. Ситуация усугубилась тем, что в условиях сужения внутреннего рынка ряд фирм оказались не в состоянии своевременно погасить кредитную задолженность банкам. По итогам 1999 г. суммарные убытки коммерческих банков возросли в 3,7 раза, а доля собственных источников в активах упала до 2,2%⁷⁶. При недостаточной устойчивости многих банков рост убытков привел кряду банкротств. В-четвертых, валютно-финансовый кризис 2001 г. усугубил положение турецких банков, которые, все еще оставались держателями значительных по объему открытых валютных позиций, несмотря на некоторое снижение активности заемной деятельности государства.

Особый род трудностей переживают государственные банки, имеющие значительные специфические убытки, которые связаны с финансированием определенных направлений социально-экономической политики государства.

В целях решения проблем банковского сектора парламент Турции в июне 1999 г. принял новый Закон о банках, который предусматривал создание особого органа контроля за функционированием национальной банковской системы - Совета по контролю и упорядочения деятельности банковской системы. Создание Совета должно было положить конец ситуации, когда соответствующие контрольные полномочия оказались разделенными между ЦБТР и Казначейством. Совет по контролю и упорядочению деятельности банков приступил к осуществлению своих полномочий в полном объеме в августе 2000 г. Как отмечалось в «Письме о намерениях» от декабря 2000 г., правительство исполнено решимости обеспечить усиление банковского сектора посредством проведения стратегии, нацеленной одновременно на укрепление дисциплины и рост доверия к банкам. Краеугольным камнем этой стратегии стало учреждение независимого Совета⁷⁷. При этом подразделения Казначейства и ЦБТР, обеспечивавшие контроль за деятельностью банков, были упразднены. Совету был передан на правах его подразделения основанный ранее и действовавший при ЦБТР Фонд страхования депозитов.

Как подчеркивалось в «Письме о намерениях» от декабря 1999 г., с точки зрения соблюдения банками рыночной дисциплины крайне важно изъятия банка-банкрота из рук владельца и передача его Совету, быстрое вмешательство которого защитит интересы клиентов и кредиторов банка. Поэтому Совет наделен полномочиями вмешиваться в деятельность любого банка, которому угрожает банкротство, чтобы минимизировать издержки банкротства для правительства и Фонда и обеспечить, таким образом, упрочение банковской системы. В первую очередь имеются в виду банки, имеющие

ослабленную финансовую структуру, не способные поддерживать достаточный уровень собственного капитала и обеспечивать сбалансированность своей деятельности⁷⁸. Вмешательство Совета по контролю и упорядочению деятельности банков осуществляется через Фонд страхования депозитов и может иметь следующие формы: установление контроля над операциями по привлечению депозитов, контроль за использованием активов, введение внешнего управления в банке в случае изъятия у него полномочий на ведение банковских операций, осуществление выплат держателям депозитов в рамках обязательств по страхованию депозитов, вынесение требований по объявлению банкротства и некоторые другие⁷⁹. Как правило, банки, переданные Фонду, продолжали функционировать, но были объявлены подлежащими рекапитализации за счет средств Фонда с тем, чтобы снизить величину рискованных активов до допустимого уровня. В некоторых случаях Фонд принимал решение о продаже банка. Поскольку в структуре банковской системы Турции в основном преобладают малые банки, то повышение ее устойчивости среди прочих мер включает и слияние банков. Аналогичные меры используются и в отношении государственных банков. Кроме того, рассматриваются и возможности приватизации последних. Суммарные активы турецких банков в 2002 г. оценивались в 139,3 млрд. долл., что составляло 74% ВВП⁸⁰.

2. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ПАРТИИ БЛАГОДЕНСТВИЯ: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ

Первый более или менее полно проявивший себя опыт правления исламистской партии - Партии благоденствия (ПБ)- Турецкая Республика пережила в июле 1996- июне 1997 г.⁸¹ На парламентских выборах 1995 г. ПБ удалось набрать количество голосов, впоследствии оказавшееся достаточным для формирования коалиционного правительства совместно с правоцентристской Партией верного пути. Главой правительства стал лидер ПБ Неджметин Эрбакан.

Основные принципы экономической политика исламистов в качестве партии были известны еще до оглашения программы нового коалиционного правительства. Составить представление о них можно было на основании, во-первых, изданных работ и материалов публичных выступлений Неджметина Эрбакана и других деятелей ПБ, во-вторых, аспектов учения ислама, устанавливающих принципы организации хозяйственно-экономической жизни общества, в-третьих, анализа социальной базы Партии благоденствия, и, наконец, программы, с которой ПБ выступала на выборах 1995 г.

В статье «К оценке роли исламских идей и капиталов в турецкой экономике» российский турколог-экономист Е.И.Уразова упомянула книгу Н.Эрбакана «Справедливый экономический порядок» (Adil Duzen)⁸². В ней действовавшая в стране на тот момент экономическая система была охарактеризована как «рабский порядок», пораженный пятью вредоносными микробами: (высоким) процентом, несправедливыми налогами, режимом обмена валюты, казначейством⁸³ и банковской системой. «Когда мы придем к власти – писал Эрбакан – мы сразу начнем преобразования, которые избавят Турцию от этих микробов». Данный тезис не имел в строгом смысле слова программного характера, поскольку выражал лишь политическую готовность, действуя иначе, чем предшествовавшие правительства, одновременно решить все в наиболее болезненные проблемы экономики, но, не уточняя при этом, каким образом.

Более сложившийся характер имела внешнеэкономическая концепция Н.Эрбакана, которая вынашивалась им на протяжении многих лет задолго до прихода к власти. Турецкий журналист Х. Джейлан в книге «Основные проблемы Турции» поместил интервью Н.Эрбакана разных лет, в частности, те из них, в которых нашла отражение позиция лидера ПБ по вопросам взаимоотношений с экономической организацией стран Западной Европы – Европейским Сообществом, а впоследствии Союзом. Вот некоторые из высказываний Н.Эрбакана: «Обращение о членстве в ЕС означает отрицание нашей мусульманской сущности для того, чтобы быть европейцами и объединиться с

Европейским сообществом в политической, культурной и экономической сферах»; «В то время как в Турции усиливаются тенденция обращения к исламским ценностям, заявляется о намерении стать полноправным членом ЕС⁸⁴. Конечно, это не случайность.»; «Европа не желает того, чтобы Турция в результате усиления позиций ислама заняла место в объединении исламских государств»; «Если мы вступим в Общий рынок, обеспечат ли нам права человека в том смысле, как мы это понимаем, или же, приняв нас в качестве граждан второго сорта, к нам применят и иные права?»; «Некоторые надеются вступить в Европейское Сообщество, будучи мусульманской страной, и стать единым государством с Европой. Но этот путь приведет Турцию к положению прислужницы. Каков будет результат? Придут армяне и греки. Те земли, которые они в свое время не смогли получить в результате войны, будут захвачены ими теперь. Они начнут скупать недвижимость. Они будут принимать законы, по которым нам придется жить. Мы отдадим им нашу независимость»⁸⁵.

Важнейшей составляющей предвыборной кампании Н.Эрбакана в 1995 г. стала идея противостояния Западу и Европейскому Союзу. По его мнению, важнейшим международным структурам, в которых страны Запада играют определяющую роль, следовало противопоставить аналогичные структуры исламских государств, как-то Организацию объединенных наций мусульманских стран, их Организацию по оборонному сотрудничеству, Общий рынок, в рамках которого будут иметь хождение единая денежная единица мусульманских государств, а также Организацию культурного сотрудничества мусульманских государств. Поэтому в его предвыборных выступлениях звучал как мотив непримиримости в отношении ЕС, так и мотив объединения мусульман мира. Выступая в Анкаре в июле 1995 г., то есть, уже в рамках предвыборной кампании, Эрбакан заявил: «Партия благоденствия выступает не за роль Турции-прислужницы Запада, а за всемирное сотрудничество мусульман». В этот период неприятие идей сотрудничества с Евросоюзом приняло у лидера ПБ форму открытых угроз относительно соблюдения Турцией договорных обязательств в рамках начавшего действовать таможенного союза Турции и ЕС⁸⁶. «Спустя 11 дней после прихода к власти мы заявим о непризнании соглашения о таможенном союзе» - заявил Эрбакан на публичном выступлении в городе Болу в декабре 1995 г. «Краткое название таможенного союза - европейский мандат», - объявил он несколько дней спустя в Анкаре. А вот пример довольно экспрессивного обращения в предвыборный период к Тансу Чиллер, которая в бытность премьер-министром подписала соглашение о таможенном союзе, а впоследствии стала партнером Эрбакана по правительственной коалиции: «Госпожа Чиллер, оставив ислам, собирается объединиться с гяурами. Они сумасшедшие (Чиллер и ее сторонники -

Н.У.), сумасшедшие. Твоя мать носит чаршаф. И бабушка тоже. Ты же, как артист, не знаешь чаршафа. Какую роль ты играешь, где твой ум?»).

Из отрицания сотрудничества с Западом следует основная экономическая идея Эрбакана и его единомышленников - идея развития на собственной основе, за счет более рационального использования собственных ресурсов, которая получит впоследствии развитие в партийной программе ПБ и в менее острой форме - в программе коалиционного правительства.

Определенные ожидания, связанные с экономической стратегией ПБ, были предопределены ее политической идентификацией как партии исламистской. Данное обстоятельство позволяло прогнозировать консервативную позицию в отношении роли государства в экономике, традиционно значительной в Турции, и даже известную оппозиционность идее приватизации. Показательны результаты исследований, которые были проведены турецким представительством немецкого фонда Конрада Аденауэра (Konrad Adenauer) и опубликованы в конце июня 1996 г. Исследователи фонда, в частности, отмечали, что «особая опасность Партии благоденствия для турецкой демократии связана с ее преданностью идее государственной экономики. Поэтому ПБ с большой степени вероятности может создать удушающую обстановку, которая будет характеризоваться весьма идеалистичным околорелигиозным толкованием прав и свобод»⁸⁷.

С учетом исторического опыта республиканской Турции и достаточно успешной трансформации страны в светское государство, видимо, было бы преувеличением рассматривать Партию благоденствия, даже с учетом ее оппозиционного характера, как партию фундаментального ислама. Общественный раскол в Турции, видимо, имеет место, но его причина за период республики, который ознаменовался процессом имущественного расслоения в среде национальной буржуазии, из сферы чисто религиозной во многом переместилась в сферу экономическую. Иначе говоря, вопрос политической поляризации общества - в значительной мере это вопрос о несовпадении интересов групп национального предпринимательства: крупным предпринимателям, традиционно наиболее активно поддерживаемым государством и наиболее крепко с ним сросшимся, противостоят менее мощные предпринимательские группы, оказавшиеся вне зоны существенной государственной опеки. На протяжении истории республики в число первых попадали, прежде всего, предприниматели, наиболее охотно разделявшие ценности республики - светскость, а впоследствии - и экономическую модернизацию по западным моделям и с финансовой помощью Запада. С точки зрения географической речь идет, в первую очередь, о буржуазии традиционно наиболее космополитичных и

экономически развитых районов западной Турции во главе со Стамбулом. Однако параллельно, хотя и значительно медленнее, происходило усиление более консервативной анатолийской буржуазии, концентрировавшейся во внутренних районах Турции. Ее сравнительно более слабый охват системой государственной поддержки закреплял тенденцию оппозиционности светской, ориентированной на Запад власти и усиливал приверженность системе традиционных национальных, что во многом означало исламских, ценностей. На начальных этапах существования республики на официальном уровне они не пропагандировались вовсе, а позже лишь частично разделялись государством.

В выпущенном Дирекцией при аппарате премьер-министра по делам женщин информационно-исследовательском издании «Поддержка женщин-предпринимателей в Турции» промышленная политика государства характеризуется как отрицательно влияющая на капиталонакопление малых предприятий. «Правительства, традиционно отдающие предпочтение крупным компаниям, поощряют их через систему налоговых скидок и освобождений. При этом не существует подобной системы поощрений, направленных на поддержку малых предприятий» - отмечали его авторы⁸⁸.

В таблице 1 представлена структура обрабатывающей промышленности Турции, в основу которой положена величина предприятий, рассчитанная на базе числа занятых⁸⁹.

Таблица 1

**СТРУКТУРА
ПРЕДПРИЯТИЙ ОБРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ТУРЦИИ ПО
ЧИСЛУ ЗАНЯТЫХ И НЕКОТОРЫМ ДРУГИМ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКИМ ПОКАЗАТЕЛЯМ**

Группы предприятий по числу занятых	Доля группы в общей численности предприятий (%)	Доля группы в общей занятости (%)	Доля группы в суммарной годовой заработной плате (%)	Доля группы в создании общей добавленной стоимости (%)
10- 24	35,40	5,48	2,22	2,04
25- 49	27,60	9,82	4,89	4,85
50- 99	15,88	11,05	6,46	6,15
100-199	10,37	14,55	11,56	10,68

200-499	7,21	22,40	23,53	23,79
500-999	2,44	16,87	21,87	17,79
1000+	1,09	19,84	29,47	34,69

Анализ данных таблицы 1 свидетельствует о весьма перспективной ставке на малый и средней бизнес в Турции в качестве оппозиционного электората: довольно многочисленный, охватывающий, по меньшей мере, 70 % предприятий и свыше 25% занятых, он в тоже время по-прежнему сильно стеснен экономически, имея неадекватно низкую долю в заработной плате и создаваемой добавленной стоимости. Кроме того, в расчет следует принять чрезвычайно многочисленную группу мельчайших предприятий с числом занятых менее 10 человек. Производившаяся в последний раз в 1992 г. перепись этих предприятий оценила их численность в 186,5 тыс., а число занятых на них в 545 тыс. человек.

Следует отметить, что с течением времени разрыв по таким важнейшим экономическим показателям, как доля в заработной плате и доля в созданной добавленной стоимости между крупными и средними и мелкими предприятиями постепенно сокращается. Данное обстоятельство свидетельствует о некотором упрочении экономических позиций последних групп. Так, доля предприятий с числом занятых от 10 до 24 человек в 1986 г. составляла 48% от общей численности предприятий обрабатывающей промышленности, к 1997 г. она снизилась до 35%, при этом их доля в совокупной заработной плате и созданной добавленной стоимости по сравнению с 1986 г. понизилась весьма незначительно. Доля же предприятий с числом занятых свыше 1000 человек сократилась по сравнению с 1986 г. менее чем на 0,5%, а их доля в созданной добавленной стоимости сократилась более чем на 6%⁹⁰.

В материалах фонда Конрада Аденауэра отмечалось, что «в экономическом смысле ПБ представляет собой политический продукт противодействия недавно усилившегося и стремящегося к равноправной конкуренции анатолийского капитала крупным компаниям, которые были вскормлены государственной политикой импортзамещения»⁹¹.

В начале 80-х годов с началом проведения политики экспорториентированного роста дифференциация внутри национальных фирм трансформировалась в дифференциацию на основе преимущественной ориентации на внешний рынок (те же крупные компании из западных районов страны) или внутренний рынок (сравнительно более слабые компании из внутренних районов).

В коллективном фундаментальном исследовании турецких авторов «Турецкая внешняя политика» (Türk Dış Politikası), вышедшем в свет в 2002 году под редакцией

Б.Орана (B. Oran), в качестве важной части социальной базы ПБ также выделялся анатолийский капитал, который, как отмечают авторы, известен под названием «зеленого капитала»⁹². Однако его рост и экономическое усиление рассматриваются не только как самопроизвольный процесс, но как процесс, получивший дополнительный импульс в период правления Т. Озала, который проявил недопустимую по прежним меркам лояльность в отношении ислама. Экономической формой ее проявления стали дешевые кредиты государственного Народного банка (Halk Bankası). Справедливости ради следует сказать, что этот банк возник еще в 1938 г. с целью обеспечения льготными кредитами мелких и средних предпринимателей. В российской туркологической литературе его деятельность принято оценивать положительно.

Итак, следует констатировать совпадение в Турции в значительном числе случаев понятий происламский капитал и мелкий и средний капитал. С этой точки зрения весьма иллюстративными являются факты личной биографии лидера Партии благоденствия Н.Эрбакана. Российский турколог Н.Г. Киреев отмечал, что судьба, карьера Эрбакана отражает судьбу мелкого собственника и предпринимателя в Турции, особенно в провинции⁹³. Далее он пояснял: Н.Эрбакан (1926 г.р.) выпускник Стамбульского технического университета, не сразу обратился к исламу, как средству политического самоутверждения. Завершив техническое образование в докторантуре высшей технической школы в Аахене (Германия), он занимал в 1956-1963 гг. пост генерального директора небольшой фабрики дизельных моторов Гюмюшмотор и, как пишут турецкие источники, «привлек внимание общественности своей защитой анатолийского торговца и мелкого промышленника перед крупными промышленниками и торговцами». При поддержке первых он смог попасть в руководящие органы Союза палат Турции, а в 1967 г. стал генеральным секретарем этой в те годы единственной организации частного сектора... В 1969 г. в основном за счет голосов мелких предпринимателей он был избран на пост генерального председателя Союза палат, однако правительство ПС (Партии справедливости - Н.У.)⁹⁴ аннулировало результаты выборов. После этого на парламентских выборах 1969 г. Эрбакан прошел в депутаты как независимый кандидат, а в январе 1970 г. вместе со своими соратниками учредил первую в истории республиканской Турции происламскую партию – Партию национального спасения (Milli Nizam Partisi). «На примере Эрбакана можно видеть, как мелкий предприниматель в Турции ищет различные способы утвердиться в бизнесе; не получая помощи от светской власти и соответствующих предпринимательских организаций, он апеллирует к религии, морали, справедливости... и, в конечном счете, приходит к исламизму» - заключает Н.Г.Киреев⁹⁵.

Итак, происламское направления в политической жизни Турции ориентировано на интересы мелкого и среднего предпринимательства, что дает основания предполагать в экономической программе и политике усиление мер по его поддержке. Вместе с тем, из данного обстоятельства следует ограниченность приверженности национальных исламских партий идеям государственной экономики и, во всяком случае, означает разделение идеалов свободного рынка.

Оппозиционный характер Партии благоденствия позволил сплотить под ее знаменами не только часть национальной буржуазии, которая оказалась менее удачливой с точки зрения использования государственной поддержки, но и более широкие массы избирателей, понесших материальные и социальные потери в ходе преобразований, начавшихся в 80-е годы. Речь идет о снижении реальной заработной платы в условиях инфляции, росте неравномерности в распределении доходов и относительном ухудшении положения малоимущих. Поэтому малый и средний бизнес, ориентированный в основном на обслуживание внутреннего рынка страны следует отнести, скорее, к элитной части социальной базы ПБ, тогда как ее массовую часть составили маргинальные городские слои. Обмануть ожидания данной части избирателей, голоса которых обеспечили Партии благоденствия доступ к власти, могло оказаться непростительной политической ошибкой. Поэтому в качестве партии власти от нее следовало ожидать не только более масштабного учета интересов мелких и средних предпринимателей, но и продолжения широко применявшихся в ходе избирательной кампании популистских актов, адресованных массам. Часть обозревателей накануне формирования коалиционного правительства предполагала, что даже участие в нем правоцентристской Партии верного пути не сможет предотвратить проведение «маргинальной» политики⁹⁶. Государственный министр от ПБ и спикер вновь сформированного коалиционного правительства А.Гюль признавал, что «некоторые ожидают от них иррациональных, популистских мер»⁹⁷. И хотя он подчеркивал напрасный характер подобных ожиданий, для их использования ПБ имела веские политические основания. Кстати, согласно заявлению А. Гюля, сделанному накануне объявления программы коалиционного правительства, Партия благоденствия ставила задачу одновременного снижения инфляции и роста занятости, отдавая себе отчет в их взаимоисключающем характере, но при этом, полагая, что за счет применения *определенных мер* возможно их параллельное достижение.

Выше был проанализирован социальный состав электората происламских партий в Турции, который может быть охарактеризован как устойчивый. Кроме того, следует сказать о существовании в Турции «потенциального» электората партий подобного

направления. По мере накопления опыта финансово-экономического сотрудничества с Западом его издержки осознавались все более значительной частью демократических кругов, что принимало форму противопоставления двух моделей экономического развития: либеральной, подразумевавшей более высокую степень открытости, или же модели, предполагавшей широкое участие государства в экономике и ограниченное использование внешних источников финансирования. Характерный пример подобного противопоставления содержится в работе придерживающейся лево-демократических убеждений известнейшей турецкой исследовательницы-экономиста Г.Казган «Турецкая экономика: от Танзимата до XXI века»⁹⁸. Первую модель она характеризует как модель глобализации, вторую - как модель национального государства. Раскрывая содержание первой, Г. Казган отмечает такие ее особенности, как свободный в полном смысле слова рынок, интеграцию с мировой экономикой, включая свободное перемещение товаров и капитала. Исторические периоды, на протяжении которых Турция придерживалась данной модели, охватывают полвека в истории Османской империи, начиная с реформ Танзимата (70-е годы XIX века) до 1-ой мировой войны, первые годы правления Демократической партии (1950-1953) и, наконец, период, переживаемый Турцией ныне, который начался в 1980 г. Вторая модель, будучи «антитезой» первой, означает развитие экономики в условиях контролируемости финансового рынка и применения планирования. Она использовалась в Турции в периоды с 1930 по 1939 гг. и с 1961 по 1974 гг. Начальному опыту применения второй модели развития предшествовала мировая экономическая депрессия, во многом подорвавшая веру в свободную рыночную экономику. Вторичному обращению к данной модели во многом способствовали успехи в экономическом развитии СССР, которые многие развивающиеся страны захотели повторить на своем опыте, что привело к ослаблению влияния на них элит Запада.

Г.Казган выделяют две основные особенности первой модели:

- Ее основной целью не является создание новой экономической структуры, которая служила бы интересам страны, при этом в центре внимания власти находится не столько экономическая польза нации, сколько обеспечение доступа к внешним источникам финансирования, платой за их получение является превращение управленческих структур в посредника в деле адаптации экономики страны к моделям развития, привнесенным извне. Поэтому развитие осуществляется не в соответствии с внутренними возможностями и нуждами экономики, а в соответствии с требованиями, формулируемыми за пределами страны. При этом возможности правительства для изменения проводимой политики и ее приспособления к интересам страны очень ограничены. Например, отступление от политики, предложенной МВФ, ведет к

прекращению внешнего финансирования и всему комплексу следующих за ним негативных последствий. Иными словами, эластичность этой модели весьма низка: осознав ее негативные последствия, можно лишь ценой больших издержек отказаться от ее дальнейшего использования.

- В условиях роста зависимости национальной экономики от внешних факторов существенно сокращается возможность правительства осуществлять свободный выбор экономической политики, тогда как его ответственность растет. По причинам, не связанным с состоянием национальной экономики, может начаться, например, широкомасштабный вывод иностранного капитала, следствием чего становятся массовые банкротства, рост безработицы и проч. «В системе, где проблемы носят международный характер, а их решение должно осуществляться на национальном уровне, возможность достижения успеха практически отсутствует» - резюмирует Казган⁹⁹.

К числу наиболее важных характеристик второй модели Г.Казган относит:

- Преобладание в ходе развития национальных экономических интересов, в том числе, выдвигание на первый план цели подъема экономики страны. При этом в ходе достижения этой цели использовался как потенциал государственных промышленных предприятий, так и частного предпринимательства. Одновременно происходил подъем сельского хозяйства и достижение страной продовольственного самообеспечения. Иначе говоря, главной целью становился экономический подъем, в том числе, рост сельского хозяйства и промышленности, а также проведение сбалансированной политики, подчиненной интересам национальной экономики. При этом, подчеркивает Казган, первая модель не предусматривает осуществление стратегии, нацеленной на экономический рост. Основная цель стратегии, предлагаемой из-за рубежа, - либерализация. Каков будет рост ВВП, какой вклад в его динамику обеспечат сельское хозяйство или обрабатывающая промышленность - вопросы вторичные. В рамках второй модели эти вопросы контролируются посредством проведения эффективной политики, в рамках первой такой контроль не предусмотрен.

- К числу внутринациональных целей, на которые ориентирована вторая модель, относится повышение равномерности в распределении доходов. Быстрый экономический рост и повышение занятости являются главными инструментами в достижении этой цели. С другой стороны, рост доходов обеспечивает расширение внутреннего рынка для национального производства. В результате растет национальное единство. Напротив, в национальной экономике, которая переходит к модели открытости, а значит, конкуренции с ведущими мировыми производителями, удержание заработной платы на низком уровне становится фактором повышения конкурентоспособности, в результате постепенно

возрастает неравномерность в распределении доходов. В итоге внутри общества возрастают противоречия, ослабевают единство нации.

В рамках второй модели государство и общество едины в противостоянии международным компаниям и защищающим их интересы мощным государствам Запада. До тех пор, пока предприниматель ориентирован на внутренний рынок, его в состоянии защитить национальное государство. Как только он начинает сотрудничать с международными компаниями, национальный рынок переходит к ним в руки, и они объединяются с национальным государством в целях проведения политики, нацеленной на уничтожение местного предпринимательства. «В период плановой экономики в Турции происходило как укрепление промышленности в качестве основы экономики, так и усиление национального государства. В ходе процесса глобализации происходит ослабление национального государства, укрепившегося в плановый период, и переход под контроль международных сил экономики Турции» - заключает Казган¹⁰⁰.

Исследуя динамику макроэкономических показателей, наблюдавшуюся в период использования первой и второй моделей роста, она приходит к следующему выводу: особенность второй модели - низкая инфляция и высокие темпы экономического роста, особенности первой модели высокая инфляция (первоначально 50% в год, впоследствии - более 70%) и низкие темпы роста. Снижение темпов роста в условиях проведения первой модели Г.Казган объясняет следующим образом: либерализация обуславливает приток иностранного капитала, что дает импульс экономическому росту, однако его вывод из экономики страны приводит к обратному эффекту. При этом спад, спровоцированный исходом иностранного капитала из национальной экономики в условиях возрастания риска, своей глубиной и масштабностью перекрывает положительное воздействие притока иностранного капитала.

В заключение Г.Казган сопоставляет наследие первой и второй модели. Наследием первой, по ее мнению, являются рост внешнего и внутреннего долга, ограниченность суверенитета национального правительства в вопросах экономической политики. Вторая модель не имеет каких-либо негативных последствий. «Политика либерализации, проводимая Турцией в масштабах, которых она достигла в 90-е годы, неизбежно приведет страну к тем результатам, с которыми она столкнулась на закате османской империи¹⁰¹» - предсказывает Казган¹⁰².

В настоящем исследовании не ставится задача анализировать точку зрения Г.Казган на процесс экономического развития Турции. Отметим лишь, что ей, несомненно, присуще некоторая тенденция к упрощению проблемы, игнорирование того факта, что смена одной модели другой происходила в результате того, что не

оправдывались ожидания, связанные с использованием предыдущей, в том числе, в тех случаях, когда эта была модель, ориентированная на широкое государственное регулирование и ограничение открытости. Иными словами, свои издержки и пределы развития имеет и вторая модель. В критике же первой модели слышны мотивы, охарактеризованные петербургским исследователем С.М.Ивановым как «стихийный антиимпериализм». То есть виновником негативных процессов в турецкой экономике рассматривается Запад как таковой, а не те формы экономического взаимодействия с ним, которые были избраны турецкой стороной¹⁰³. В данной части нашего исследования важно признать, что подобная система взглядов свойственна довольно широким кругам демократически настроенной интеллигенции, студенчества. Из сказанного отнюдь не следует их обращение к ценностям ислама, но данное обстоятельство является достаточным основанием для неоднозначной оценки данной частью общества деятельности правоцентристских партий, находившихся у власти в Турции с начала 80-х годов и проводивших политику, которая расценивается демократическими кругами левого толка как политика ограничения экономической и политической самостоятельности Турции.

Поскольку кризис 1994 г. резко обострил не только общее политическое, но и бытовое понимание негативных последствий финансовой либерализации, в том числе, через массовый горький опыт девальвации и последовавшего за ней экономического спада, то резкое укрепление позиций Партии благоденствия на выборах 1995 г. получает вполне конкретное объяснение, в частности, через частичную трансформацию «потенциального» электората в реальный. И если большое число обозревателей и аналитиков обращало внимание на ухудшившийся имидж лидеров правящих партий, то на наш взгляд, решающим фактором стало отождествление экономического курса правоцентристских партий с валютно-финансовым кризисом 1994 г. Иными словами, возросшее разочарование и даже раздражение деятельностью правоцентристских партий трансформировалось в поддержку альтернативной политической силы, в данном, случае ПБ. В то же время важная роль поддержки «потенциального» электората создает предпосылки для известной демократизации или либерализации программных положений исламистских (происламских) партий Турции.

Один из ведущих турецких экономических журналов «Экономист» (Ekonomist), резюмируя экономический блок программы Партии благополучия, выделил следующие основные пункты:

- В качестве основного средства макроэкономического регулирования *создать новые источники финансирования*, что позволит не прибегать к избыточной денежной эмиссии.

- В целях достижения приоритетной макроэкономической цели провести *инвентаризацию* находящихся в собственности государства земельных участков, предназначенных под строительство, сельскохозяйственных угодий, зданий и автотранспортных средств, после чего начать их продажу.

- Предварительным условием *приватизации* сделать реабилитацию продаваемых объектов с тем, чтобы частному сектору продавались объекты, которые реализуют производимую продукцию на рыночных условиях.

- Не допускать приватизации государственных банков, обеспечив при этом их строгую специализацию на выделении кредитов установленным группам клиентов или под строго обозначенные цели: для Народного банка – это ремесленники, для Банка вакуфов (Vakıf bank) - вакфы (целевые фонды), для Сельскохозяйственного банка (Ziraat bankası) – фермеры, для Банка недвижимости (Emlak bankası) - жилищные кредиты. Не допустить приватизации таких государственных компаний-монополистов как, Петким (Petkim – объединение государственных нефтехимических заводов), Поаш и Тюпраш (POAŞ и Tüpraş - объединение государственных нефтедобывающих и нефтеперерабатывающих предприятий).

- Приватизировать все находящиеся в собственности государства леса.

- Не *предусматривать мер, направленных на снижение процентных ставок по государственным займам*, так как по мере создания дополнительных источников финансирования произойдет снижение потребности в государственных займах, что автоматически приведет к снижению уровня доходности по государственным заемным обязательствам.

- *Не повышать на первых порах налоги*, а, напротив, в целях стимулирования производства разработать меры, направленные на *их снижение*.

- *Разработать полугодовую программу поощрения производства.*

-Объединить *государственные организации социального страхования* и упорядочить их деятельность.

- Соблюдать обязательства по заключенным международным соглашениям, продолжать сотрудничество с МВФ, но оказывая на фонд давление в направлении увеличения выделяемых Турции средств.

- *Повысить импортные издержки* с тем, чтобы воспрепятствовать дальнейшему росту импорта и решить проблему дефицита внешней торговли.

Комментируя экономическую программу Партии благоденствия, следует особо остановиться на следующих ее положениях. Тезис о создании новых или дополнительных источников финансирования имеет исключительно важное значение, так как именно он

заключает в себе тот совершенно новый подход к концепции экономического развития страны, который принципиально отличает исламистов от светских партий правоцентристского толка. Он теснейшим образом связан с вопросом о необходимости и размерах финансово-экономического сотрудничества с Западом. Как отмечалось выше, в рамках модели развития, использовавшейся в Турции после 80-го года, привлечение средств извне считалось важным фактором стимулирования экономического роста. Обратной стороной их использования стал рост внешнего долга и усиление политической зависимости от западных стран-кредиторов. В 90-е годы в условиях глобализации и либерализации финансового рынка Турции, иностранные кредиты, хотя и продолжали выступать в роли катализатора роста, но одновременно в силу повышения мобильности капитала обрели способность провоцировать ускоренное развитие кризисных явлений при ухудшении экономической конъюнктуры внутри страны¹⁰⁴.

Позиция исламистов состояла в признании не столько объективного, сколько субъективного характера постоянной зависимости Турции от внешних, особенно, западных источников финансирования. Министр финансов коалиционного правительства А.Шенер, представлявший в нем Партию благоденствия, заявил: «За государственными займами стоит соответствующее лобби, и долги лавинообразно нарастают. Мы не являемся правительством этого лобби. Поэтому нам будет легко преодолеть эту тенденцию в динамике государственных займов...»¹⁰⁵. Лидеры ПБ противопоставляли сложившейся модели идею развития при опоре на собственные силы. Государственный министр коалиционного правительства от Партии благоденствия А.Гюль, отвечая на вопрос турецкого журнала «Экономист» (Ekonomist) о прорывах в экономике, планировавшихся его правительством, заявил следующее: «Каждая страна прибегает к использованию внешних источников, к займам, но мы верим, что главный принцип, который позволит разорвать порочный круг, заключается в том, что страны, подобные Турции, способны поддерживать динамизм внутри национальной экономики». Отсюда, и главный принцип исламистов во взаимоотношениях с МВФ - «да» - сотрудничеству по вопросам разработки макроэкономической политике, «нет» - долгосрочному кредитному сотрудничеству в рамках схемы «stand by». Напротив, в ходе переговоров предполагалось информировать МВФ об успехах в аккумулировании новых источников финансирования и снижении потребности госсектора в дефицитном финансировании. Несколько более реализма данной позиции предавало намерение заключить новые финансовые соглашения с исламскими странами, а Исламский банк развития рассматривать в перспективе как основного кредитора Турции.

Столь высокая ставка на новые или дополнительные источники финансирования требовала, по меньшей мере, их обнаружения «внутри экономики Турции» и четкого обозначения. Пожалуй, наибольший парадокс в экономических подходах ПБ заключался в одновременном довольно сдержанном отношении к приватизации. Информационному блоку, посвященному экономической политике нового коалиционного правительства, журнал «Экономист» (Ekonomist) дал подзаголовок «Эрбакан хочет создать источники (финансовые –Н.У.) без приватизации». При этом исламисты настойчиво требовали предварить приватизацию оздоровлением госпредприятий посредством их перевода на рыночные методы управления, воздержаться от приватизации стратегических предприятий, распространив ее лишь на те из них, которые производили товары «широкого спроса». Кроме того, в противоположность предыдущему правительству, они заняли жестко негативную позицию по вопросам приватизации госбанков, мотивируя ее нежеланием создавать ситуацию неопределенности для их клиентов.

Под новыми источниками подразумевались «люди, природные ресурсы и государственная недвижимость». После назначения на пост премьер-министра еще до оглашения программы правительства, Н.Эрбакан разослал во все государственные министерства и ведомства устное распоряжение, которое наряду с выполнением обычных обязанностей предписывало «создание и поиск источников». Министерству энергетики и природных ресурсов поручалось провести инвентаризацию природных ресурсов страны. Особо при этом выделялась задача оценить по новой стоимости рудные запасы и заключить соглашения на их разработку с мусульманскими странами. Всем государственным организациям вменялось в обязанность провести подробную инвентаризацию находящейся в их собственности недвижимости и предоставить соответствующую информацию в Министерство финансов. По завершению инвентаризации планировалось приступить к массовой продаже участков под строительство, земельных угодий, отелей и автомашин.

Особую роль в процессе создания источников отводилась приватизации лесов. Здесь ПБ намеревалась действовать более решительно, чем в сфере приватизации промышленных предприятий. Сетую на деятельность министерства лесного хозяйства, которое было не в состоянии обеспечить даже расходы на содержание персонала и находилось в постоянном ожидании перечислений из бюджета, чиновники от ПБ заявили: «В руках министерства находится настоящая казна, а оно в условиях, когда требуется создание дополнительных источников, не покрывает даже своих расходов»¹⁰⁶.

Создание источников не подразумевало усиление налогового бремени, особенно в отношении производства. Вопреки ожиданиям, отношение ПБ к приватизации носило

сдержанно позитивный характер, но и идея укрепления позиций государства в экономике не вошла в число программных положений.

Не имея в своем распоряжении полного текста программы ПБ, автор считает полезным обратить внимание на некоторые программные положения Партии добродетели (ПД), которая была создана сразу после закрытия в феврале 1998 г. по решению Конституционного суда Партии благоденствия. При этом почти все депутаты парламента от ПБ вошли в состав новой партии. Поэтому программа ПД как партии преемницы, с одной стороны, позволяет обобщить экономические воззрения ПБ, а с другой, базируясь на идентичности риторики, достаточно безошибочно выделить те положения партийной программы, которые вошли в платформу коалиционного правительства, и позволяют судить о масштабе отражения в ней взглядов именно исламистского крыла.

В качестве базового экономического понятия программа провозглашала свободную рыночную экономику, основанную на конкуренции, действии рыночных сил. Таким образом, мы получаем вторичное подтверждение слабой связи концепции турецких исламистов с идеей незыблемости или расширения роли государства в экономике. Но при этом не допускалась эксплуатация и получение необоснованных доходов. Указание на недопустимость эксплуатации и получения необоснованных доходов может трактоваться как стремление ограничить непропорционально возросшие доходы финансового сектора. Возможно, и то, что в качестве необоснованных рассматривались дополнительные доходы крупных фирм, извлекавшиеся в результате использования государственной поддержки. Но видимо, при любом прочтении в данном положении прослеживается исламская риторика, поскольку ислам, стремясь обеспечить сбалансированное развитие экономики и защитить общество от эксплуатации, не одобряет коммерческую деятельность, которая чрезмерно ограничивает имущественные интересы других членов общества.

В качестве основных целей в экономической сфере провозглашались подъем и развитие экономики для достижения готовности к конкуренции в условиях глобализации, рост производства и экспорта, повышение уровня благосостояния и преодоление бедности, а также справедливое распределение доходов. Последнее положение, видимо, можно расценивать как проявление специфического популизма ПД.

Следующий подраздел «Экономика» посвящен основным направлениям макроэкономической политики, в качестве которых фигурировали приведение в движение всех источников и возможностей страны для роста благосостояния общества, повышения занятости и снижения безработицы и одновременно решительная борьба с инфляцией. В целях обеспечения этих макроэкономических задач предполагалось

устранить все препятствия на пути развития, приведя в движение уже упомянутые источники, добиться роста производства и ВВП, упорядочить государственные долги и снизить до минимума потребность государства в займах, не допускать расточительства. Налоговая политика предусматривала значительное снижение ставок и более справедливое налоговое бремя. В качестве лейтмотива программы просматривалась оптимистическая надежда на безусловную возможность решения экономических проблем при опоре на собственные силы, то есть за счет более полного использования имеющихся в национальной экономике источников и возможностей. При этом, их объем, очевидно, представлялся столь значительным, а состав разнообразным, что, по мнению авторов программы, должен был позволить одновременно решать взаимоисключающие задачи по снижению инфляции и росту занятости, снижению налогов и сокращению государственного долга. Соединение в программе взаимоисключающих целей должно было поставить под сомнение признававшиеся прежними правительствами их альтернативный характер и способствовать росту популярности исламистов. Таким образом, квинтэссенция программы - популистский оптимизм при ставке на должное использование не использовавшихся или использовавшихся плохо ресурсов национальной экономики.

В разделе программы, посвященном проблемам приватизации, подчеркивалось, что особое значение будет придаваться передаче государственных объектов частному сектору с целью повышения доходов государства. Также отмечалось, что в процессе осуществления приватизации государственное предприятие будет находиться под управлением отраслевого государственного банка, и в этот период будут предприняты все усилия для того, чтобы обеспечить эффективную работу предприятия. То есть, как свидетельствуют положения программы, при положительном отношении к процессу приватизации исламистская Партия добродетели оставалась сторонницей мер по предварительному улучшению производственных показателей приватизируемого предприятия. Намерения по проведению приватизации подтверждались в разделе о промышленной политике ПД, в котором, во-первых, отмечалось, что инвестиции в промышленность будут осуществляться не государством, а частным сектором, а, во-вторых, что принадлежащие государству предприятия в основном будут приватизированы. В этом же разделе программы обозначались и основные контуры политики в отношении малого и среднего предпринимательства – обеспечение государственной поддержки в вопросах финансирования, управления, подготовки высокопрофессиональных кадров и маркетинговых исследований. В довольно компактном разделе «Ремесленники, малые и средние предприниматели» указывались

основные инструменты поддержки: льготные кредиты, создание технопарков, создание инвестиционных товариществ и оказание им поддержки.

Формулировки и смысловые акценты раздела «Внешняя политика», скорее, традиционны и нейтральны. В нем отмечается важность для Турции связей с Западом, особенно с ЕС и США. Одновременно заявлялось намерение усилить братские связи с мусульманскими, и особенно, тюркскими республиками, придавая должное значение расширению с ними культурных, экономических и политических связей. В разделе «Энергетика», с одной стороны, констатировалась бедность Турции с точки зрения обеспеченности природными энергетическими ресурсами, а с другой стороны, - возможность удовлетворения потребности в них по низким ценам за счет развития сотрудничества с близкими соседями, связанными с Турцией исторической и культурной общностью: Азербайджаном, Туркменистаном, Казахстаном. «В итоге - отмечалось в программе - проекты нефтепровода Баку-Джейхан, нефтепровода Казахстан-Азербайджан-Турция, газопровода Туркменистан-Иран-Турция, газо-и-нефтепровода из Ирака позволят удовлетворить потребности Турции в нефти и газе при низком уровне цен, на стабильной и безопасной основе». Особо следует обратить внимание на то обстоятельство, что в числе желательных партнеров Турции по энергоснабжению отсутствовала Россия.

Партнеры Партии благоденствия по коалиции - Партия верного пути, к тому моменту уже имевшая довольно богатый опыт управления экономикой страны, почерпнутый из того периода, когда ее лидер Тансу Чиллер являлась премьер-министром страны (июнь 1993-октябрь 1995), скептически относились к идее мобилизации ресурсов, считая ее утопической. Отсюда и акцент на необходимость ускоренной приватизации и принципиально иной взгляд на использование внешних источников финансирования. Государственный министр коалиционного правительства от ПВП Айфер Йылмаз так определила свою позицию по этому основному с точки зрения выработки концепции экономического развития вопросу: «Невозможно обеспечить рост экономики без источников. Нет источников - нет роста. Стабильный рост обеспечивает постепенное решение проблем, в противном случае проблемы нарастают как лавина. С учетом темпов роста населения нам необходим рост не менее 4,5 % в год. *То есть, у нас существует потребность во внешних источниках финансирования, а любая нестабильность перекрывает к ним доступ. Нестабильность и невозможность занимать привели к кризису 1994 г.»*¹⁰⁷.

С вопросом о субъективном или объективном характере потребности турецкой экономики в иностранных кредитах тесным образом связан вопрос о возможности

урегулирования платежного баланса путем ограничения импорта. Как отмечалось, последнее положение фигурировало в качестве программного у ПБ. Однако очевидна как высокая степень импортной зависимости турецкой промышленности по инвестиционным и промежуточным (сырьевые) товарам, так и реальная возможность сокращения импорта лишь в условиях экономического спада (кризиса). Понижительная динамика импорта и сокращение дефицита по внешнеторговым операциям наблюдалась именно в кризисных 1994, 1998 и 2001 гг.

Таким образом, коалиционное правительство ПБ-ПВП объединило людей, занимавших противоположные позиции по определяющим вопросам экономической стратегии. Поэтому программа правительства, очевидно, должна была представлять собой итог компромисса, в рамках которого позиции сторон смягчены, и не может в чистом виде рассматриваться как документ, отражающий экономические взгляды турецких исламистов. Тем не менее, их довольно сильные позиции в правительстве позволили все же ввести в программу значительное число отстаивавшихся ими положений.

Как утверждалось в правительственной программе, демократический, светский и правовой характер государства в Турецкой Республике и принципы Ататюрка признаются коалиционным правительством в качестве неоспоримых основ деятельности. В числе наиболее важных задач, решения которых возлагало на себя правительство, фигурировали укрепление государственных финансов, решение проблемы внешнеторгового дефицита, рост инвестиций.

В специальном разделе программы, посвященном экономическим вопросам, подчеркивалось, что во главу угла ставится создание обстановки стабильности и всевозможных условий для развития свободной рыночной экономики. Главной целью экономической программы правительства провозглашалась борьба с инфляцией и обеспечение стабильности цен, что должно было обеспечить предпосылки быстрого экономического роста. Далее отмечалось, что эффективное использование ресурсов обеспечит возможность устойчивого экономического роста, повышения благосостояния общества, улучшения в распределении доходов, роста занятости и ускорения индустриализации. То есть, в текст программы был включен базовый тезис исламистов об эффективном использовании ресурсов, равно как и парадоксальное, но устойчивое сочетание борьбы с инфляцией и роста занятости. При этом важнейшим фактором экономического подъема объявлялся переход от экономики рентного типа к экономике реального производства. Практически в первых строках раздела определялась и роль государства в экономике: главная задача государства – создание обстановки стабильности, осуществление контролирующих и наблюдательных функций в целях повышения

благополучия общества и создание необходимого базиса для развития частного предпринимательства. В качестве тактических задач в экономике выделялись устранение всех препятствий на пути развития, недопущение расточительства, повышение эффективности во всех сферах, *расширение источников*, мобилизация производства. В данной редакции тезис ПБ о новых источниках финансирования получил более сдержанное звучание: «создание» предлагалось заменить «расширением», что в какой-то степени ставило под сомнение наличие уж очень значительного объема неиспользованных источников. Борьба с инфляцией, по мнению авторов программы, должна была включать быстрое сокращение государственного дефицита, соблюдение финансовой дисциплины и постепенное сокращение финансового сектора. С одной стороны, решение данной задачи требовало сокращения государственных расходов, повышения их прозрачности и контролируемости. С другой стороны, требовалось, «расширив источники и обеспечив мобилизацию производства, достигнуть быстрого роста ВВП, а параллельно с ним – и государственных доходов, и таким образом, быстро снизить отношение необходимого объема государственных займов к ВВП и в дальнейшем стремиться к его приближению к нулю. То есть предполагалось сделать все возможное для обеспечения *сбалансированного бюджета* и оздоровления экономической структуры». По мере осуществления этих мер, планировалось уменьшение размеров строго контролируемого дефицита госфинансов, ускорение приватизации и уменьшение давления Казначейства на финансовый рынок одновременно с улучшением условий для внешних займов. В результате, как предполагалось, исчезнет обстановка неопределенности, удлинятся сроки внутренних государственных займов и снизятся процентные ставки. Таким образом, в программе нашел отражение один из основных тезисов ПБ, согласно которому значительный размер государственных займов являлся результатом управленческих недостатков, понимавшихся в смысле недооценки имеющихся источников развития. При этом с учетом как размеров госдолга, так и его структуры (высокой доли краткосрочных обязательств и, следовательно, значительных расходов по обслуживанию) в программе просматривалось явное завышение возможностей правительства с точки зрения сроков решения проблемы дефицита госфинансов. «Быстрое» снижение размеров дефицита, как и выход на сбалансированный бюджет следовало расценивать как пропагандистские цели, которые имели шанс реализоваться только в случае чрезвычайно успешного «расширения источников». Как некий идеал, к которому следует стремиться, эти цели, видимо, были признаны партнерами по коалиции. Вместе с тем их идиллическое звучание несколько

смягчалось все же признанной в программе необходимостью использования внешних источников финансирования, что, очевидно, явилось результатом настояний ПВП.

Основными целями налоговой политики объявлялись повышение эффективности экономики, более справедливое распределение налогового бремени между различными группами налогоплательщиков, охват налогами теневой экономики и уменьшение налоговой нагрузки на факторы производства. При этом предусматривалось снижение налогового бремени для лиц с низкими доходами, пересмотр (повышение) ставок налога на недвижимость и приведение его в соответствие с реальным уровнем цен, более эффективное применение системы налоговых льгот, реорганизация системы управления налоговыми сборами и сокращение масштабов уклонения от уплаты налогов. И хотя из формулировок программы не следует, что налоги рассматривались в качестве одного из «источников», все же в налоговая политика получила более реалистичный характер, чем предусматривалось планами ПБ: вместо снижения налогов предусматривалось проведение более гибкой налоговой политики, в рамках которой налоговые послабления в интересах производственного сектора должны были бы компенсироваться более полным охватом налогоплательщиков установленными налоговыми сборами.

Программа коалиционного правительства предусматривала и более взвешенный подход к проблеме урегулирования платежного баланса - идея сокращения импорта была заменена идеей устойчивого роста экспорта на основе повышения конкурентоспособности правительства, расширения ассортимента экспортной продукции и выхода на новые рынки сбыта. В целях поддержки экспорта намечалось придерживаться реалистичного валютного курса и обеспечить достаточные объемы средств для кредитования экспорта или выдачи гарантий по экспортным кредитам.

В качестве одного из направлений государственной поддержки в экономике объявлялась деятельность малых и средних предприятий, которые «играют важную роль не только в производстве, занятости и технологическом развитии, но и являются элементом стабильности общества».

Вполне в традиционном духе в программе коалиционного правительства излагались принципы взаимоотношений с ЕС: правительство намеревалось предпринять необходимые усилия в законодательной и иной сферах для достижения целей, поставленных Анкарским соглашением и соглашением о Таможенном союзе. Вместе с тем, объявлялось, что будут предприняты меры для защиты прав и интересов страны в этих вопросах. В программе подтверждалось намерение Турции выполнить обязательства, принятые в рамках таможенного союза, учитывая при этом национальные

интересы и условия страны. Главное, отмечалось в программе, обеспечить здоровое и отвечающее взаимным интересам функционирование таможенного союза.

Таким образом, программа, выражая некоторое разочарование турецкой стороны в связи с началом действия таможенного союза, вместе с тем подчеркивала, что Турция готова, хотя и с определенными оговорками, соблюдать принятые на себя обязательства.

Вторым по важности после ЕС направлением внешних связей провозглашались связи с тюркскими и исламскими странами, для расширения торговых, общественных и культурных связей с которыми предполагалось активизировать уже осуществляющуюся деятельность и принять меры для облегчения перемещения между Турцией и этими странами рабочей силы, товаров, услуг и капитала. Также намечалось повысить участие в формировании экономических структур тюркских республик, для чего участвовать в совместных проектах в сфере транспорта, связи и энергетики.

Так же декларировалось намерение продолжать эффективно участвовать в деятельности постоянного комитета по экономическому и торговому сотрудничеству Организации исламская конференция.

Наиболее впечатляющим эпизодом из практики экономической деятельности 54-го правительства стало провозглашение намерения добиться по итогам 1997 г. сбалансированного бюджета впервые за последние 50 лет существования Турецкой Республики. В издании Союза независимых предпринимателей Турции (MÜSİAD)¹⁰⁸, который Н.Г.Киреев охарактеризовал как общество, созданное окрепшим в стране исламским бизнесом¹⁰⁹, намерение коалиционного правительства комментировалось весьма одобрительно, однако даже идейные сторонники исламистов не могли не сознавать утопический характер провозглашенной цели: «Насколько цель обеспечить сбалансированный бюджет может быть достигнута при нынешних условиях – это другой вопрос, но это позитивный шаг правительства, демонстрирующий необходимую политическую волю и решимость в направлении достижения сбалансированного бюджета с тем, чтобы реформировать находящийся в нездоровом состоянии государственный сектор».

Для достижения объявленной цели доходы бюджета в 1997 г. предполагалось увеличить на 140% (здесь и далее в текущих ценах), а расходы - только на 61%. При этом правительство оставалось верным намерению проявлять сдержанность в налоговой сфере и делало ставку на «создание» (расширение) источников. Поэтому рост налоговых поступлений ожидался на 98%, одновременно предполагался «грандиозный» рост

неналоговых источников дохода - на 765%. Речь шла о доходах от приватизации и продажи государственной недвижимости. В общем объеме дополнительных поступлений в бюджет в рамках «фискального пакета» правительства дополнительные налоги должны были обеспечить порядка 18% , доходы от приватизации - 40%, доходы от продажи государственной недвижимости - 17%. В результате планировалось долю налогов в бюджетных доходах снизить до 70% против 83% в 1996 г., однако при этом ожидалось некоторое повышение доли косвенных налогов¹¹⁰. Итак, анализ выше изложенных планов свидетельствует, во-первых, о том, что все же не удалось избежать некоторого увеличения налогов, во-вторых, использование «дополнительных источников» по настоянию исламистов оказалось главным элементом фискальной политики нового правительства, в-третьих, в структуре «дополнительных источников» более значительный упор, чем планировалось первоначально, был сделан на приватизацию.

При этом персональные расходы бюджета (расходы на заработную плату государственных служащих) предполагалось увеличить на 53%, инвестиционные расходы - на 130%, подняв их долю с 5,7% в 1996 г. до 8,2% в 1997 г.¹¹¹ Так как коалиционное правительство делало значительную ставку на улучшение ситуации на национальном финансовом рынке в результате проведения сбалансированной бюджетной политики, основную разновидность трансфертных выплат - проценты по госдолгу - предполагалось снизить против 1996 г. на 23%. В итоге их доля в бюджетных расходах должна была бы составить 30% против 38% в 1996 г.¹¹². На фоне позитивных сдвигов в структуре бюджетных расходов ожидалось снижение доходности государственных заемных обязательств и переход на использование более долгосрочных инструментов. В результате планировалось даже отказаться от использования такого наиболее распространенного вида государственных коротких бумаг, как Казначейские облигации.

Успех фискальной политики коалиционного правительства оказался много скромнее, чем предполагалось. По итогам первой половины 1997 г. бюджет имел дефицит в объеме, превышавшем 700 трлн. тур. лир¹¹³. Причин неудач коалиционного правительства в проведении намеченной бюджетной политики оказалось несколько.

Во-первых, не полностью удалось контролировать расходы: их рост за первые шесть месяцев 1997 г. составил 83%¹¹⁴, что превышало запланированный уровень. Одним из основных факторов удержания расходов на уровне, превышавшем запланированный, стала несомненно присутствовавшая в деятельности правительства популистская составляющая, которая предопределила его политику в области заработной платы. Сам

Эрбакан любил выступать в том ключе, что его правительство на службе у народа, правительство-слуга. Подобную тональность как сулившую определенный успех переняла и его партнер по коалиции Т.Чиллер, глава правоцентристской Партии верного пути, которая заняла в правительстве пост заместителя премьер-министра. В одном из своих выступлений, заявив, что она не является врагом рабочих, Чиллер одновременно охарактеризовала МЮСИАД - организацию представителей крупного бизнеса как клуб богатых, от которого она готова защитить рабочих¹¹⁵. Что касается динамики заработной платы, которая по мысли нового правительства, очевидно, должна была подтвердить его «народный» характер, то во второй половине 1996 г. темпы ее роста заметно повысились, о чем свидетельствует поквартальная динамика индекса номинальной заработной платы (1992=100)¹¹⁶:

693,6 821,0 1039,2 1219,5.

Динамика реальной заработной платы по итогам года оставалась отрицательной для рабочих госсектора -25,0%, но положительной (+7,6%) для государственных служащих. Хотя первоначально расходы бюджета на заработную плату планировалось увеличить на 75%, в действительности по итогам 1996 г. они возросли на 94%. По итогам 1997 г. реальная заработная плата государственных рабочих выросла на 19,2%, а служащих на 16,5%¹¹⁷. В подготовленном МЮСИАД обзоре экономики Турции за 1997 г. с удовлетворением отмечалось, что первые месяцы 1997 г. являлись мирным периодом в отношениях с наемными работниками, когда рабочие и государственные служащие были удовлетворены ростом заработной платы¹¹⁸.

Во-вторых, и это главное, рост доходов составил всего лишь 98,8%. Основная причина - значительный разрыв между реальным и запланированным объемом неналоговых поступлений (к июлю 1997 г. удалось мобилизовать лишь 11% от запланированного на год объема неналоговых поступлений)¹¹⁹, поскольку правительству не удалось реализовать намеченные планы приватизации, препятствием чему, по мнению экспертов МЮСИАД, стало нагнетание обстановки политического кризиса в стране в первой половине 1997 г. В результате 83% мобилизованных доходов по-прежнему приходилась на налоговые поступления, тогда как доля прочих доходов осталась на уровне 17%. Ввиду сохранения бюджетного дефицита к середине года не

произошло в ожидавшихся масштабах снижения доходности по государственным заемным обязательствам.

Так или иначе, но потерпела фиаско центральная идея исламистов - идея обеспечения экономического развития на основе имеющихся в экономике источников при сокращении объемов государственных займов, хотя их сторонники настаивали не столько на крахе концепции, сколько на случайностях, помешавших ее реализации на практике. Справедливости ради следует сказать, что хотя проблема госфинансов и не получила радикального решения, макроэкономическая конъюнктура в результате заявленных 54-ым правительством намерений получила определенный положительный импульс: снизились темпы роста государственного долга, который за первые шесть месяцев 1997 г. вырос на 33% против 130% за аналогичный период 1996 г, средняя доходность по государственным займам снизилась со 140% годовых в середине 1996 г. до 86% в первые месяцы 1997 г., возросла срочность правительственных бонн с 270 дней до 13 месяцев. В итоге снизилось отношение расходов по обслуживанию государственного долга к бюджетным доходам с 66% в первые пять месяцев 1996 г. до 45% за аналогичный период 1997 г.¹²⁰. Однако данный импульс экономика получила в большей мере благодаря ожиданиям от экономической политики нового правительства, а не благодаря действительным положительным сдвигам в системе госфинансов.

Таблица 2

**ДОХОДЫ БЮДЖЕТА НА 1997 г. ПО СОСТОЯНИЮ НА СЕРЕДИНУ ГОДА
(млрд.тур.лир)**

	План (1)	Реализация по состоянию на июнь 1997 г.(2)	2/1(%)
--	----------	--	--------

Бюджетные доходы	6 254 900	2 125 200	34
- Налоговые	4 368 000	1 759 800	40,2
- Неналоговые ординарные	1 445 000	154 300	10,6
- Специальные	424 900	175 800	41,3
- Доходы присоединенн ого бюджета	17 000	35 300	207,6
Дефицит	0	- 718 700	

Поэтому закрепить наметившиеся было положительные тенденции не удалось.

Парадоксально, но, по всей видимости, именно в результате реализации во второй половине 1997 г. подготовленных 54-ым правительством проектов приватизации по итогам 1997 г. доходы государства от передачи в частные руки государственных предприятий, а также от продажи государственной недвижимости увеличились по сравнению с 1996 г. на 576%¹²¹.

Что касается развития внешнеэкономических связей, то значительное внимание в качестве премьер-министра Эрбакан уделял идее Исламского союза, добившись в апреле 1997 г. создания исламской восьмерки, куда кроме Турции вошли Иран, Пакистан, Бангладеш, Египет, Индонезия, Малайзия и Нигерия. Данное объединение Е.И.Уразова охарактеризовала как нежизнеспособное, «участников которого мало, что связывало, помимо приверженности к исламу, а к Турции как к светскому государству это было применимо с очень большой натяжкой»¹²². Однако именно это обстоятельство, по ее мнению, явилось причиной полного исключения Турции из списка кандидатов на принятие в ЕС. При этом турецкая сторона весьма болезненно восприняла ставшие в начале 1997 г. более прямолинейными высказывания лидеров ряда западноевропейских стран-членов ЕС о том, что Турции вряд ли найдется место в Евросоюзе, так как последний олицетворяет собой европейскую цивилизацию, к которой Турция не принадлежит. Усиление антитурецких настроений в ЕС лидеры страны связывали с пребыванием у власти в ряде государств Евросоюза лидеров христианских демократов. Но видимо, следует признать, что решающее значение в изменении настроения западноевропейских государств сыграло демонстративное усиление исламского направления во внешней политике Турции.

С позиций сегодняшнего дня можно более объективно оценить первый опыт пребывания у власти в Турции исламистов и скорректировать ранее появившиеся

оценки, российских специалистов. Так, Е.И.Уразова писала: «Результаты пребывания у власти партии Рефах существенно подорвали ее политический авторитет, влияние в стране. Дискредитированными оказались не только ее программные установки, но и способность принимать взвешенные решения и осмысленно действовать... Вынужденное военными уйти в отставку это правительство оставило после себя незавершенные проекты, тяжелые финансовые и социальные проблемы»¹²³. Следует уточнить, что коалиционное правительство не столько оставило после себя тяжелые проблемы, сколько не сумело продвинуться в их решении. Но окончательная дискредитация исламской партии не произошла во многом именно благодаря краткому времени пребывания коалиции у власти, что оставило у многих избирателей ощущение того, что Партия Благоденствия просто не успела реализовать заявленные намерения. «Во второй половине 1997 г. политическая жизнь Турции была омрачена ограничительной практикой, противоречившей демократическим традициям, основным правам и свободам человека, особенно свободе вероисповедания, которая еще в 1940 г. была провозглашена одним из основополагающих принципов государства» - отмечалось в докладе МЮСИАД¹²⁴.

Вместе с тем, не вполне оправданно говорить и о заслугах правительства в обеспечении высоких темпов экономического роста (7,1% в 1996 г. и 8,3% по итогам 1997 г.¹²⁵), как то делает С.Б.Дружиловский¹²⁶. Как отмечалось выше, одним из факторов, обеспечивших усиление позиций исламистов, стал валютно-финансовый кризис 1994 г. Он обнаружил опасность модели развития, в значительной мере опиравшейся на внешние источники финансирования. Однако реалистичная антикризисная экономическая политика должна была предусматривать не столько «создание источников», сколько обязательное сокращение расходов. В то же время непопулярные меры - снижение реальной заработной платы в государственном секторе, сворачивание социальных программ - означали слишком высокий риск для исламистов, которые, придя, наконец, к власти благодаря ряду популистских тезисов, действительно должны были, во что бы то ни стало, оказаться популярными. Поэтому, не преуспев в деле «расширения источников», они, тем не менее, продолжали следовать по пути своих предшественников в вопросе о динамике заработной платы. По существу следует говорить об окончательном отказе от стабилизационных мер 1994 г. в период правления коалиционного правительства, возврате к расширительной фискальной политике, что позволило поддерживать экономический рост. Но одновременно началось и повторное движение к новому валютно-финансовому кризису, подобному кризису 1994 г., благо девальвация турецкой лиры позволила вновь сделать турецкий рынок привлекательным для иностранных инвесторов. Кстати, сетования на вывод иностранными инвесторами денег

из экономики Турции после прихода коалиционного правительства к власти¹²⁷ не подтверждаются данными анализа платежного баланса: в 1996 и в 1997 гг. итоговое сальдо по счету движения капитала составило соответственно 8,8 млрд. долл. и 8,7 млрд. долл. Можно отметить некоторое уменьшение сальдо по краткосрочным операциям с 6 млрд. в 1996 г. до 1,8 млрд. долл. в 1997 г., что было компенсировано ростом притока капитала на долгосрочной основе¹²⁸.

Иными словами, правительство продолжило все ту же политику экономического роста «на нездоровой основе» или движение по кругу в рамках экономического популизма.

3. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ПАРТИИ СПРАВЕДЛИВОСТИ И РАЗВИТИЯ: ОЖИДАНИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

Повторный приход происламской партии к власти в Турции произошел по итогам парламентских выборов, состоявшихся 3 ноября 2002 г. Парламентское большинство, достаточное для формирования однопартийного правительства, получила Партия справедливости и развития (Adalet ve Kalkınma partisi). Несмотря на то, что политические комментаторы и аналитики характеризовали данную партию как шестую в истории Турции, начиная с созданной Эрбаканом в 1970 г. Партии национального порядка, которая следует русле откровенной исламской риторики, они неизменно подчеркивали и ее важные отличия от политических предшественников.

Еще в период существования Партии благоденствия в ней обозначились два партийных течения – традиционалисты и обновленцы во главе с Р. Эрдоганом. Последние настаивали на демократическом обновлении партии, расширении внепартийных связей и сотрудничестве с теми, кто проявляет интерес к партии, хотя и не разделяет полностью ее программу¹²⁹. В конце 90-х годов раскола удалось избежать, и на политической арене страны в качестве парии- правопреемницы Рефах воцарилась единая Партия добродетели. Однако в августе 2001 г. Р. Эрдоган и его сторонники официально объявили о создании новой партии – Партии справедливости и развития (ПСР)¹³⁰. К этому времени Эрдоган, занимавший пост мера Стамбула, добился значительных успехов, которые и стали предпосылкой для начала самостоятельной политической деятельности для него самого и его сторонников. Несмотря на то, что до 70% членов новой партии являлись выходцами из Партии добродетели, ее лидер обозначил определенные претензии на значительные перемены в исламском политическом движении, в частности, обещав добиться перемещения партии с правого крыла на правый центр. Н. Г. Киреев, со ссылкой на западные СМИ, отмечал, что по мере приближения выборов, лидер ПСР стремился дезавуировать свои прошлые жесткие исламистские высказывания и перестроиться в прозападного консерватора: он не настаивал на выходе Турции из НАТО, говорил о пользе и даже необходимости членства Турции в ЕС.¹³¹

Об определенном политическом дистанцировании ПСР от партии предшественницы, в частности, свидетельствовал следующий полу курьезный эпизод, имевший место незадолго до парламентских выборов, а именно в августе 2002 г. Н. Эрбакан, прервав свой отпуск в связи с приближением выборов и вернувшись в Анкару, провел пресс-конференцию в отеле Билькент. Там на правах патриарха политической жизни Турции он дал характеристики партиям, заявившим о своем участии

в предстоящих выборах. По его словам, только 6 из 23 партий являлись партиями с прошлым, имеющими корни. Прочие же, в том числе и ПСР, были охарактеризованы им как неопытные. «Все эти партии утверждают, что спасут Турцию. Но эта работа не для детей. Когда машине движется к пропасти, это дело не оставляется на детей. Когда вы у края пропасти, вам не до экспериментов. Основа спасения – опыт и практика» - резюмировал Эрбакан, косвенно отнеся Партию справедливости и развития к несостоятельным претендентам на власть¹³². Отвечая на выпад бывшего лидера своей партии, Р.Эрдоган подчеркнул, что его партия не участвует в личной полемике. Тем не менее, он отметил, что Партия справедливости и развития не будет продолжать неблагоприятной политики, проводившейся в Турции 10, 20 или 30 лет назад, так как в основу программы партии положена политика, опирающаяся на доверие¹³³.

Вопреки грозным предостережениям Эрбакана, обновленная происламская партия - Партия справедливости и развития, очевидно, имела достаточные шансы на привлечение определенной части устойчивого электората происламских партий, и особенно - шансы на рост популярности среди электората потенциального. Последний, во-первых, положительно отреагировал на смягчение религиозного радикализма во взглядах партии. Во-вторых, момент выдвижения Партии справедливости и развития на политическую сцену был весьма схож с тем, когда к власти удалось прийти Партии благоденствия: в 2001 г. Турция вновь пережила валютно-финансовый кризис, порожденный прежней схемой макроэкономических взаимодействий, но по глубине и тяжести последствий заметно превосходивший кризис 1994 г. Как отмечал исследователь В.Фертеклигил (V. Fertekligil), «...ПСР далека от того, чтобы представлять монолитный политический блок. Напротив, она, скорее, представляет широкую коалицию избирателей, разочарованных неудачей правоцентристской политики в Турции»¹³⁴.

Раздел программы партии¹³⁵ «Экономика» начинался с изложения концепции экономического развития, в частности с провозглашения экономической миссии ПСР, которая определялась как «повышение благосостояния и благополучия народа». Следующий тезис содержал указание на способы выполнения объявленной миссии и имел звучание достаточно традиционное для происламской партии Турции. «Турция обладает огромным потенциалом для экономического развития, располагая молодым и динамичным населением, богатыми естественными ресурсами, людьми с предпринимательским духом, имея на своей территории исторические памятники и природные достопримечательности, а также имея особое геостратегическое положение» - утверждалось в программе. Далее в программе подчеркивалось, что ПСР будет проводить «Стратегию длительного и устойчивого экономического роста» с тем, чтобы

мобилизовать уникальный потенциал страны. Итак, здесь звучат уже встречавшиеся ранее в программах партий-предшественниц мотивы более эффективного использования собственного потенциала страны и обеспечения развития преимущественно на его основе. Далее формулировались основные экономические принципы, как то:

- признание принципов, институтов и правил рыночной экономики;
- ограничение экономических функций государства за счет его исключения практически из всех видов экономической деятельности;
- ограничение функций государства функциями регулирования и контроля;
- признание приватизации в качестве важного механизма формирования более рациональной экономической структуры;
- повышение конкурентоспособности Турции как формы ответа на процесс глобализации;
- признание важной роли иностранного капитала как источника приобщения национальной экономики к новым технологиям;
- поощрение применения этических принципов, порожденных взаимным влиянием международных норм и национальных культурных ценностей;
- развитие отношений с ЕС, ВБ и МВФ на основе учета потребностей национальной экономики и в соответствии с национальными интересами.

Перечисленные принципы также имели характер в основном традиционный для партии исламского толка, особенно в отношении рыночной экономики, принципов взаимодействия с ЕС и международными финансовыми институтами. Сравнительно более определенно изложены планы в отношении приватизации. Особо следует обратить внимание на принцип, касающийся этических норм – это по существу заявление об отказе от узкого радикально исламского понимания принципов бизнеса.

В качестве основных экономических целей провозглашались рост производства товаров и услуг, снижение безработицы и недопущение роста стоимости жизни, ограничение несправедливых доходов и несправедливой конкуренции, недопущение монополизации экономики, снижение уровня политических и бюрократических ограничений, препятствующих предпринимательской активности, увеличение экспорта.

Цели сформулированы таким образом, чтобы найти отклик у различных частей довольно пестрого электората ПСР - наемных работников-полумаргиналов, мелкого и среднего бизнеса и широкого круга примкнувших к ним избирателей, очевидно, готовым разделить цели достижения общенародного блага.

Экономическая политика, которую предполагалось проводить для достижения поставленных целей, должна была заключаться в следующем:

- всемерное использование национальных ресурсов для создания экономики высокопродуктивного производства (производство в данном случае противопоставляется извлечению спекулятивных доходов из финансового сектора – Н.У.), базирующейся на современных технологиях;
- достижение экономической стабильности через экономический рост и инвестиции;
- реструктуризация финансового сектора в целях его переориентации на нужды производства;
- привлечение неправительственных организаций экономического профиля, промышленных и торговых палат к выработке и реализации экономической политики.

Следует обратить внимание на повторное возвращение в данной части программы к вопросу об источниках экономического роста, и их характерном видении в повышении эффективности использования имеющихся национальных резервов. Второй принципиально важный момент, на который следует обратить внимание, вопрос о соотношении по времени и значимости стабилизации и экономического роста. Экономический рост в программе Партии справедливости и развития является приоритетным по отношению к задаче экономической стабилизации. Эта же мысль получает дальнейшее развитие в подразделе программы «Производственная и инвестиционная политика», в котором подчеркивается, что «... рост производства, занятости и экспорта составят основу экономической политики».

Положения программы интересно сравнить с тем, как основные задачи и стратегия развития были сформулированы в Письме о намерениях, направленном руководству МВФ в начале января 2002 г. за подписью государственного министра по вопросам экономики К.Дервиша и главы Центрального банка Турции С.Серденгечти. Последовательность целей определялась следующим образом: обеспечение запланированного профицита первичного бюджета, снижение до целевой отметки инфляции, не слишком значительный экономический рост с учетом как неблагоприятных факторов внешней и внутренней конъюнктуры, так и приверженности правительства и Центрального банка дезинфляции (политике снижения темпа роста цен)¹³⁶.

Но в экономической части программы Партии справедливости и развития экономическая стабилизация вообще не фигурировала в числе фундаментальных принципов экономического развития, так как она не содержала специального раздела, посвященного мерам по финансовому урегулированию и борьбе с инфляцией. Правда, в числе задач в области экономики фигурировало проведение реалистичной, долгосрочной,

реформистской и динамичной экономической политики в противовес краткосрочным, популистским мерам. Но поскольку разъяснения данного положения отсутствовали, возрастали тревожные ожидания в связи с приходом ПСР к власти, навеянные ее программными положениями. «Основной идеей экономической политики, которую Партия справедливости и развития будет проводить после выборов, станет экономический рост – писала газета «Финансаль Форум» (Finansal Forum). - Анализ экономических принципов партии свидетельствует о важном значении, придаваемом экономическому росту, и отходе на второй план борьбы с инфляцией»¹³⁷. Далее газета отмечала, что схожая ситуация уже складывалась в экономике Турции в период пребывания у власти однопартийных правительств после 1983 и 1987 гг., что привело к усилению инфляции особенно после 1987 г. После 1983 г. в Турция стремилась придерживаться положений стабилизационной программы, согласованной с МВФ, поэтому рост инфляции оказался менее значительным. Но после 1987 г. подобная программа не действовала¹³⁸, что облегчило проведение популистской политики, и инфляция достигла невероятно высоких значений. В нынешней ситуации надежды, по мнению газеты, следовало связывать с тем обстоятельством, что программа, согласованная с МВФ, снова будет выполнять функцию сдерживания инфляции. Вместе с тем газета отметила существование серьезной опасности для продолжения политики стабилизации цен.¹³⁹

Глава Центрального банка Турции С.Серденгечти выразил схожие опасения в связи с экономической политикой нового правительства. Он отметил, что в последние дни в экономике на первый план выходит призыв «Давайте подрастем!». По мнению С.Серденгечти, рост не являлся выходом из сложившейся ситуации, поскольку он будет происходить в условиях слабой экономической конъюнктуры. Поэтому главная задача – стабилизация цен, и отклонение от курса на ее достижение сделает невозможным обеспечение условий для экономического роста и будет и далее удерживать банковский процент на высоком уровне - заключил глава Центрального Банка¹⁴⁰.

В тесно связанном по содержанию с данной проблематикой подразделе «Государственные финансы» было заявлено, что ПСР рассматривает сбалансированность и экономическую стабильность как базовые принципы при подготовке бюджета. При этом говорилось о повышении роли парламента при подготовке и контроле исполнения бюджета, а так же о том, что будут повышены доли расходов на образование и здравоохранение. Подобный подход означал игнорирование реалий бюджетной сферы Турции, а именно - масштабов накопленного государственного долга и расходов по его обслуживанию. Поэтому бюджетный раздел программы выглядел неубедительно и походил на заявление о попытке повторить неудавшийся опыт ПБ по обеспечению

сбалансированного бюджета уже в наступающем финансовом году, вопреки имевшей место на протяжении многих лет практике дефицитного финансирования. Подобное впечатление закреплялось положениями подраздела «Налогообложение», в соответствии с которым на фоне сбалансированного бюджета планировалось снижение налоговых ставок наряду с упрощением и унификацией налоговой системы. При этом популизм последнего обещания усиливался заявлением о намерении использовать налоги более эффективно, преимущественно на социальные и экономические цели, а не для решения финансовых задач правительства, то есть обслуживание долга.

Правда, в подразделе программы «Государственный долг», все же признавалось, что «дефицит госфинансов продолжает оставаться выше допустимых размеров, что порождает проблемы, оказывающие воздействие на всю экономику: государство стало крупнейшим покупателем средств на финансовом рынке; фонды, которыми мог бы воспользоваться частный сектор, становятся для него недоступными, растут процентные ставки, а экономика получает нездоровое развитие». Однако для сокращения потребностей госсектора в заемных средствах предлагалась опять же *«мобилизация новых источников»* наряду с повышением эффективности и продуктивности при предоставлении государственных услуг. Понятие «новые источники» не комментировалось и не разъяснялось. Но долгосрочные займы предполагалось использовать в целях финансирования инвестиций, чтобы обеспечить реальные источники их погашения, а краткосрочные – преимущественно в целях обеспечения текущих потребностей в ликвидных средствах, а не в целях финансирования дефицита. Таким образом, из структуры «новых источников» исключались государственные займы, которые, и в самом деле, для Турции начала 2000-х годов являлись, скорее, традиционными.

Раздел «Приватизация» свидетельствовал о стремлении ПСР довольно решительно действовать на пути смены институциональных форм собственности, но, в первую очередь, в интересах необходимых структурных преобразований, а не получения дополнительных источников. «Приватизация важна с точки зрения формирования более рациональной экономической структуры. Приватизация представляет собой механизм повышения продуктивности экономики и вытеснения государства из видов деятельности, которые препятствуют созданию полноценной конкурентной среды»- указывалось в программе.

В подразделе «Внешняя торговля» хотя и назывались перспективные географические направления экспорта, их выделение носило сдержанный характер и не приняло форму открытого предпочтения в пользу исламских государств. «Исходя из того

факта, что развитие экспорта наиболее легко может быть достигнуто в торговых взаимоотношениях с соседними государствами, будут приняты всевозможные меры в этом направлении» - отмечалось в партийной программе.

Подраздел «Торговцы, ремесленники, малые и средние предприятия», констатировал их значительный вклад в производство продукции, обеспечение занятости и создание добавленной стоимости в экономике страны, объявлял их главной опорой экономической и социальной структуры. При этом в качестве одной из основных целей партии объявлялась поддержка данной группы экономических агентов с целью воссоздания среднего класса страны. В связи с этим предполагалось применить план, опирающийся на три основных принципа: попроектная финансовая поддержка, налоговые льготы и облегчение бюрократических процедур. Следует обратить внимание и на пункт данного подраздела Программы, который обещал обеспечить участие торговцев и ремесленников в процессе принятия решений местными администрациями по вопросам, связанным с их деятельностью.

Тесная связь партий исламского толка с интересами мелкого и среднего бизнеса делает правомерным предположение о влиянии экономических воззрений упомянутого выше Общества независимых предпринимателей (МЮСИАД), на экономическую концепцию Партии справедливости и развития. В этой связи для дешифровки некоторых программных положений ПСР представляется целесообразным проанализировать систему оценок и предложений по экономическому развитию Турции, изложенную в подготовленном МЮСИАД экономическом обзоре «Турецкая экономика 2002: оценки 2001 г., ожидания на 2002 г.» (Türkiye ekonomisi 2002. 2001 yılı değerlendirmesi. 2002 yılı beklentileri.)¹⁴¹. В обзоре отмечались следующие наиболее важные особенности в экономическом развитии Турции. Во-первых, динамика экономического роста, характеризовавшаяся учащением кризисов или спадов в экономике, что сигнализировало о заметном сокращении длительности экономического цикла. Из данного обстоятельства следовала не только структурная слабость национальной экономики, но и то, что эта «дегенеративная» структура приблизилась к исчерпанию своей жизнеспособности. Во-вторых, неудачи предшествующей стабилизационной политики предопределяли неудачи новой программы (речь шла о «Программе построения сильной экономики Турции»), состав исполнителей которой оставался прежним. В частности авторов обзора настораживал факт, что министр экономики К.Дервиш по существу игнорировал структурные проблемы финансового сектора, а именно, ставший неуправляемым объем госдолга и громадный размер процентных выплат по нему (в 2001 отношении доходов консолидированного бюджета к ВВП составило 22%, а отношение

процентных выплат по госдолгу к ВВП –23%, при этом за период с 1995 по 1999 гг. ВВП страны вырос на 36,7%, в то время как внутренний долг увеличился на 169,5%)¹⁴². Хотя данная проблема была объявлена основной в рамках «Программы построения сильной экономики Турции», спустя короткое время считавшийся ранее невозможным дальнейший рост государственного долга стал реальностью, а возможность движения к стабильной экономике стала связываться в заявлениях К.Дервиша с продолжением роста государственных займов. В-третьих, выдвижение на первый план и неоднократно подтвержденной в адресованных руководству МВФ письмах о намерении концепции профицита первичного бюджета, то есть бюджета, в структуре расходов которого не учитываются процентные выплаты по госдолгу, означало, что государственный бюджет практически полностью должен был быть подчинен цели обслуживания госдолга, так как расходы на социальные нужды, выплату заработной платы и госинвестиции неизбежно урезались. В-четвертых, управление экономикой осуществлялось в рамках механизма, навязанного МВФ, в то время как национальное правительство демонстрировало экономическую и политическую несостоятельность. В-пятых, сохранявшееся давление государства на финансовую сферу, макроэкономическая нестабильность, вновь введенные налоги, высокие по сравнению с мировыми цены на сырье, расходные материалы и электроэнергию, а также многочисленные бюрократические препятствия, чинимые инвесторам, привели к тому, что началось бегство национального капитала за границу. Одновременно сохранялась система привилегий, действовавших в отношении иностранных краткосрочных инвестиций, равно как и низкопроцентных иностранных кредитов.

Достаточно критически оценив ситуацию в экономике Турции, сложившуюся на начало 2002 г., МЮСИД предложил и срочные меры по исправлению положения. Ключевыми в их числе объявлялись меры по оживлению производства и сбыта, то есть меры по оживлению экономического роста, а не по финансовой стабилизации. В качестве средства быстрого улучшения положения в экономике Турции предлагалась опробовать следующую *модель*: немедленно снизить дополнительные налоги на производителя, введенные в рамках договоренностей с МВФ в целях обеспечения профицита первичного бюджета; осуществить в необходимых объемах денежную эмиссию с тем, чтобы устранить дефицит ликвидности и снизить объемы необходимых внутренних займов. Эксперты МЮСИД полагали, что дополнительная денежная масса, поступив в банковскую систему, через короткое время обеспечит повышение потребления и инвестиций. Это станет возможным потому, что монетизация части госдолга (то есть ее эмиссионное покрытие) позволит снизить потребность государства в новых займах, что

приведет к снижению процентной ставки, банковские фонды устремятся на рынок в виде инвестиционных и потребительских кредитов. Далее отмечалось, что, так как в «нынешней ситуации объем краткосрочных иностранных займов снизился до минимума, и одновременно упала стоимость импорта, то сформировался низкий спрос на валюту (правильность этого положения подтверждалась тем фактом, что в последней четверти 2001 г. наблюдалось снижение курса доллара). Поэтому, даже если курс доллара будет повышаться, это повышение не будет слишком значительным, и к тому же рост экспорта в короткие сроки обеспечит восстановление баланса... Возросшие вследствие эмиссии доходы по причине повышения валютного курса не приведут к взрывному росту импорта»¹⁴³. Предлагаемая модель имеет, по меньшей мере, две весьма слабые стороны. Во-первых, ставка делается одновременно и на то, что курс доллара не будет повышаться, и на то, что, повысившись, он воспрепятствует росту импорта. Причем, во времени обе тенденции практически не разведены. Во-вторых, совершенно ошибочно предполагается, что тенденция, характерная для «нынешней ситуации», то есть низкие объемы импорта при отрицательных темпах экономического роста (стоимость импорта страны за январь-ноябрь 2001 г. снизилась по сравнению с аналогичным периодом 2000 г. на 25,8%, а средние темпы экономического роста за первые три квартала 2001 г. составили -5,1%¹⁴⁴), сохранятся при планируемом росте инвестиций, то есть в условиях начавшегося экономического роста. Последнее совершенно невозможно, так как турецкий импорт более чем на 80% состоит из сырьевых, включая промежуточные, и инвестиционных товаров, и не подлежит сомнению существование тесной корреляции между экономическим ростом в Турции и увеличением импорта.

Описанная модель содержит указание на предлагавшиеся МЮСИАД способы решения *проблемы внутреннего долга*. При этом в анализируемом издании подчеркивалось, что процентные выплаты по госдолгу являются основной проблемой страны. Эта истина - отмечали его авторы - признавалась даже политиками, привыкшими жить за счет внутреннего долга. Механизм внутренних займов действовал в 90-е годы таким образом, что обеспечивал перелив средств из реального сектора экономики в банковский сектор. Порочный круг займов, еще более увеличивавшихся за счет высокой доли краткосрочных долгов и высоких процентов, сдавил в тисках не только государственный сектор, но и турецкую экономику в целом.

Решить проблему внутреннего долга предлагалась, как уже отмечалось, за счет монетизации его четвертой части. Остальную часть предлагалось перевести в валютные облигации с индексируемым доходом и сроком погашения от 3 до 7 лет. При этом предполагалось, что дополнительная масса денег, запущенная в каналы обращения,

оживит экономику, но не приведет одновременно к валютным спекуляциям в условиях снижения спроса на валюту.

Таким образом, если одно из основных положений в стабилизационных программах, согласованных с МВФ, состоит в ограничении эмиссии и стабилизации валютного курса, то МЮСИАД предлагал использовать эмиссию, однако без последующего, как считается, неминуемого обесценения турецкой лиры.

Кроме того, в рамках модели, предлагаемой МЮСИАД, консолидация внутреннего долга на срок от 3 до 7 лет за счет ресурсов национальной экономики ставила под вопрос возможность экономического роста, так как эмиссионное покрытие госзаймов при соблюдении указанных соотношений между монетизацией и консолидацией госдолга не способно компенсировать изъятие средств из экономики. Следовательно, модель обещала заработать лишь при гораздо больших, чем намечалось экспертами МЮСИАД, объемах монетизации, но тогда не представлялось возможным говорить о поддержании курса лиры, борьбе с инфляцией и финансовой стабилизации. К тому же с учетом структурной слабости турецких банков и их вовлеченности в процесс заимствования на внешнем рынке для государства консолидация долга означала бы глубокую дезорганизацию национальной финансовой системы.

Подход МЮСИАД к решению проблемы *хронического дефицита госбюджета* базировался на вышеизложенных принципах стабилизационных мероприятий. То есть, избавившись от необходимости в ближайшие несколько лет нести расходы по обслуживанию госдолга, эксперты МЮСИАД предлагали придерживаться тактики изначально сбалансированного бюджета. Правительство же, воздерживаясь от решительных действий по решению проблемы госдолга, было вынуждено, как с неудовлетворением констатировали авторы обзора, изыскать в 2001 г. источники дефицитного финансирования в объеме 10,7 трлн.тур.лир. В рамках соглашения, подписанного с МВФ, 12 трлн. предполагалось обеспечить за счет внешних источников, а 3 трлн. занять на внутреннем рынке, что позволяло покрыть дефицит бюджета и одновременно досрочно погасить внутренний долг в сумме 5,3 трлн. тур.лир.¹⁴⁵ Таким образом, заключили эксперты МЮСИАД, Казначейство осуществляло погашение внутреннего долга, замещая его внешним. Поэтому финансовая стабильность оказывалась в состоянии зависимости от продолжения финансовой поддержки МВФ. В результате, во-первых, решение проблем госфинансов было просто отодвинуто во времени, во-вторых, подобная «опасная стабильность» существенно ограничила свободу принятия решений в национальных интересах, особенно во внешнеполитической сфере. Но и предлагаемая МЮСИАД схема решения проблемы госдолга весьма уязвима.

Следует подчеркнуть еще раз, что резкий отказ от использования внешних источников финансирования и одновременное использование монетизации и консолидация госдолга, (последняя, кстати, тоже означала отсрочку решения проблем его обслуживания и погашения) означала бы откладывание возобновления экономического роста, по меньшей мере, на несколько лет или же, что более вероятно, использование неоднократно применявшейся в Турции модели инфляционного роста с практически неконтролируемым ростом цен, а следовательно - усиление финансовой нестабильности, а значит, опять же невозможность устойчивого долгосрочного роста.

Предложения экспертов МЮСИАД по налоговой политике состояли в снижении в ожидании потребительского бума налога на добавленную стоимость до 10%, а затем его взимание по двум ставкам - 5 и 15% - в зависимости от категории товара¹⁴⁶.

С учетом предлагавшейся консолидации внутреннего долга снижение налогов, видимо, можно было бы произвести, но ввиду ограниченности этой политики сроком консолидации долга, эта мера носила бы более популистский, чем экономически обоснованный характер.

При сопоставлении базовых положений экономической части программы ПСР и обзора МЮСИАД обнаруживается сходство некоторых положений, касающихся проблемы госдолга, бюджетного дефицита, налоговой политики. Механизм урегулирования проблемы государственной задолженности, предложенный МЮСИАД, а именно, монетизацию и консолидацию долга, по-видимому, можно рассматривать в качестве одной из интерпретаций создания «новых источников», при общей направленности как первого, так и второго подхода против использования внешних источников финансирования. Тем не менее, «новый взгляд» МЮСИАД на проблему госдолга характеризуется большей радикальностью по сравнению с позицией ПСР: если последняя все же стремилась изыскать способы уменьшения зависимости от внешнего финансирования, то МЮСИАД предлагал более решительный переход к новой модели роста без внешних займов при отсрочке проблемы погашения накопленной их суммы.

При этом оба подхода резко отличаются от стабилизационной концепции МВФ, которая предусматривала воспроизводство потребностей Турции во внешнем финансировании, но, правда, в неуклонно сокращающихся размерах за счет постоянного обеспечения профицита госфинансов. Иными словами, в условиях высоких процентных расходов, связанных с обслуживанием государственного долга, бюджет неизбежно оказывался дефицитным, что требовало привлечения источников его финансирования. Поэтому дальнейшее использование внутренних и внешних займов представлялось неотвратимым. Однако бремя процентных выплат, не прекращая обслуживание долга,

предлагалось распределить между новыми займами и реальными доходами госбюджета, что в перспективе позволило бы снизить отношение госдолга и внешнего долга к ВВП до безопасных размеров. В условиях рассматриваемой в качестве объективной зависимости госсектора от заемных средств МВФ предоставляет стабилизационные кредиты, которые позволяют посредством замещения долгосрочным долгом краткосрочного улучшить структурные характеристики государственного долга.

Заявление, сделанное лидером Партии справедливости и развития Р.Эрдоганом по важнейшему вопросу экономического развития Турции – вопросу о государственном долге, также свидетельствовало в пользу значительного совпадения его позиции с точкой зрения, высказанной в отчете МЮСИАД. В октябре 2002 г. турецкая пресса писала о двух тезисах ПСР, которые потрясли финансовый рынок страны. Первый тезис о «перенесении» внутренней задолженности, то есть фактически о решении данной проблемы способом, предложенным экспертами МЮСИАД, был высказан Р.Эрдоганом. Немедленная негативная реакция фондового рынка вынудила представителей партии выступить с многочисленными разъяснениями, в которых они всячески отрицали, что Р.Эрдоган имел в виду консолидацию внутреннего долга. Однако, по всей видимости, суть ситуации состояла не столько о том, что лидер партии был неправильно понят, сколько в том, что сама возможность применения на практике одного из основных экономических принципов партии, судя по реакции рынка, заключала опасность экономической дестабилизации, что было весьма опасно в условиях хрупкого равновесия, достигнутого турецкой экономикой к концу 2002 года.

Очевидно поэтому, второй тезис, озвученный заместителем председателя партии А. Гюлем, состоял в намерении ПСР в случае прихода к власти снизить рекомендованный МВФ размер профицита первичного бюджета. «Профицит в размере 6,5% ВВП для Турции слишком высок. Мы намерены вступить в переговоры с МВФ для его снижения» - заявил А.Гюль¹⁴⁷. Намерение пересмотреть один из базовых стабилизационных показателей МВФ, подкрепленное одновременно обещанием в соответствии с программой партии увеличить государственные расходы (имеется в виду их социальная часть), было расценено как попытка оказать сопротивление Фонду. Однако выступление А.Гюля следует рассматривать в тесной связи с прозвучавшим буквально на 1-2 дня раньше «неудачным» тезисом Р.Эрдогана. Поэтому основная нота в нем – не противостояние МВФ, а признание готовности ПСР следовать предложенной МВФ схеме урегулирования госдолга через обеспечение профицита первичного бюджета. В итоге выступление А.Гюля, а также других лидеров партии, в частности, главы экономической команды А.Бабаджана, сформировали ПСР имидж партии, поддерживавшей в целом программу

МВФ, но с некоторыми корректировками (смягчениями) в сфере социальной политики. В данной ситуации более существенный акцент следует сделать на принципиальной поддержке программы МВФ, а не на ее корректировке, поскольку сама позиция поддержки довольно слабо согласовалась с положениями партийной программы. Очевидно, по мере приближения ПСР к статусу партии власти начала обнаруживаться ее основная особенность – эластичность взглядов и принципов, прагматичная способность к их примирению с экономической реальностью и замене абстрактных целей целями более ограниченными, но действительно достижимыми в данное время в данных условиях. «Социальная корректировка» программы МВФ являлась подменой открыто противоречивших ей принципов партийной программы, и являлась мерой, которая была минимально необходима для удержания электората ПСР.

Дополнительную ясность в ответ на вопрос, будет ли экономическая политика нового правительства носить печать популизма происламского толка или же в большей степени будет характеризоваться взвешенностью и реализмом, внесло выступление премьер-министра от Партии Справедливости и развития А. Гюля перед парламентом страны 23 ноября 2002 г., в котором он огласил программу своего правительства¹⁴⁸.

Объявляя основные цели, к достижению которых будет стремиться правительство, следуя заветам основателя Турецкой Республики Мустафы Кемаля Ататюрка¹⁴⁹, А.Гюль поставил на первое место обеспечение экономической стабильности, создание в стране конкурентной рыночной структуры, затем следовала задача по созданию обстановки для устойчивого экономического роста. Объявленные в программе приоритеты свидетельствовали о понимании невозможности немедленного форсирования роста в экономике и необходимости его предварения стабилизационными мероприятиями. Далее в программе неоднократно подчеркивалось значение демократии и *рыночной экономики* как основных принципов современного гражданского общества. Поясняя понимание роли государства, правительственная программа выделила наряду с достижением социальной справедливости, поддержанием внутренней и внешней безопасности такие функции, как обеспечение экономической сбалансированности и стабильности, преодоление значительного уровня неравномерности в распределении доходов, уменьшение социального неравенства и региональной экономической неравномерности. Цель экономического роста в данном списке не фигурировала вовсе.

Весьма информативен собственно экономический раздел программы, в котором отмечалось: «В результате реализации ошибочных программ экономического развития и просчетов в руководстве, а также из-за того, что не были проведены необходимые реформы, наша страна находится во власти таких серьезных проблемам, как высокая

инфляция, большой государственный долг, низкие темпы роста, усиление неравномерности в распределении доходов, высокая безработица.

Наше правительство для снижения годовой инфляции до значений, исчисляющихся однозначной цифрой, в целях снижения государственного долга и обеспечения стабильного и быстрого экономического роста, учтя те положения *действующей* программы, которые оказались неэффективными и не оправдали себя, будет осуществлять новую экономическую программу». Итак, в данной части программы, во-первых, вторично подтверждалось, что экономическому росту должны предшествовать стабилизационные мероприятия. *Во-вторых, в ней озвучена идея определенной преемственности экономической политики.*

Признавая, что «в Турции невозможно дальнейшее использование модели роста, опирающейся на дефицит госфинансов и приток «горячих» денег, новое правительство обозначило альтернативные источники экономического роста: повышение эффективности, ***вовлечение в оборот не использовавшихся до сего времени факторов производства***, налаживание производства конкурентоспособных товаров и услуг, привлечение прямых иностранных инвестиций.

Основными приоритетами финансовой политики объявлялись финансовая дисциплина, устойчивое снижение государственного долга, обеспечение финансовой стабилизации через поддержание ***профицита первичного бюджета***. Размер профицита первичного бюджета предполагалось планировать таким образом, чтобы, с одной стороны, обеспечить необратимое сокращение государственного долга, а с другой, - учитывать потребности роста экономики и социальной политики. «Поэтому, при планировании размеров профицита, самым внимательным образом будут оценены возможности сокращения непродуктивных расходов, роста производственных, а также возможность снижения налогов, которая способствовала бы оживлению экономической активности» - подчеркивалось в программе. Итак, анализ изложенных положений правительственной программы позволяет прийти к следующим выводам. Во-первых, приоритетность профицита первичного бюджета в качестве инструмента урегулирования проблемы госдолга оставалась незыблемой. Иначе говоря, новое правительство в этом принципиальном вопросе в конечном итоге выступило преемником «Программы построения сильной экономики Турции». Во-вторых, в программе сохранился и важный предвыборный тезис ПСР о стремлении к достижению компромисса между финансовым урегулированием, с одной стороны, и экономическим ростом и поддержанием на определенном уровне социальных расходов правительства - с другой. В-третьих, твердые предвыборные обещания снижения налогов в программе сменились весьма осторожным

намерением «внимательно рассмотреть» подобную возможность. Кстати, и раздел программы, посвященный сугубо налоговой политике, не содержит каких-либо прямых обещаний снижения налогов. В нем говорится о проведении налоговой реформы, в основу которой будут положены принципы справедливости и учета платежеспособности налогоплательщика.

В целях устойчивого снижения госдолга помимо дальнейшего поддержания уже упомянутого профицита первичного бюджета предполагалось ускорить приватизацию и найти *дополнительные источники дохода*, обеспечить устойчивый рост экономики и создать необходимые предпосылки и достаточный уровень доверия для снижения процентных ставок. «По мере снижения государственного долга, прекратится поглощение государственным сектором фондов финансового рынка и произойдет их переадресация на частные фирмы. В итоге будет достигнут рост инвестиций, производства и занятости» - пояснялось далее в программе. Рассмотренные программные положения, во-первых, еще раз подтвердили последовательность приоритетов нового правительства- стабилизация рассматривалась как необходимое условие, выполнение которого должно было предшествовать экономическому росту. Во-вторых, как и в экономических программах-предшественницах признавалась роль приватизации в качестве источника дополнительных доходов. Правда, далее в разделе, посвященном проблемам приватизации, основной акцент делался опять-таки на подчиненности этого процесса цели создания условий для лучшего функционирования рыночной экономики, повышения эффективности и продуктивности. В-третьих, концептуальным «новшеством», перешедшим в программу правительства из программы Партии справедливости и развития, являлось намерение найти и использовать дополнительные источники государственных доходов в лице не использовавшихся ранее факторов производства, однако их структура не уточнялась. Правда, в разделе о реформе государственных расходов намечалось «осуществлять большой объем работ при меньшем использовании источников». Однако в данном случае речь идет не столько о создании новых источников, сколько о более рациональном использовании прежних.

Важное концептуальное положение содержал раздел программы о государственной поддержке инвестиций: «Использующиеся в настоящее время в рамках поощрительных сертификатов и связанные с необходимостью прохождения обременительной бюрократической процедуры налоговые поощрения после приведения законодательства в соответствие с требованиями ЕС и другими международными обязательствами Турции будут трансформированы в неналоговую форму, автоматически распространяющуюся на

все инвестиции, в том числе, те, которые осуществляются малыми и средними компаниями».

Комментируя программу правительства, газета Дюнья (Dünya) отмечала использование в ее тексте пространных и обтекаемых формулировок по пунктам, которые являлись наиболее привлекательными в предвыборной интерпретации Партии справедливости и развития. «Горячие обещания выборной поры уступают место холодным реалиям состоявшейся власти» - резюмировала газета¹⁵⁰. И хотя автор цитируемой статьи с горечью говорил о практически полном отсутствии шансов на обещанное снижение налогов, то, что в экономическую программу правительства не вошли популистские положения партийной программы, в долгосрочном плане следует оценивать положительно. Четкое осознание жестких взаимосвязей в экономике Турции, трезвое понимание того, что период фискального сдерживания и ограниченного экономического роста есть цена финансовой стабилизации, вне рамок которой невозможно преодоление периода систематических кризисов – все это свидетельство экономического реализма и реальной ответственности нового правительства за проводимую политику.

За несколько дней до оглашения программы правительства, 16 ноября 2002 года, лидер Партии справедливости и развития Р.Эрдоган огласил план «План срочных действий» будущего правительства, являвшийся своего рода программой обязательств на ближайший год¹⁵¹. План предусматривал:

- Строгое следование стабилизационной программе МВФ;
- Незначительный пересмотр положений программы, касавшихся социальной политики и сельского хозяйства;
- Отмену закона «Об итогах финансового года», который позволял властям проводить аудит доходов физических лиц;
- Проведение налоговой амнистии;
- Ужесточение финансового контроля за деятельностью всех органов управления, включая аппарат президента, парламент и независимые управленческие структуры;
- Разработку новой приватизационной стратегии и графика ее реализации;
- Передачу частным лицам права на эксплуатацию месторождений полезных ископаемых;
- Строительство 15 тыс. километров шоссейных дорог;
- Проведение всестороннего обследования деятельности государственных организаций в целях сокращения избыточной занятости и повышения эффективности их деятельности;
- Сокращение числа министерств;

- Расширение полномочий местных органов власти;
- Унификация системы социального страхования.

«План срочных действий» дублировал основной концептуальный подход правительственной программы, будучи нацеленным на некий компромисс между проведением жесткой фискальной политики, как того требовал МВФ, и усилением социальной направленности политики нового правительства. Вторая линия компромисса, связанная с первой и при этом столь же трудно достижимая, - сочетание мер по стабилизации государственного долга с мерами по оживлению экономической конъюнктуры, то есть экономического роста. Именно к такого рода мерам следует отнести Закон о налоговой амнистии и строительстве шоссежных дорог. Старший экономист отдела экономических исследований одного из крупнейших банков Турции – Строительного кредитного (Yapı Kredi bankası) В. Фертеклигиль (V. Fertekliğil) охарактеризовал Закон о налоговой амнистии как противоречащий стабилизационной программе МВФ. Он также отмечал, что «некоторые намерения правительства – налоговая амнистия, строительство шоссежных дорог, очевидно, направлены на расширение внутреннего спроса. Однако их сочетаемость с профицитом первичного бюджета в размере 6,5% ВВП требует резкого, практически нереального повышения государственных доходов»¹⁵².

Таким образом, «План срочных действий» в большей мере сохранил связь с основными популистскими тезисами партийной программы, чем оказавшаяся довольно сдержанной программа нового правительства. Весьма «чувствительный» вопрос снижения налогов, хоть и оказался урезанным до обещания налоговой амнистии, все же получал шанс на свое решение. Желание экономического роста как залога популярности вновь проявилось, несмотря на свою преждевременность. Очевидно, что некоторая противоречивость двух почти одновременно появившихся документов, которые содержали декларацию намерений правительства в экономической политике, отражали как внутреннюю борьбу в рядах ставшей правящей ПСР, так и во взглядах ее лидеров. Суть этой борьбы сводилась к примирению позиций, базировавшихся, на экономическом популизме, возможно, не столько политического толка, сколько вполне искреннем, с реалиями макроэкономики Турции.

Отражением достаточно высокого уровня накала внутривнутрипартийной борьбы, в том числе, по вопросам экономической политики, стала ситуация, сложившаяся по вопросу содействия Турции Соединенным Штатам в начавшейся военной кампании в Ираке. При этом очевидно, что в состав правительства вошли наиболее прагматично настроенные партийные деятели, которые являлись сторонниками активного сотрудничества с США. Позиция правительства вполне объяснима: в конечном итоге именно оно ответственно за

итоги проводимой экономической политики и ожидавшиеся некоторыми аналитиками в ситуации с Ираком проявления происламского популизма, очевидно, стоили бы скорого экономического краха и правительственной отставки. Доставшаяся в наследство новому правительству ослабленная, с вялыми показателями выхода из глубокого экономического кризиса экономика крайне чувствительно реагировала на всякую возможность ухудшения ситуации на финансовых рынках. Поэтому, как справедливо отметил государственный министр Турции А.Бабаджан¹⁵³, выбор экономической политики для правительства существенно ограничивают высокий государственный долг и процентные выплаты по нему. Согласно заявлению А.Бабаджана, в 2003 г. правительству Турции предстояли долговые выплаты по внутреннему долгу в размере 82 млрд. долл. и внешнему в размере 11,4 млрд.долл. 6,5% названной суммы предполагается обеспечить за счет профицита первичного бюджета, 11% - за счет внешних займов, 1% - за счет продажи государственной собственности, 75% - за счет новых государственных займов¹⁵⁴. Следовательно, любое недополучение доходов на внешних рынках было чревато усилением и без того чрезмерного давления государства на национальный финансовый рынок, а любое получение дополнительных средств означало ослабление изнурительной для бюджета и стесняющей свободу маневра для правительства долговой зависимости.

Переговоры правительства Турции и США проходили в три этапа. На первом через парламент Турции был одобрен запрос правительства о разрешении на проведение подготовительных мероприятий в связи с планировавшимся допуском иностранных войск на территорию страны. На втором этапе на голосование парламента был вынесен запрос о наделении правительства полномочиями для посылки турецких войск за пределы страны, а также для размещения в Турции иностранных войск. Вынесению запроса предшествовали переговоры правительства с руководством США, итогом которых стала договоренность о выделении Турции в качестве безвозмездной помощи 6 млрд. долл. и предоставлении кредита в размере 24 млрд. долл. По заявлению А. Бабаджана, деньги США, полученные в форме кредитов, предполагалось использовать на погашение долга. Он исключил их использование на текущие бюджетные нужды, поскольку это повлекло бы за собой дальнейший рост долговой зависимости страны.

Накануне голосования по запросу правительства в парламенте, которое состоялось 3-го марта, лидер правящей Партии справедливости и развития Р.Эрдоган заявил «Те, кто сегодня выступают против войны, после задержки зарплаты на три дня заговорят по-другому»¹⁵⁵. Тем не менее, в парламенте Турции запрос не набрал необходимое количество сторонников, хотя число недостающих голосов было и незначительным.

Очевидно, в парламент, в отличие от правительства вошли менее «приземленно» настроенные члены Партии справедливости и развития, для которых «справедливость» оказалась категорией, преобладавшей над «развитием». Кроме того, в парламенте Турции представлены и члены второй по численности голосов на последних выборах Народно-республиканской партии.

Таким образом, если правительство Турции за короткий срок сформировалось более или менее в команду единомышленников, четко осознающих как сложность экономического положения Турции, так и ограниченные возможности их решения, то определенная часть членов парламента от ПСР довольно болезненно переживали процесс эволюции экономической программы партии под влиянием жестких внутренних и международных реалий.

Отказ парламента поддержать запрос оказался для правительства неприятным сюрпризом и означал необходимость определенного экономического давления на общество и парламента и напоминания о том, что все имеет свою цену. И хотя комментируя ситуацию, премьер-министр Р.Эрдоган проявил максимальную сдержанность, заявив, что правительство не может позволить себе критиковать волю парламентариев, и что он понимает и уважает сомнения народа и депутатов по поводу вынесенного на голосование запроса, он также подчеркнул, что все же требуется всесторонний взгляд на проблему и что стоящие перед страной проблемы не могут быть разрешены простыми ответами «да» или «нет»¹⁵⁶. Его же заявление о том, что любой выбор влечет за собой определенные последствия, явилось предупреждением правительства об ответных действиях. То, что ситуация требовала немедленной реакции правительства, не вызывало сомнения: к концу дня 4 марта индекс Стамбульской фондовой биржи упал на 12,5 пунктов, снижение рыночной стоимости турецких компаний составило 7,5 млрд. долл., одновременно понизилась и стоимость турецкой лиры¹⁵⁷. Российская газета «Коммерсант» прокомментировала ситуацию на фондовом и валютном рынках Турции статьей с характерным названием «Турецкий парламента проголосовал за кризис»¹⁵⁸.

Уже 4 марта был опубликован пакет правительственных мер, предусматривавший мобилизацию дополнительных средств в размере 15 800 трлн. турецких лир, из которых 9 800 трлн. предполагалось обеспечить за счет сокращения государственных расходов, а 6 000 трлн. - за счет роста налогов. Сокращение расходов предполагалось обеспечить за счет сокращения прямых субсидий крестьянским хозяйствам, перенесения на более поздний срок планировавшейся надбавки к заработной плате рабочих государственных предприятий, сокращения управленческих расходов в Министерстве национальной

безопасности, ревизии правительственной инвестиционной программы и урезания некоторых других, в основном социальных, программ государства. Налоговые поступления планировалось увеличить за счет введения дополнительных имущественных налогов, налогов на автотранспортные средства, повышения дополнительного временного налога на корпорации, ревизии системы освобождения от налоговых выплат и проч.¹⁵⁹. Новые налоги в турецкой печати получили название «налогов по запросу». Само же появление пакета было прокомментировано прессой следующим образом: оставшееся без американской помощи правительство компенсирует потери, получая доходы от своих граждан¹⁶⁰.

Накануне истечения срока ультиматума, предъявленного США Ираку, турецкий парламент одобрил третий запрос, в соответствии с которым США получили право использования в военных целях воздушного пространства Турции. Кстати голосование в парламенте как раз было предварено выступлением в турецкой печати 17 марта госминистра А.Бабаджана с информацией о размерах государственного долга Турции и схеме его погашения. Иными словами, правительство использовало широкий арсенал мер экономического давления на парламент.

Сразу же после положительного решения турецкого парламента турецкая пресса начала ставить вопрос о возможной экономической помощи США Турции. На первом этапе ясно было лишь то, что вопрос о первоначальной помощи в размере 6 млрд. долл. не рассматривается. Однако уже 26 марта турецкая печать привела высказывания госсекретаря США К. Пауэла, которые звучали для Турции более обнадеживающе: «Предусмотренный прежними условиями экономический пакет в 6 млрд. долл. отныне не стоит в повестке дня. Но ввиду нашей дружбы с Турцией, а также в силу того, что ввиду продолжающейся войны у нас может возникнуть потребность в Турции, мы считаем, что в рамках проекта дополнительного военного бюджета в размере 74,7 млрд. долл., вынесенного на рассмотрение конгресса нашим президентом, было бы хорошо некоторое количество средств выделить Турции»¹⁶¹. Почти одновременно стало известно, что речь идет о выделении Турции помощи в размере 1 млрд. долл. или обеспечении американской стороной гарантий под новые займы в размере 8,5 млрд. долл.

2 апреля 2003 г. министр иностранных дел США К.Пауэл прибыл с кратким визитом в Анкару. После прибытия в Анкару К.Пауэл заявил журналистам, что США рассчитывают на поддержку Турцией операции в северном Ираке. Более детально речь шла о поддержке людскими ресурсами, снабжении подразделений США топливом, о проведении на территории северного Ирака поисково-спасательных работ и предоставлении иракским курдам более благоприятных условий для приграничной

торговли. «Если в предстоящие дни мы получим поддержку в полном объеме, то я полагаю, Конгресс поддержит решение о выделении Турции помощи в размере 1 млрд. долл.» - заявил К.Пауел по окончании визита¹⁶².

4 апреля Конгресс США проголосовал за выделение Турции помощи в объеме 1 млрд. долл. 22 ноября 2003 г. стороны подписали соглашение, согласно которому США обеспечивали Турции возможность получения кредита в размере 8,5 млрд. долл. на обслуживание внешнего и внутреннего долга.

Влияние специфики экономических воззрений партии власти ощутил на себе и первый период взаимоотношений нового правительства с МВФ.

В феврале 2002 г. между Международным валютным фондом и Турцией было заключено новое Соглашение о резервных кредитах (Stand-by arrangement) сроком на 3 года, по которому Турции должны быть предоставлены средства в объеме 12,8 млрд. единиц специальных прав заимствования (SDR). Кредиты, как и в рамках первого соглашения такого рода с Турцией и как принято в практике МВФ, предоставляются Фондом под выполнение согласованной с ним стабилизационной программы. В качестве программных целей на 2002-2004 гг. провозглашались надежная защита экономики от новых кризисов и создание базы для устойчивого экономического роста, для чего, в первую очередь, планировалось восстановить финансовую и макроэкономическую стабильность и осуществить структурные реформы. В 2003-2004 гг. намечался переход к экономическому росту при продолжении политики дезинфляции и уменьшении госдолга. Для достижения поставленных целей необходимо было решить следующие задачи:

- Обеспечить устойчивый и значительный профицит первичного бюджета госсектора с тем чтобы, улучшить долговую ситуацию и повысить доверие финансового рынка. На 2003 г. профицит предусматривался в объеме 6,5% ВВП, а его снижение в последующие году планировалось допустить лишь в случае снижения отношения госдолга к ВВП.
- Добиться снижения инфляции в условиях сохранения плавающего курса турецкой лиры.
- Завершить реструктуризацию банковского сектора.
- Повысить роль частного сектора в экономике посредством ускорения приватизации, улучшения предпринимательского климата, поощрения национальных и иностранных инвестиций.
- Провести реформу госуправления в целях оптимизации и повышения эффективности использования государственных ресурсов.

Общая сумма кредита предоставляется определенными долями (траншами). Выделению очередного транша предшествует подготовка так называемого Письма о намерениях за подписью государственного министра экономики и главы Центрального банка Турецкой Республики. Письмо является одновременно отчетом о выполнении ранее согласованных с МВФ в рамках стабилизационной программы параметров макроэкономического развития и изложением дальнейших шагов турецкой стороны по исполнению принятых на себя обязательств. Затем команда специалистов МВФ после консультаций с официальными лицами и представителями делового мира Турции готовит очередной Отчет по соглашению о резервных кредитах. После завершения этой работы становится возможным выделение очередной доли кредита.

Неизбежность нарастания напряжения во взаимоотношениях нового правительства Турции и МВФ следует из основных итогов экономической деятельности правительства к середине апреля 2003 г., то есть к тому моменту, когда в представители МВФ начали работу над четвертым Отчетом по соглашению о резервных кредитах. Комментируя эти итоги, турецкий экономист У. Кумджуоглу (Ü.Kumcuoğlu) отмечал¹⁶³:

- Приверженность стабилизационной программе МВФ оказалась в действительности довольно слабой, однако усилилась по мере снижения показателей активности финансового рынка;
- Пересмотра положений программы в направлении усилении социальной политики не произошло;
- Отмена закона «Об итогах финансового года» стала одним из первых решений, проведенных правительством через парламент;
- Парламент принял решение о налоговой амнистии;
- Как и планировалось, было достигнуто ужесточение финансового контроля за деятельностью всех органов управления, включая аппарат президента, парламент и независимые управленческие структуры;
- Подготовлены новая приватизационная стратегия и график ее реализации, однако их отличия от планов предыдущего правительства оказались несущественными;
- Не была обеспечена передача частным лицам права на эксплуатацию месторождений полезных ископаемых;
- Было объявлено о начале строительства значительного числа шоссейных дорог;
- Не было произведено сокращение избыточной занятости на государственных предприятиях;
- На одну треть сократилось число министерств;
- Подготовлен проект закона по расширению полномочий местных органов власти;

- Не удалось обеспечить унификацию системы социального страхования.

Что касается слабой приверженности стабилизационной программе МВФ, то Письмо о намерениях, подготовленное в связи с началом работы над четвертым Отчетом по соглашению о резервных кредитах, действительно признавало отставание в достижении ряда намеченных ею макроэкономических параметров и проведении структурных реформ. Одновременно реализованными оказались пункты «Плана срочных действий», находившихся в противоречии с установками фонда - объявление налоговой амнистии, начало широкомасштабного инфраструктурного строительства. К тому же мнение о том, что новому правительству не удалось обеспечить усиления социальной политики, не является бесспорным. Текст Письма о намерениях, по крайней мере, свидетельствует о предпринятых правительством определенных шагах в данном направлении.

Письмо о намерениях, подготовленное в связи с началом работы над четвертым Отчетом по соглашению о резервных кредитах, было подписано турецкими уполномоченными лицами 5 апреля 2003 г¹⁶⁴. В письме следует выделить три основные аспекта:

1. Признание правительством того факта, что не удалось полностью придерживаться основных критериев, в рамках которых, согласно стабилизационной программе МВФ, должно было бы происходить развитие экономики и осуществить в намеченные сроки в полном объеме запланированные структурные реформы. В частности, правительство столкнулось с трудностями при проведении сильной (жесткой) фискальной политики: по состоянию на конец декабря 2002 г. не был достигнут намеченный объем профицита первичного бюджета, что объяснялось как повышением расходов, так и сокращением бюджетных доходов в период, предшествовавший досрочным парламентским выборам, то есть до ноября 2002 г. При этом новое правительство не смогло ликвидировать отставание от намеченных показателей в короткий период, оставшийся до окончания года. Некоторые из обязательств по структурным реформам также не удалось выполнить в связи с выборами или из-за задержки разработки соответствующей законодательной базы и чрезмерной ограниченности во времени, в условиях которой пришлось действовать новому правительству. К числу таких обязательств относилось снижение к концу октября на две трети общего числа избыточных рабочих мест на государственных предприятиях. К установленной дате удалось ликвидировать 17 801 рабочее место в основном за счет добровольного выхода занятых на пенсию, что было меньше запланированного на 12 727 мест. Факторами, которые препятствовали своевременному выполнению обязательств, стали опять же

досрочные выборы, нежелание рабочих выходить на пенсию в преддверии ожидавшегося в январе повышения заработной платы, недостаточное финансирование Администрации по приватизации. В итоге правительство Турции просило признать за ним право на отказ от соблюдения обязательств по обеспечению размеров первичного профицита госсектора к декабрю 2002 г. и сокращению избыточной занятости на госпредприятиях к октябрю 2002 г. Данная постановка вопроса должна была подчеркнуть, что правительством не было допущено сознательного пренебрежения к достижению согласованных макроэкономических критериев или же проведению структурных реформ. Правительство апеллировало к объективным препятствовавшим факторам.

Кроме того, правительство признавало, что не удалось обеспечить своевременное проведение необходимых реформ в банковском секторе, принять план приватизации по телекоммуникационной государственной компании Тюрк Телеком (Türk Telekom), принять законодательные акты, определяющие этические нормы поведения (этический кодекс) для государственных служащих и управленцев, законодательные акты по улучшению управления государственными предприятиями и некоторые другие.

2.Твердое заявление правительства о приверженности стабилизационной программе МВФ, несмотря на отмеченные трудности в ее реализации. Как подчеркивалось в письме, «новое правительство исполнено решимости следовать проводимой в Турции политике экономических реформ». В этой связи основной задачей правительства объявлялось дать возможность проявиться потенциалу развития, которым обладает Турция, посредством обеспечения макроэкономической стабильности и проведения глубоких структурных реформ. Своей целью правительство объявляло проведение политики дезинфляции, снижение государственного долга и обеспечение устойчивого и быстрого экономического роста. Обеспечение в текущем году профицита госфинансов в размере, рекомендованных программой МВФ 6,5% ВВП, объявлялось важнейшей задачей как с точки зрения повышения доверия правительству, так и снижения размеров государственного долга. «В течение 2004 г., а также в среднесрочной перспективе мы будем верны нашей цели – обеспечить первичный профицит в размере 6,5% ВВП. В случае если возникнет необходимость пересмотреть перспективы снижения государственного долга, мы будем готовы обсудить пути решения этой задачи через посредство активных консультаций с Фондом, исходя из того, что это соответствует нашей цели снизить государственный долг до уровня, допускаемого Маатрихским договором»¹⁶⁵ - говорилось в Письме. Таким образом, в письме декларировалось нацеленное, по крайней мере, на среднесрочную перспективу намерение правительства продолжать сотрудничать с МВФ, а значит, и обеспечивать соблюдение предлагаемых им

макроэкономических критериев и обязательств по реформированию экономики. Для подтверждения своего намерения по соблюдению запланированного размера первичного профицита правительство с учетом того факта, что по итогам 2002 года первичный профицит достиг всего лишь 2,5% ВВП, подготовило фискальные меры, применение которых должно было обеспечить дополнительные доходы в размере 4.9% ВВП – повышение акцизов на табак и алкоголь, повышение налога на автотранспортные средства и недвижимость, рационализация государственных инвестиционных программ, жесткие ограничения заработной платы в госсекторе и ограничение роста расходов при повышении эффективности использования средств в здравоохранении и социальном страховании. В начале марта 2003 г. на рассмотрение парламента был предложен проект бюджета, который предусматривал выход на запланированный уровень первичного профицита. 29 марта парламент проголосовал за предложенный бюджет. Принятие бюджета, предусматривавшего оговоренный размер первичного профицита, означало выполнение предварительного условия начала работы над очередным Отчетом по соглашению о резервных кредитах. «Мы принимаем активные меры, направленные на то, чтобы вернуть фискальную политику к намеченной траектории» - резюмировалось в письме.

Исходя из того, что прочие макроэкономические параметры по итогам 2002 г. оказались благоприятными (инфляция на конец года в годовом исчислении составила 29,7% против запланированных 35%, а экономический рост 7,8%, что опережало не только первоначально заложенный уровень в 3%, но и даже вновь установленный рубеж после пересмотра основных макроэкономических параметров на 2002 г. в 6,5%) правительство с оптимизмом оценивало перспективы выхода по итогам 2003 г. на предусмотренный стабилизационной программой уровень соответствующих макроэкономических показателей: уровень инфляции в 20% и экономический рост в 5%.

Что касается проблемы сокращения избыточной занятости на госпредприятиях, правительство брало на себя обязательство произвести сокращение числа рабочих мест, первоначально планировавшееся к июню 2003 г., до конца года. Таким образом, к декабрю 2003 г. должны были быть сокращены все 48 500 рабочих мест, признанных избыточными. С этой целью в марте 2003 г. правительство приняло специальное решение, снимавшее существовавшие ранее ограничения для выхода рабочих государственных предприятий на пенсию.

Приверженность правительства стабилизационной программе МВФ аргументировалась и определенными достижениями в сфере структурных реформ. В частности, в конце марта 2003 г. на рассмотрение в парламент были направлены предложения правительства по реформе системы прямого налогообложения. Предлагалась

гармонизация налогообложения доходов от капиталовложений на стадии их декларирования, сокращение налоговых льгот для инвесторов, отмена двойного налогообложения корпоративных доходов и дивидендов. Кроме того, правительство констатировало продолжение необходимых реформ в банковском секторе страны. К числу структурных реформ правительство отнесло и объявление Советом министров налоговой амнистии, хотя при этом и подчеркивалось, что данный шаг является последним шансом такого рода, предоставляемым налогоплательщикам. «В дальнейшем не будет ни налоговых амнистий, ни реструктуризации налоговых выплат» - было заявлено в письме. Для наведения порядка в налоговой сфере правительство намеревалось реформировать налоговый аппарат: повысить операционную эффективность Главного управления по налоговым сборам, создать его представительства на местах, создать за счет этого вертикали отчетности, создать более градуированную систематизацию налогоплательщиков. В целях реализации намеченных планов бюджет на 2003 г. предусматривал выделение налоговых средств для дополнительного найма 400 налоговых аудиторов.

3. Намерение правительства придерживаться заявленных ранее социальных ориентиров своей политики. «Оставаясь приверженным политики дезинфляции и стабилизации, правительство признает жизненную важность для успешного продолжения реформ социальной защиты наиболее уязвимых слоев населения» - отмечалось в письме. В этой связи правительство намеревалось, оставаясь в рамках бюджета, повышать роль социальных расходов посредством более избирательной целевой направленности программ социальной поддержки и использования основной части имеющихся ресурсов на поддержку наиболее нуждающихся групп населения.

«Наша фискальная программа на 2003 г. в полной мере обеспечит запланированные социальные расходы» - отмечалось ниже в письме. Далее отмечалось, что правительство уже осуществило дополнительные поддерживающие выплаты пенсионерам в размере 0,9% ВВП. Суммарные социальные расходы, включая здравоохранение, образование и социальные выплаты, планировалось повысить до 17,9% ВВП против 17,5% в 2002 г.

Заработная плата госслужащих была повышена незначительно в январе. Ее дальнейшее повышение в течение года предполагалось осуществлять в соответствии с бюджетными наметками. Что касается государственных рабочих, то правительство намеревалось вести дальнейшие переговоры с тем, чтобы снизить разницу в оплате государственных рабочих и служащих, составляющую почти 100%. Однако при этом предполагалось прекратить практику индексации заработной платы в госсекторе, исходя из

уровня роста цен за период, прошедший со времени последней индексации, так как подобная практика приводила к инфляционному эффекту.

Таким образом, в экономической политике нового правительства на первых этапах проявлялась наметившаяся еще в период предвыборной борьбы ограниченная попытка противостояния требованиям МВФ, особенно по вопросам социальной политики, что привело, по общему признанию, к сложностям в ходе подготовки очередного четвертого Отчета по соглашению о резервных кредитах. Показательно, что турецкие власти высказались против того, чтобы четвертый Отчет МВФ был опубликован в Турции, принимая во внимание возможную «чувствительность», а проще говоря – негативную реакцию рынка на его материалы. Данное обстоятельство указывает на серьезные противоречия в интерпретации хода стабилизационных мероприятий правительством Турции и МВФ.

Проанализированное выше письмо о намерениях не является его первым и единственным вариантом. Работы по письму и Отчету велись МВФ уже в феврале 2003 г., в ходе чего пересматривался и сам текст письма. Одно из важных изменений – снижение суммы кредита, запрашиваемого турецкой стороной с 1,6 млрд. долл. до 700 млн. долл. и около 500 млн. долл. - после завершения работы представителей МВФ над каждым из следующих оставшихся семи отчетов. В заявлении МВФ в связи с подписанием четвертого письма о намерениях изменение схемы предоставления кредитов расценивалось положительно, так как в этой просьбе турецкой стороны одновременно усматривалось еще одно подтверждение ее намерения следовать стабилизационной программе и далее в последующие 20 месяцев. Однако это же самое обстоятельство может рассматриваться и как своего рода попытка турецкого руководства вступить в торг с МВФ, в котором снижение очередной порции кредита обменивалось на определенные «вольности» в исполнении программы. Но видимо, уже в ходе работы над четвертым Отчетом уровень оппозиционности турецкой стороны несколько снизился, чему способствовала как понижательная динамика финансового рынка в самой Турции, так и неясные на тот перспективы получения финансовой поддержки от США.

В июле 2003 г. турецкая сторона направила руководству МВФ пятое письмо о намерениях¹⁶⁶. Его структура, равно как и содержание позволяют судить об известном сближении позиций сторон. По ходу анализа текста следует обратить внимание на следующие основные моменты:

1. Значительные достижения турецкой стороны в применении стабилизационной программы, что позволило значительно снизить объем общих заверений касательно приверженности ее положениям. В числе наиболее важных результатов фигурировали, во-

первых, соблюдение намеченных критериев кредитно-денежной политики по состоянию на конец апреля и середину июня. Несмотря на то, что рост цен на продукты питания в начале года привел к тому, что цены потребительского рынка выросли, заметнее, чем ожидалось, снижение цен на нефть, укрепление турецкой лиры и избыток предложения позволили снизить инфляцию, а также инфляционные ожидания частного сектора. В результате ЦБТР удалось произвести последовательное снижение процентной ставки в апреле, июне и середине июля. Подобное развитие событий дало основания полагать, что к концу года инфляция не превысит запланированные 20%.

Во-вторых, быстрое завершение войны в Ираке, активный рост производства и экспорта в первые пять месяцев года, отмеченное начало замещения роста запасов потребительским и инвестиционным спросом, укрепление доверия потребителей и инвесторов к правительству по мере жесткого проведения им стабилизационной программы давали основания для благоприятного прогноза экономического роста по итогам года, который должен был составить 5%.

Значительного прогресса удалось достигнуть в осуществлении структурных реформ: парламент страны одобрил предложенный правительством первый этап реформы системы прямого налогообложения, начала действовать система мониторинга занятости в правительственных структурах на государственных предприятиях, был принят новый закон о прямых иностранных инвестициях¹⁶⁷, подготовлен закон о повышении эффективности Совета по контролю и упорядочению деятельности банков (Bankacılık Düzenleme ve Denetleme Kurumu).

В соответствии с ранее объявленным графиком были проведены тендеры на продажу государственных предприятий, хотя это и не привело к завершению сделок по продаже большинства крупных объектов.

2. К числу неудач в макроэкономической сфере следовало отнести, *во-первых* то, что хотя наметки по обеспечению профицита первичного бюджета были выполнены по состоянию на конец апреля 2003 г., к концу июня наблюдалось незначительное отставание от промежуточного критерия, соблюдение которого было необходимо для выхода в конце года на итоговый объем в 6,5% ВВП. Это было связано с промедлением в осуществлении некоторых реформ, с более значительными против ожидавшихся объемами возврата налогов, снижением социальных отчислений и повышением зарплат, выделением более значительных субсидий сельскому хозяйству.

За период с января по июнь правительству не удалось снизить избыточную занятость на госпредприятиях на 9900 вакансий. Отставание от запланированного показателя составило 2500 вакансий. Основным фактором замедления процесса

сокращения избыточной занятости стало ожидание потенциальными пенсионерами результатов переговоров о заработной плате, что означало для последних перспективы получения более высокой пенсии. В итоге турецкая сторона вновь была вынуждена просить о снятии с нее обязательств по соблюдению профицита первичного бюджета госсектора и сокращению избыточной занятости в масштабах, предусмотренных на конец июня 2003 года.

Что касается структурных реформ, то правительство было вынуждено отложить принятие плана приватизации по компании Тюрк Телеком (Türk Telekom), проведение через парламент второй части налоговой реформы, Закона о государственном финансовом управлении и контроле, а также законодательства по совершенствованию управления госпредприятиями и некоторые другие.

3. Правительство выражало твердое намерение ликвидировать отставание как в выполнении макроэкономических критериев, так и проведении структурных реформ. При этом обязательства правительства имели жесткую временную привязку и размерную определенность. В качестве предварительного условия завершения работы над пятым Отчетом по соглашению о резервных кредитах турецкая сторона, во-первых, информировала о мерах, предпринятых ею для того, чтобы по итогам года обеспечить запланированный размер профицита госфинансов в размере 6,5% ВВП: сокращении текущих, трансфертных и инвестиционных расходов на 1200 трлн. тур. лир, но при сохранении неизменными объемов расходов на здравоохранение и образование; повышении цен на алкоголь и табачные изделия с тем, чтобы обеспечить дополнительные доходы в объеме 250 трлн. долл.; привлечении в бюджет специальных доходов в объеме 500 трлн. лир. Правительство заверяло в готовности принять в случае необходимости дополнительные меры по обеспечению профицита первичного бюджета. «Благодаря новым фискальным мерам мы верим, что в ближайшем будущем мы будем способны продемонстрировать рекорд в достижении профицита первичного бюджета и создать себе репутацию правительства, соблюдающего фискальную дисциплину» - подчеркивалось в письме.

Одновременно правительство заявило о соблюдении аналогичных фискальных критериев в 2004 г. При этом для того, чтобы избежать дальнейшего роста налоговой нагрузки, основной акцент предполагалось сместить на сокращение расходов. Поэтому предложения по бюджету на 2004 г. состояли в том, чтобы реальный рост всех расходных статей, за исключением процентных расходов, составил 0%. Предлагалось также отказаться от осуществления новых инвестиционных проектов, за небольшим исключением, которое должно было состоять из остро необходимых объектов.

Во-вторых, сокращение избыточной занятости на госпредприятиях, должно было начать осуществляться более высокими темпами после завершения переговоров о заработной плате и увеличения численности работников, готовых к добровольному выходу на досрочную пенсию.

В-третьих, правительство объявило о продолжении работы по достижению консенсуса по законам в рамках второго этапа налоговой реформы, в том числе, о прогрессивном снижении налоговых льгот в свободных зонах и минимизации географических, отраслевых и иных налоговых льгот на инвестиции. Подготовка соответствующего законодательства объявлялась правительством предварительным условием завершения работы над шестым Отчетом, а его проведение через парламент - предварительным условием завершения работы над седьмым.

В-четвертых, по состоянию на конец июня 2003 г. была завершена работа над проектом Закона о государственном финансовом управлении и контроле. Данный закон предусматривал современную процедуру подготовки и исполнения бюджета, а также контроля за его исполнением. Основываясь на общепринятых в международной практике классификационных подходах, он предполагал включение в бюджет центрального правительства средств организаций с оборотным капиталом, а также внебюджетных фондов и присоединенных бюджетов и всех регулирующих институтов, что должно было обеспечить контроль парламента за их деятельностью при сохранении их финансовой и административной автономии. Закон более четко определял полномочия Министерства финансов: оно являлось ответственным за бюджет, определение стандартов отчетности, финансовый контроль и информирование правительства об его итогах. Закон также устанавливал право проведения внешнего аудита во всех структурах центрального правительства в соответствии со стандартами ЕС. Проведение закона через парламент планировалось на октябрь 2003 г., что было предложено рассматривать в качестве предварительного условия завершения работы над шестым Отчетом.

В-пятых, правительство предприняло дальнейшие шаги, направленные на укрепление доходной базы государственных финансов. Ожидалось принятие парламентом закона об административной реформе государственных организаций социального страхования. Принятие закона должно было усовершенствовать систему сбора социальных отчислений посредством введения нового набора штрафных и поощрительных санкций, успешно применяемых в мировой практике. Правительство также ожидало проведения через парламент законов, принятие которых в дополнение ко второму этапу налоговой реформы обеспечило бы реформирование системы налоговых органов. В результате должен был повыситься статус Генерального управления доходов, входящего в структуру

Министерства финансов. Одновременно предполагалось установить четкие вертикальные линии отчетности внутри данного управления. Для того чтобы подтвердить свою решимость впредь не прибегать к налоговой амнистии, правительство предлагало объявить ее недопустимостью новым структурным критерием.

В-шестых, основными направлениями реформы в банковской сфере объявлялись усиление финансовой и операционной независимости Совета по контролю и упорядочению деятельности банков, прекращение государственного вмешательства в коммерческую деятельность государственных банков и подготовка их приватизации.

Итак, наиболее существенными особенностями пятого письма, стало, *во-первых*, значительное сокращение числа обращений по тексту к проблемам социальной политики. Существо дела ограничилось лишь мимолетным упоминанием намерения правительства защитить объем расходов на здравоохранение и образование в ходе сокращения бюджетных расходов для выхода на запланированный объем профицита первичного бюджета системы государственных финансов. Также среди причин неудач бюджетной политики по состоянию на июнь упоминается повышение заработной платы. *Во-вторых*, разделы как четвертого, так и пятого писем, посвященные фискальной политике, не содержали каких-либо упоминаний о новых или альтернативных источниках государственных доходов. Получение дополнительных доходов связывалось лишь с такими традиционными факторами, как снижение расходов и повышение налогов через пересмотр акцизов на алкоголь и табачные изделия, введение дополнительных налогов. Готовность принять дополнительные меры для соблюдения запланированных размеров профицита означала готовность к дальнейшему повышению налогов. Таким образом, из сказанного выше следует и отказ правительства от снижения налогов как меры, не сочетаемой с нынешним состоянием государственных финансов. Отказ от использования в дальнейшем налоговых амнистий означал в дополнение к отказу от концептуального снижения налогов отход от тактики налогового маневрирования, которая, по всей видимости, наряду с решением фискальных задач должна была заменить долговременные налоговые послабления.

Знаменательно, что в июле 2003 г. председатель Общества защиты потребителей М.Севим обратился к гражданам Турции через средства массовой информации, призывая их обращаться в суд в связи с введением дополнительных налогов. По его словам, действия правительства ПСР шли вразрез как со словом «справедливость», содержащимся в названии правящей партии, так и с предвыборными обещаниями действовать в соответствии с нормами права. «Правительства меняются, но не меняется их отношение к программам МВФ. Каждое вновь приходящее правительство для того, чтобы закрыть

бюджетный дефицит вводит дополнительные налоги, обещая, что они будут иметь разовый характер» - подчеркнул М.Севим. Он также отметил, что в своих предвыборных обещаниях ПСР дала слово снизить налоги на потребление, однако, придя к власти, партия забыла об этом и не только не ограничилась повышением существующих налогов, но и ввела дополнительные, доведя потребителей до истощения¹⁶⁸.

Позиция представителей МВФ как в отношении экономической политики правительства ПСР, так и положений подготовленного им пятого письма о намерениях изложена в Отчете по соглашению о резервных кредитах от 25 июля 2003 года¹⁶⁹. Анализ отчета позволяет выявить сохранение определенных противоречий во взаимоотношениях правительства и Фонда, как уже упомянутых в Письме о намерениях, так и некоторых дополнительных. В начале отчета выражалось сожаление по поводу того факта, что «внимание правительства к последовательному исполнению программы ослабело после завершения работы над четвертым Отчетом, и работа над пятым Отчетом не смогла быть завершена в мае, как это планировалось. В последние недели правительство проявило большую решимость выполнить свои обязательства, и в июле миссии МВФ удалось достичь согласия по тем мерам, которые следовало принять для завершения работы над Пятым отчетом». С учетом имевших место «отклонений от программы» в ходе работы над пятым отчетом представители Фонда сделали основной акцент на необходимости четкого следования предусмотренному ею экономическому курсу. Как подчеркнули представители Фонда, работа над четвертым и пятыми отчетами проходила в условиях увеличивающегося отрыва от соблюдения намеченных фискальных параметров и промедления в осуществлении ряда структурных реформ. Правительство привело несколько причин в оправдание имевших место задержек, как-то смещение акцента в своей деятельности в пользу приведения законодательства в соответствии с требованиями ЕС, необходимость достижения в обществе политического консенсуса. Несмотря на отмеченные сложности в исполнении программы, представители Фонда с удовлетворением констатировали, что правительство не ставит под вопрос необходимость достижения программных целей, равно как и предусмотренных структурных реформ и подтверждает свою решимость обеспечить их реализацию. Но в Отчете подчеркивалось, что для того, чтобы вернуть программу в русло реального исполнения, потребовались значительные усилия.

Представители МВФ изложили свою версию того факта, что при запланированных объемах первичного профицита системы госфинансов по итогам года в 6,5% ВВП в период работы миссии МВФ в мае этот показатель составил по приблизительным оценкам 6,07 % ВВП, а в июле - уже в 5,85% ВВП. Хотя основные причины увеличившегося отрыва от

запланированного показателя, перечисленные в Письме о намерениях, были приняты Фондом, его специалисты связали значительное сокращение налоговых поступлений с укоренившимся в обществе, благодаря заявлениям официальных лиц, убеждением, что в будущем практически неминуемо будут объявлены новые амнистии по уплате налогов. И если в мае правительств имело основания для оптимизма в связи с ростом налоговых поступлений после ранее объявленной налоговой амнистии, то в июле, по мнению специалистов Фонда, более очевидным стало негативное среднесрочное воздействие амнистий на динамику государственных доходов.

Беспокойство специалистов Фонда вызывала недостаточная ясность в вопросе о динамике заработной платы рабочих государственного сектора. В Отчете пояснялось, что правительство сделало свои окончательные предложения по заработной плате как госслужащим, так и рабочим государственных предприятий – 5%-ная надбавка в первой половине года и 9%-ная надбавка - во второй. Но если в отношении госслужащих объявленная политика по заработной плате уже проводилась на практике, рабочие госпредприятий отказались принять предложение правительства. Хотя правительство, исходя из заявления премьер-министра, было уверено, что предложение по заработной плате не будет пересмотрено в сторону повышения, оно выразило готовность принять, в случае необходимости, дополнительные меры для компенсации повышения заработной платы сверх своего предложения. В связи с этим правительство рассмотрело возможность включения в бюджет некоторых дополнительных доходов и вынесло данное предложение на обсуждение представителей фонда. За время работы миссии МВФ правительству удалось достичь соглашения с представителями профсоюзов госпредприятий о повышении заработной платы в первой половине года на 5,5%. «Воздействие этого фактора на бюджет будет незначительным и допустимым с учетом предусмотренных дополнительных доходов»- резюмировали специалисты Фонда.

В материалах Отчета отмечалось, что правительство осознавало, что для того чтобы в 2004 г. избежать увеличения разрыва с запланированным уровнем первичного профицита госфинансов, ему потребуется принять дополнительные меры. Необходимость этого объяснялась как большим количеством предпринятых в 2003 г. разовых акций по обеспечению доходов госсектора, так и более значительным, чем предполагалось, увеличением зарплаты в госсекторе. Однако при этом позиция Фонда состояла в ограничении роста налогов и введении жестких лимитов на расходы. Турецкая сторона согласилась с необходимостью ограничения расходов посредством недопущения их реального роста, но опасалась, что данная задача окажется сложной с учетом предполагавшегося значительного роста недисcretionных расходов, в частности, по

оказанию прямой поддержки сельскохозяйственным производителям. При этом мнения Фонда и правительства совпали в вопросе о необходимости расширения налоговой базы.

В Отчете были отмечены значительные расхождения позиций сторон в вопросе о способах урегулирования проблем системы социального страхования (речь шла о государственных организациях социального страхования, занятых обслуживанием частного сектора). Поначалу правительство предприняло попытку решить проблему посредством объявления всеобщей амнистии, полагая, что таким образом ему удастся стимулировать легализацию значительной части теневой экономики. Однако Фонд жестко воспротивился проведению очередной амнистии, полагая, что возможно данная акция и спровоцирует краткосрочный приток поступлений, но в целом она приведет к ослаблению налоговой дисциплины и окажется в прямом противоречии с четким обязательством турецкой стороны по отказу от налоговых амнистий, которое было включено в последнее Письмо о намерениях. «В заключение дискуссии турецкая сторона подтвердила свою решимость не предоставлять новых амнистий в отношении уплаты государственных доходов» - с удовлетворением констатировали представители Фонда.

Специалисты Фонда выразили удовлетворение в связи с тем обстоятельством, что большая часть их замечаний, равно как и замечаний специалистов Всемирного банка, была включена в проект Закона о государственном финансовом управлении и контроле. Особое удовлетворение Фонда вызвало то обстоятельство, что новый закон будет обеспечивать функциональную независимость регулирующих органов. Кроме того, положительно оценивалось намерение турецкой стороны ввести его в действие не в 2006, а в 2005 году, перейти к составлению бюджетов на среднесрочной основе, включить фонды с оборотным капиталом в финансовую структуру центрального правительства, а также более четко определить структуру использования бюджетных средств. Тем не менее, как отмечалось в Отчете, турецкая сторона оказалась не готова обеспечить окончательное единство для остающейся фрагментированной процедуры исполнения бюджета, отказавшись переложить ответственность за бюджетные инвестиции с Государственной плановой организации на Министерство финансов. Последнее обстоятельство вызвало сожаление специалистов Фонда.

Что касается проекта второй части налоговой реформы, то его основной целью должно было стать расширение налоговой базы. Однако, как отмечалось в Отчете, предпринимательские круги настойчиво требовали расширения налоговых льгот и сохранения налоговых преимуществ, действовавших в зонах свободной торговли. «Хотя изначально законодательство разрабатывалось с целью сокращения злоупотреблений в рамках действующих налоговых льгот, его последний вариант предусматривал расширение

некоторых льгот и освобождений» - констатировали специалисты Фонда. Поэтому было решено отложить рассмотрение соответствующих законодательных актов на некоторое время, в течение которого правительство должно было провести консультации с общественностью и изучить соответствующий мировой опыт.

Специалисты Фонда отметили достижения турецкой стороны в реструктуризации банковского сектора и ее приближение к завершению. В связи с этим основным предметом дискуссии в ходе работы над пятым Отчетом стала проблема приватизации государственных банков. При этом турецкая сторона отказалась от предложенного специалистами Всемирного банка проекта совместной приватизации Сельскохозяйственного и Народного банков. Другим важным направлением реформы финансового сектора, которое оказалось в центре внимания в период работы над пятым Отчетом, стало укрепление независимого статуса Совета по контролю и упорядочению деятельности банков. Проект Закона о государственном финансовом управлении и контроле предусматривал, что бюджет Совета, так же как и других независимых агентств, должен быть одобрен до вынесения на одобрение парламента соответствующим министерством. Специалисты Фонда выразили сомнение в целесообразности данной меры, полагая, что на практике это создаст риск неоправданного вмешательства в деятельность Совета посредством блокирования неожиданно возникших и непредусмотренных заранее расходных статей, а также пересмотра приоритетов в его деятельности. Как с удовлетворением отметили специалисты Фонда, «окончательный вариант проекта учел выраженные ими опасения и предусматривает непосредственное вынесение на одобрение парламента бюджетов независимых контролирующих агентств. Однако при этом важно, чтобы парламента не использовал свое право вето в отношении каждой строки их бюджета».

Специалисты Фонда с одобрением отнеслись к принятию нового Закона о прямых иностранных инвестициях, основная цель которого состояла в том, чтобы отменить их разрешительный характер. «Однако - подчеркивалось в Отчете Фонда - основным тестом на успех нового закона станет соответствие практики его применения объявленной цели».

Резюмируя сказанное, специалисты фонда выделили следующие предварительные условия, выполнение которых турецкой стороной явилось достаточным основанием для завершения работы над пятым Отчетом:

- Применение фискальных мер, направленных на мобилизацию дополнительных доходов в размере 0,7% ВВП, что должно обеспечить выполнение итоговой задачи 2003 г. по достижению первичного профицита госсектора в объеме 6,5% ВВП;

- Введение в действие законодательства, направленного на активизацию реформ в системе социального страхования и исключающего возможность применения амнистий в отношении социальных отчислений;
- Подготовка к вынесению на обсуждение парламента проекта Закона о государственном финансовом управлении и контроле, в котором учтены поправки предложенные представителями ВБ и Фонда.

Шестой, заключительный, параграф Отчета «Оценка представителей Фонда» содержал рекомендацию «с учетом последних действий (правительства – Н.У.), направленных на достижение фискальных критериев и ускорение структурных реформ» завершить работу. Тем не менее, в начале данного параграфа вторично указывалось, что турецкая сторона проявила медлительность в принятии мер, необходимых для завершения работы над Пятым отчетом. «Объявление неожиданных инициатив в налоговой сфере и в вопросах использования государственных средств, обсуждение возможности амнистии в отношении задолженности по социальным отчислениям, а также официальные заявления, в которых говорилось об отсутствии стремления правительства выступить преемником программы, поддерживаемой Фондом - все это привело к тому, что приверженность властей программе по временам представлялась далекой от всецелой» - констатировали представители Фонда.

Таким образом, анализ Пятого отчета МВФ обнаруживает наличие более значительных, нежели это следует из Письма о намерениях, противоречий в позициях Фонда и турецкой стороны по вопросам реализации стабилизационной программы. Основная часть этих противоречий по-прежнему концентрировалась вокруг вопросов, связанных с сохранением предвыборного имиджа ПСР как партии, намеревавшейся противостоять МВФ в наиболее «чувствительных» для избирателей вопросах. Иными словами, бескомпромиссности МВФ в вопросах последовательной финансовой стабилизации противостояло настойчивое стремление правительства ПСР найти более мягкий, социально ориентированный вариант реализации программы, который допускал бы ряд послаблений в пользу избирателей и имиджа партии как-то, более значительное повышение зарплат в госсекторе, применение налоговых амнистий как альтернативы нереализованному намерению снизить налоги, хотя бы частичное сохранение налоговых льгот. Тем не менее, к удовлетворению МВФ, противостояние нового правительства не выходило за рамки частных вопросов, что свидетельствовало об ограничении его попыток пересмотреть курс МВФ достаточно поверхностными изменениями.

Письмо о намерениях, подготовленное в связи с началом работы над Шестым Отчетом по соглашению о резервных кредитах¹⁷⁰ можно рассматривать как своего рода

итоговый документ, обобщающий результаты экономической политики правительства ПСР по истечению первого года его деятельности.

На момент его подписания - 31 октября 2003 г. - Турецкая сторона признала отставание в достижении некоторых из основных критериев согласованной с МВФ стабилизационной программы. Речь шла о тех же пунктах, которые оставались наиболее проблемными на протяжении всего года: обеспечение профицита первичного бюджета системы госфинансов и сокращение избыточной занятости на госпредприятиях. Что касается первой проблемы, то по состоянию на конец августа было зафиксировано отставание от намеченных показателей. Однако впоследствии начал проявляться позитивный эффект мер, принятых турецкой стороной в соответствии с планом, который был изложен в пятом Письме о намерениях. К тому же турецкая сторона предприняла дополнительные шаги, связанные в основном с секвестированием расходов с тем, чтобы обеспечить госсектору дополнительные 800 трлн. долл. Поэтому в Письме о намерениях вопрос на сей раз ставился не о праве турецкой стороны на отказ от выполнения критерия, а о ее праве отказаться от оценки состояния первичного профицита на конец октября, так как необходимую информацию можно было получить лишь к концу года.

Что касается сокращения избыточной занятости на госпредприятиях, то на конец сентября отставание от намеченных показателей составило около 7000 вакансий. Однако за первые две недели октября было сокращено 3600 вакансий. Кроме того, 3500 вакансий было сокращено некоторыми госпредприятиями дополнительно, то есть сверх первоначальных планов сокращения численности занятых. Все это позволяло надеяться на достижение показателей, запланированных на конец года.

Что касается осуществления структурных реформ экономики, то в качестве своей неудачи правительство признавало тот факт, что по состоянию на конец октября не были приняты парламентом предложенные ему на рассмотрение законодательные акты, направленные на повышение эффективности Совета по контролю и упорядочению деятельности банков. Эти акты были направлены на ускорение процедуры судебных разбирательств, в которые в той или иной форме вовлечен Совет.

К достижениям правительства следовало отнести благоприятные прогнозы по уровню инфляции: по состоянию на сентябрь он с начала года составил 14%, что позволяло оценивать как весьма реалистичную задачу выхода к концу года на уровень в 20%. Темпы роста экономики по итогам года обещали превысить запланированный уровень в 5%. Ожидалось, что до завершения работы над Шестым отчетом правительство закончит разработку второго этапа налоговой реформы, в рамках которой на основе учета наиболее успешной мировой практики намечалась постепенная трансформация свободных

торговых зон в экспортные зоны, а региональные льготы предлагалось переориентировать на создание рабочих мест в районах с более низкими доходами. Так же ожидалось принятие парламентом Закона о государственном финансовом управлении и контроле.

Создание более позитивной макроэкономической ситуации в стране способствовало и достижению соглашения с США об обеспечении Турции дополнительных кредитов в объеме 8,5 млрд. долл., в том числе 1 млрд. долл. – в форме безвозмездной субсидии. Данные средства предполагалось использовать для погашения части госдолга, номинированной в иностранной валюте.

Значительная часть письма посвящалась уточнению планов правительства в сфере экономики на 2004 г., суть которых сводилась к дальнейшему обеспечению устойчивого макроэкономического развития при темпах роста в 5%, уровне инфляции – 12%. Отношение профицита первичного бюджета госсектора к ВВП вновь планировалось обеспечить в объеме 6,5%. В этих целях предполагалось снизить отношение расходов первичного бюджета к ВВП с тем, чтобы компенсировать отмену некоторых мер, принятых в 2003 г. для мобилизации дополнительных доходов и имевших разовый характер. В этих целях планировался нулевой рост реальных расходов правительственного бюджета, введение ограничений на дополнительный найм госслужащих и прекращение дополнительного найма рабочих на госпредприятия. Отсутствие реального роста бюджетных расходов означало снижение их доли в ВВП на 0,75%. При этом долю социальных расходов в ВВП предполагалось сохранить на прежнем уровне. Одновременно предполагалось увеличение некоторых налогов и сборов и их трансформация в более эффективный и постоянный источник дохода. Важное значение придавалось расширению налоговой базы за счет легализации теневой экономики. Для осуществления этого процесса была запрошена помощь Фонда.

Таким образом, общая тональность Письма о намерениях, подготовленного в связи с началом работы над шестым Отчетом по соглашению о резервных кредитах подтверждала курс правительства, не только текущий, но и стратегический, на выполнение требований стабилизационной программы МВФ посредством компенсации имеющегося отставания в ее реализации и разработки механизмов ее четкого выполнения в дальнейшем.

Окончательные итоги развития экономики Турции в 2003 г. подведены в тексте Письма о намерениях, подготовленное в связи с началом работы над Седьмым отчетом по соглашению о резервных кредитах: экономический рост составил около 6%, что превысило запланированный показатель в 5%. Годовой уровень инфляции составил 18,5%, что было ниже целевого показателя 20%, заложенного в стабилизационную программу. Первичный профицит госсектора достиг 6%ВВП, что не только превысило целевой

уровень 2003 г., но и явилось самым высоким показателем в истории Турции, превзошедшим на 2% ВВП показатель 2002 г. Бюджетный дефицит снизился с 14,9% ВВП в 2002 г. до 11,4% в 2003 г.¹⁷¹

ТЮСИАД в специально подготовленном отчете «Экономика Турции 2003» (Türkiye Ekonomisi 2003) дал весьма положительную оценку экономической динамики за истекший год: «Жесткая фискальная и кредитно-денежная политика, проводившаяся в рамках экономической программы, создав более высокую степень доверия, сделала 2003 г. годом положительных изменений в направлении стабилизации, позитивных структурных изменений и экономического роста»¹⁷². Деятельность нового правительства оценивалась следующим образом: «Правительство ПСР, пришедшее к власти в результате последних выборов, хотя и с опозданием, все же продемонстрировало готовность продолжить стабилизационную экономическую программу. И несмотря на то, что время от времени оно посылает обществу довольно противоречивые сигналы, оно сумело доказать свою решимость следовать основным положениям программы. В условиях, когда экономические ожидания концентрируются не только вокруг экономической политики правительства или макроэкономических реалий, а вокруг возможности получения помощи или кредитов от международных организаций, правительство вновь обратилось к программе стабилизации и переговорам с МВФ, обеспечив соблюдение финансовой дисциплины...»¹⁷³. Таким образом, с точки зрения решения наиболее спорного в основных концепциях экономического развития Турции вопроса об использовании внешних источников финансирования, основная заслуга нового правительства Турции состояла, по мнению представителей крупного бизнеса, в обеспечении возможности занимать нуждающейся в займах турецкой экономике. Иначе говоря, этот вопрос был решен в соответствии с традицией последних лет, когда внешние источники финансирования активно использовались турецким финансовым рынком, но теперь их использование ограничивалось рамками политики фискального сдерживания.

Показательна и та оценка первого года деятельности правительства, которую дал член совета директоров Делового банка (İş bankası) - крупнейшего банка Турции, доктор Б. Тунджер: «Правительство после прихода к власти осознало, что у него нет возможности действовать вполне свободно, и повело себя весьма прагматично. Осознав реальность, оно стало действовать, исходя из нее...Я бы сказал, что допустив некоторые ошибки, оно быстро их исправило»¹⁷⁴.

В подготовленном экспертами МЮСИАД исследовательском отчете «Деятельность правительства (ноябрь 2002-декабрь 2003 г.)»¹⁷⁵ подчеркивалось два основных обстоятельства. Во-первых, экономическая деятельность правительства характеризовалась

не как самостоятельная, а как исполнительская, направленная на реализацию программных установок МВФ. Во-вторых, то обстоятельство, что позитивная экономическая динамика была достигнута новым правительством в рамках выполнения стабилизационной программы МВФ, вызвало определенное неодобрение МЮСИАД, которое приняло форму опасений в связи с высокими рисками, которые потенциально содержала использовавшаяся макроэкономическая стратегия. Как отмечалось в исследовании, «на протяжении первых шести месяцев после выборов руководство ПСР находилось под сильным прессингом... Многотиражные газеты не уставали повторять, что «правительство не знает экономики, что оно попытается проводить свою, отличающуюся от предыдущей, экономическую программу, которая ввергнет страну в новый период напряженности и кризиса» и тому подобные далекие от истины предположения... Не будет ошибкой утверждать, что проводимая в настоящее время программа не является оригинальной программой, подготовленной ПСР в соответствии со своими политическими и общественными предпочтениями, а представляет собой вынужденный продукт тяжелых условий, в которых развивалась турецкая экономика, после 1991 г., оказавшись заключенной в порочный круг. В результате приходящие к власти независимо от своих политических убеждений вынуждены демонстрировать шоу «однотипного» платья, которое им приходится надевать. Поэтому более правильно было бы оценивать не собственно экономическую деятельность правительства ПСР, а его технические функции по реализации программы, предложенной МВФ, которая при этом активно пропагандируется как единственно правильная, порожденная парадигмой реального состояния экономики страны»¹⁷⁶.

Далее эксперты МЮСИАД задавались вопросом, является ли достигнутое равновесие устойчивым: «Важной проблемой является и то, в какой мере успешно проводимая правительством программа соответствует его собственным приоритетам и ожиданиям тех слоев, которые оно представляет, так как важно не просто успешно продвигаться вперед, но и продвигаться в верном направлении. Правительство по истечении года в результате своих действий обеспечило возможность вздохнуть экономике, которая погибала от удушья, но основная работа только начинается.

Похожее улучшение наблюдалось в экономике в 2000 г., поэтому важно помнить, какие риски несет в себе тот факт, что программа лишена здоровой структурной основы»¹⁷⁷.

Отсутствие «здоровой структурной основы» эксперты МЮСИАД выводят из позиции нового правительства в отношении пресловутой проблемы использования внешних источников финансирования. «Используемая правительством политика

«продолжения заимствований», которая была разработана совместно с МВФ еще в предыдущий период, ограничивает гибкость экономической стратегии правительства, является препятствием на пути выработки альтернативных подходов. Даже в том случае, если налоговые амнистии или же обращение в дополнительные доходы различных государственных активов расценивать как усилия, направленные на выплату госдолга, они все же далеко не способны обеспечить кардинальное решение проблемы. К тому же известно, что МВФ, поддержка которого необходима для дальнейшего успешного осуществления проводимой стабилизационной программы, положительно относится к использованию внешнего финансирования. Таким образом, основной подход, как это следует из Писем о намерениях, состоит не в выплате долга, а в урегулировании долговых проблем»¹⁷⁸. Письма о намерениях действительно в качестве одного из достижений правительства отмечают укрепление рейтинга Турции в качестве заемщика на международном финансовом рынке. Так, в Шестом письме констатируется укрепление доверия рынков к экономической ситуации в Турции в результате продолжения структурных реформ и, в частности, отмечается, что это привело к падению спреда по государственным долговым обязательствам Турции на международных рынках и высокому спросу на размещенные правительством еврооблигации в сумме 1,25 млрд. долл.¹⁷⁹

Итак, резюмируя оценку МЮСИАД, следует отметить, что правительство ПСР пошло не пути осуществления самостоятельной альтернативной экономической программы, а оказалось исполнителем «заказа» МВФ. При этом отступничество правительства неизбежно задело и такой концептуально важный вопрос, как использование внешних источников финансирования в экономическом развитии Турции. Ограничив использование даже своей, изначально более умеренной, чем у МЮСИАД программы по решению проблемы госдолга¹⁸⁰, о чем свидетельствовало обязательство не применять в дальнейшем налоговые амнистии, правительство пошло по проторенному пути использования новых займов для оплаты старых обязательств. Правда, при этом оценка МЮСИАД была смягчена признанием давления объективной экономической реальности Турции на решения правительства.

Своего рода завершение трансформации взглядов правительства ПСР по вопросу об источниках финансирования государственных расходов продемонстрировало интервью государственного министра Али Бабаджана от октября 2003 г. ведущему экономическому журналу страны «Капитал» (Capital), в котором он подчеркнул: «Необходимо сделать обоснованными расходы государства и найти здоровые источники доходов. В среднесрочном и долгосрочном плане выходом для нас смогут стать только здоровые

налоги, никаких иных возможностей не существует. Во всех развитых экономиках основной источник дохода - налоги»¹⁸¹. Таким образом, Бабаджан обозначил разрыв с партийной традицией поиска неких «новых источников». Ограничив доходы государства налогами, он тем самым признал и неизбежность продолжения политики государственных займов ввиду объективной ограниченности ресурсов, которые могут быть мобилизованы через налоги в рамках национальной экономики.

Итак, как ТЮСИАД, так и МЮСИАД были не вполне довольны экономической политикой нового правительства, но если первые по причине промедления в исполнении стабилизационной программы МВФ, то вторые - ввиду чрезмерного ей следования.

Верность правительства как макроэкономическим целям стабилизационной программы, так и предусмотренным ею структурным реформам была подтверждена в тексте Письма о намерениях от 2 апреля 2004 г., подготовленного в связи с началом работы над Седьмым Отчетом по соглашению о резервных кредитах.

Предполагалось, что в условиях снижения реальных процентных ставок и возрастающего доверия к экономической конъюнктуре частное потребление и инвестиции станут основными рычагами экономического роста. Также планировалось, что Турция при уровне годовой инфляции в 12% к концу 2004 г. еще более приблизится к конечной цели – снизить инфляцию до уровня, исчисляющегося однозначной цифрой.

В качестве краеугольного камня фискальной политики правительства фигурировало обеспечение первичного профицита госсектора в объеме 6,5% ВВП. Далее в письме пояснялось: «Недавнее минимальное повышение зарплат и пенсий, продиктованное нашей озабоченностью положением наиболее уязвимых слоев турецкого общества, создало определенную угрозу для достижения фискальной цели данного года в условиях, когда доходы оказались ниже ожидаемых»¹⁸². Поэтому мы применяем ряд корректирующих мер, которые должны обеспечить дополнительный совокупный доход в объеме 7000 трлн. тур. лир или же 1,7% ВВП на протяжении оставшейся части 2004 г. Начало их использования явилось предварительным условием завершения работы над Седьмым отчетом. Многие из этих мер будут носить постоянный характер и будут способствовать достижению не только текущих фискальных целей, но и среднесрочных». Конкретно предпринятые меры состояли в следующем:

- Оставляя неприкосновенными расходы по социальным программам, турецкое правительство приняло решение о сокращении дискреционных расходов на 13%, а также сокращении объемов финансовых льгот для инвестиций, что должно было обеспечить экономию средств в размере 3900 трлн. тур. лир или же 1% ВВП.

- Были повышены акцизные сборы с нефти, табачных изделий, алкоголя и газа, что должно было обеспечить дополнительный доход в объеме 2400 трлн. лир или же 0,5% ВВП.

Важное значение в достижении фискальных целей, поставленных на 2004 год, придавалось тому факту, что в преддверии начала работы над Седьмым отчетом через парламент были проведены законодательные меры по второму этапу налоговой реформы, нацеленные на трансформацию зон свободной торговли в экспортные зоны.

Кроме того, правительство было исполнено решимости осуществить программу широкомасштабных структурных реформ, направленную на значительное повышение эффективности финансовой сферы в Турции, в частности, посредством усиления контроля за расходами, расширения налоговой базы и сокращения масштабов теневой экономики. Некоторые из реформ были заявлены впервые. Во-первых, планировалось усовершенствовать систему сборов налогов посредством реформы администрации по налогам. В результате принятия соответствующего законодательства планировалось ее трансформация в полуавтономную структуру в составе Министерства финансов, глава которой должен быть подотчетен непосредственно министру. При этом разработку налоговой политики предполагалось передать Министерству финансов. Проект соответствующего законодательства планировалось передать на рассмотрение парламента в мае 2004 г. Администрации по налогам должна начать действовать в новом качестве с января 2005 г. Во-вторых, планировалось добиться решения проблемы дефицита системы государственного социального страхования, для чего предполагалось вновь обратиться к ее реформированию. Так, в сфере пенсионного обеспечения предусматривалась институциональная реформа трех существующих государственных пенсионных фондов и условий их деятельности с тем, чтобы обеспечить их устойчивую жизнеспособность. В-третьих, в целях улучшения качества фискального регулирования турецкая сторона запросила помощи Всемирного банка и МВФ в ревизии системы государственных расходов. К моменту начала работы над Восьмым отчетом уже ожидалось получение предварительных рекомендаций по рационализации краткосрочных расходов. Предполагалось их использование в бюджетном процессе, начиная с составления бюджета на 2005 г.

В письме также было заявлено о стремлении турецкой стороны к продолжению уже начатых структурных реформ в фискальной сфере. В частности подчеркивалось сохранение приверженности ограничению занятости на государственных предприятиях. Процесс сокращения избыточной занятости завершился в 2003 г. При этом, хотя по итогам года не удалось достичь намеченной цели по сокращению избыточных вакансий на

госпредприятиях, общее число сокращенных вакансий, включая те, которые не были учтены официальным критерием, значительно превзошло планировавшееся. На новом этапе турецкая сторона предполагала придерживаться политики жесткого ограничения найма на государственные предприятия. Предполагалось восстановить на рабочих местах не более 10% уволенных, в основном тех, кто ушел по принуждению. Турецкая сторона намеревалась также продолжать движение в направлении прозрачности использования государственных средств. В этих целях предполагалось в конце апреля вынести на одобрение парламента законодательные акты, которые должны были положить конец существованию «специальных» внебюджетных счетов. С апреля 2004 г. на интернет-сайте Казначейства планировалась размещать ежемесячную информацию о размерах достигнутого первичного профицита госфинансов. Важной задачей было объявлено улучшение государственного управления. С этой целью в парламент был направлен кодекс поведения государственного служащего. Его рассмотрение планировалось на июнь 2004 г. Кроме того, ожидалось проведение через парламент Закона о принципах государственного административного управления. Этот закон, развивая положения Закона о государственном финансовом управлении и контроле, направлен на децентрализацию госуправления. Он распределяет полномочия между центральным правительством и местными властями.

Что касается монетарной политики, то турецкая сторона выступала с предложением о расширении «базовых денег» (объем национальной валюты, эмитированный ЦБР + размещенные на его счетах депозиты банков в турецких лирах) против изначально запланированного объема. При этом она указывала на такие факторы, как рост спроса на национальную валюту в связи с падением инфляции и ростом нормы обязательных резервов. Динамику денежной базы предполагалось жестко контролировать и вновь подвергнуть изменениям в случае необходимости. При этом подчеркивалось, что укрепление турецкой лиры, снижение инфляционных ожиданий и замедление темпов инфляции в последние месяцы свидетельствовали в пользу того, что запланированный уровень годовой инфляции в 12% будет достигнут. Для того чтобы отдать должное успеху процесса дезинфляции и укрепления доверия к турецкой лире, парламент в январе принял закон о деноминации национальной валюты в 2005 г.

В финансовой сфере основными актами явилась разработка дополнений к Закону о банках, направленных на его унификацию в соответствии со стандартами ЕС, а также замещение с июля 2004 г. 100%-ой системы гарантий банковских вкладов компенсационной схемой более ограниченного действия, как это принято в практике стран ЕС.

Таким образом, изложенные в письме планы свидетельствовали о готовности правительства твердо следовать стабилизационной программе, согласованной с МВФ как в макроэкономической, так и структурной сферах, но с уже привычными несущественными оговорками, которые должны были отразить определенное стремление к сохранению социального направления политики властей. К такого рода оговоркам можно отнести повышение зарплат и пенсий социально наиболее уязвимым слоям общества, что затруднило выполнение задач по достижению первичного профицита госфинансов в начале года, сохранение намеченных объемов социальных затрат при неизбежном секвестировании общего объема бюджетных расходов.

Итак, первые два года экономической практики Партии справедливости и развития, казалось бы, стали периодом забвения собственной или «оригинальной» программы в интересах продолжения действия заключенного с МВФ Соглашения резервных кредитов на 2002-2004 г.¹⁸³

Однако отступление ПСР от первоначально провозглашенных принципов экономической политики, очевидно, не следует расценивать как соглашательство. Напротив, оно заслуживает позитивной оценки как проявление эластичности партийных установок и готовности партийных лидеров адаптировать их к реалиям экономики. Не будет ошибкой интерпретировать экономическую политику ПСР и как способность к разработке долгосрочной эффективной стратегии достижения своих целей. Если вернуться к основному дискуссионному вопросу об источниках финансирования экономического развития Турции, то, как отмечалось выше, в программных документах ПСР использовалась довольно неясная формулировка - «создание новых источников». Из нее, во всяком случае, следует стремление партийных лидеров к ограничению использования внешних источников. Умеренной позиции ПСР по данной проблеме - ограничение, но не полный и спонтанный отказ от внешнего финансирования - в Турции можно противопоставить два альтернативных подхода. Первый - дальнейшее практически неограниченное использование внешних источников финансирования, исходя из необходимости создания источников экономического роста. Второй путь предложен идеологами МЮСИАД, и его суть, как отмечалось выше, состоит в консолидации государственной задолженности Турции и незамедлительном переходе к сбалансированному бюджету. Первый путь означает продолжение циклического движения экономики от неуклонно укорачивающихся периодов повышения темпов экономического роста или перегрева экономики к финансовым кризисам и девальвации национальной валюты, следующее затем восстановление доверия иностранных инвесторов к национальной валюте на фоне сокращения дефицита по балансу текущих операций.

Второй путь означает отсрочку решения проблемы госдолга, которая неизбежно будет составлять угрозу временной стабилизации экономики при падении доверия национальных и иностранных кредиторов и изоляции правительства Турции от дополнительных источников финансирования. И действительно, в 2004 г. выплата процентов по госдолгу должна поглотить 40% бюджетных расходов¹⁸⁴. Следовательно, переход к сбалансированному бюджету возможен лишь ценой отказа правительства от выполнения своих финансовых обязательств. Путь, предложенный МВФ, - сдержанный экономический рост при одновременном ограничении госрасходов и постепенном решении проблемы госдолга, которое предполагает сохранение достаточно длительной зависимости от внешних источников финансирования, но в постепенно снижающихся объемах. Его издержками, видимо, следует считать неизбежное ограничение темпов роста, повышение их зависимости от экспортной конъюнктуры, а основным преимуществом – устойчивость роста на фоне долговременной финансовой стабилизации. Именно этот путь избрала ПСР в качестве партии власти, и, видимо, именно он в наибольшей мере соответствует долгосрочному курсу на ограничение использования внешних источников финансирования. С другой стороны, нельзя недооценивать для ПСР важность такого преимущества, как стабильный экономический рост. В подготовленном Оксфордской бизнесгруппой совместно с турецким медиахолдингом Хюрриет (Hürriyet) и Советом по внешнеэкономическим связям исследовании «Развивающаяся Турция 2004» (Emerging Turkey 2004) отмечалось: «Волнообразно развивающаяся экономика представляет собой проклятие с точки зрения преодоления бедности, даже в случае, если период экономического подъема достаточно продолжителен... Так как бедные сильнее страдают в период экономических спадов и меньше выигрывают в период экономических бумов, именно значительная частота и глубина турецких рецессий обострила проблему бедности в Турции... По всей видимости, единственным сценарием, при котором бедные смогли бы выиграть, это устойчивый продолжительный рост»¹⁸⁵. Иными словами, долгосрочная стабилизация экономического роста, пусть и при снижении его темпов, есть способ наилучшим образом удовлетворить чаяния электората ПСР в долгосрочной перспективе, при условии, что он окажется достаточно терпелив и длительное время сможет довольствоваться сравнительно слабой социальной политикой правящей партии. Этой же цели служит и снижение инфляции, которое, напомним, некоторыми теоретиками исламской экономики рассматривается как одна из обязанностей государства, выполнение которой предписано Кораном.

Вторая половина 2004 г. стала наиболее показательной с точки зрения выявления сущности экономических взглядов лидеров ПСР. Именно в этот период определялись

перспективы дальнейших отношений Турции с МВФ и позиция правящей партии в отношении возможности выйти из-под влияния Фонда в ходе последующего выстраивания своей экономической политики. С одной стороны, экономический реализм, проявленные новым правительством, вряд ли имели убедительную альтернативу. Помимо эффективности проводившейся политики с точки зрения решения проблемы бедности в Турции, следует подчеркнуть ее нацеленность как в вопросах финансовой стабилизации, так и структурных реформ, на те позитивные сдвиги, достижение которых является условием начала переговоров с ЕС о вступлении Турции в союз¹⁸⁶. Подчеркнем, что вступление в Евросоюз в противоположность периоду правления Партии благоденствия стало одним из основных направлений внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности правительства ПСР. С другой стороны, усиление налогового прессинга в сочетании с политикой фискального сдерживания стали наталкиваться на сопротивление, хотя и сдержанное, различных слоев турецкого общества. Поэтому сделанный за эти месяцы выбор приоритетов экономической политики на перспективу позволяет более уверенно судить о привнесенном или органичном характере для политики ПСР экономического реализма и ее способности выстраивать долгосрочную стратегию, не поддаваясь соблазнам опасного популизма и давлению электората.

В январе 2004 г. в Турцию прибыла делегация МВФ для согласования параметров соглашения о стабилизационных кредитах на 2004 г. В ходе ее пребывания в Турции состоялась встреча членов делегации с представителями турецкого делового мира, на которой председатель Союза экспортеров Турции (Türkiye İhracatçılar Meclisi) Огуз Сатыджи (Oguz Satıcı) потребовал ответа на следующий вопрос: «Не существует ли возможности в нашей стране, где экономический рост возможен только за счет частного предпринимательства и экспорта, снизить финансовую нагрузку на производителя и с учетом этого выстраивать финансовый порядок?». Июль 2004 г. ознаменовался выдвижением требований повышения заработной платы различными группами «бюджетников». Первыми потребовали 18%-ной надбавки военные, вслед за ними – полицейские. Следующими стали имамы, которые мотивировали свое требование следующим образом: «Служители религии не должны гоняться за закятom или милостныней». Одновременно о подготовке к выдвижению требований по повышению зарплаты учителям заявил Совет высшего образования Турции¹⁸⁷.

С апреля 2004 г. турецкая элита и пресса приступили к активному обсуждению контуров будущей экономической политики. В конце месяца государственный министр Турции Али Бабаджан выступил в прессе с заявлением о том, что правительство работает над принятием решения, касающегося схемы взаимоотношений Турции и МВФ в 2005 г. и

последующий период и намерено огласить свое решение в середине года¹⁸⁸. При этом некоторыми средствами массовой информации сообщение А.Бабаджана было интерпретировано как заявление о намерении прекратить отношения с Фондом. В эти же дни разъяснение позиции правительства дал сам премьер-министр Р.Эрдоган. «О немедленном разрыве отношений с МВФ речи не идет. Али Бабаджан не мог сказать такого, очевидно, имело место неправильное понимание его слов. Изменяя формы наших отношений с МВФ, над пересмотром которых мы сейчас работаем. Мы решаем, сделать ли упор на кредиты, или социальные аспекты, или политические, или же одновременно на все сразу. Вероятно, придется выбрать из названного одно-два направления. Именно это будет обсуждаться на предстоящих переговорах, в том числе, и вопрос заключать или не заключать новое соглашение о стабилизационных кредитах... Приняв решение по этим вопросам, мы будем действовать в намеченном направлении. Так или иначе, мы являемся одним из учредителей фонда. Наш долг фонду составляет 20 млрд. долл., что невозможно не принимать во внимание. Учтя все названные обстоятельства, мы, видимо, в июне-июле придем к определенному решению по данному вопросу»¹⁸⁹.

Нельзя рассматривать в качестве совершенно случайного тот факт, что в конце апреля 2004 г. Стамбул по приглашению издательского дома Хюррийет (Hürriyet) и Акбанка посетил известный американский экономист Джозеф Стиглиц, известный своими резко негативными оценками макроэкономических рецептов МВФ. На обеде с представителями турецкой прессы Дж. Стиглиц изложил свое видение взаимоотношений Турции и МВФ¹⁹⁰. Касаясь перспектив заключения нового соглашения между Турцией и фондом, он заявил следующее: «Близкие отношения с МВФ опасны. Насколько далеки ваши отношения с фондом, настолько это хорошо. Прежде чем подписывать соглашение с МВФ сформулируйте то, что вы считаете правильным, и именно это обсуждайте с МВФ. Если же политика, которую вам предлагает Фонд, не соответствует вашим представлениям о правильном, не следуйте ей. Потому что в этом случае, придерживаясь политики МВФ, вы нанесете себе гораздо больший вред, чем отказавшись от нее. Аргентина не следует программе МВФ и демонстрирует экономический рост в 8%. Россия, Чили и в значительной степени Бразилия не следуют программам МВФ».

Комментируя проблему долга Турции МВФ, Стиглиц вспомнил старую поговорку о том, что если Вы должны банку 100 долларов, то это ваша проблема, но если Вы должны миллиард долларов, то это уже проблема банка.

Что касается подходов МВФ к урегулированию долга и инфляции, то, по мнению Стиглица, Фонд, демонстрируя тип мышления национального центрального банка,

игнорирует такие действительно важные параметры развития национальной экономики, как занятость и рост производства. «Служащие Центрального банка думают только о том, чтобы взять под контроль инфляцию. Другие экономические переменные их особенно не интересуют» - пояснил свою мысль американский экономист. В то же время Стиглиц отметил, что инфляция, составляющая 10-12% в год, не влечет за собой серьезных негативных последствий. «Выработайте свою собственную экономическую программу и найдите баланс между инфляцией, производством, экономическим ростом и занятостью. Не ограничивайтесь только контролем над инфляцией... Европейский Центральный банк, несмотря на то, что инфляция составляет лишь 2%, продолжает проводить политику жесткого контроля над ростом денежного предложения. Из-за этого Европа не может продемонстрировать экономический рост. Федеральный Банк США проводит политику, в рамках которой уделяется внимание росту и занятости, и поэтому США после короткой стагнации вновь способны перейти к экономическому росту... В Турции наблюдаются позитивные тенденции... Аналитики сходятся во мнении, что дальнейшего роста экономики в стране не будет происходить. Я не хочу разделять этой оценки», - резюмировал свои рекомендации для Турции Дж. Стиглиц.

К дискуссии о путях экономического развития Турции подключился и МЮСИД, выпустивший в июле 2004 г. исследовательский отчет «Турецкая экономика 2004: развитие и предложения по реструктуризации». «Для того, чтобы справиться с обслуживанием долга, правительство прибегает к повышению налогов и старается обеспечить более высокий уровень профицита первичного бюджета. Это приводит к сокращению инвестиционных расходов, а также расходов на образование, здравоохранение, обеспечение прав граждан, заработную плату и пенсии. Если мы хотим достичь социального мира, обеспечить устойчивый экономический рост и придерживаться долгосрочных целей развития, мы не можем долее обременять нашу экономику этим грузом.

Цели Турции в области экономической политики должны быть определены таким образом, чтобы страна обходилась без соглашения о стабилизационных кредитах с МВФ, как она это делала в период с 1985 по 1994 гг., так как ныне она достигла состояния экономики, которое позволяет избавиться от интенсивной опеки»¹⁹¹.

5 мая 2004 г. Государственный министр Али Бабаджан сделал заявление для прессы по вопросу о профиците первичного бюджета. Подчеркнув, что профицит в объеме 6,5% ВВП является необходимостью, обусловленной решением задачи по снижению госдолга, он заявил следующее: «Мы просчитываем цифры на 2005г. и последующий период. Объем профицита первичного бюджета будет поддерживаться в объеме, требуемом для снижения

государственного долга. Очевидно, политика обеспечения значительного профицита первичного бюджета должна быть продолжена». В то же время Бабаджан заверил, что детали будущих отношений Турции с МВФ пока неизвестны и лишь будут обсуждаться в ближайшие месяцы. Заявление государственного министра можно было расценивать как указание на намерение правительства продолжать стабилизационную политику, но без МВФ.

22 июня 2004 г. государственный министр Али Бабаджан выступил перед прессой в связи с завершением работы комиссии МВФ над восьмым Отчетом в рамках использования стабилизационного кредита. В качестве среднесрочных целей правительства А.Бабаджан назвал необратимое снижение инфляции до уровня, исчисляющегося однозначной цифрой, создание макроэкономической обстановки для устойчивого экономического роста, поддержание бюджетной дисциплины и снижение отношения госдолга к ВВП. Вместе с тем он заявил, что продолжается активное обсуждение в форме тесного диалога с обществом в лице представителей его различных слоев экономической программы на 2005 г. и последующий период. Разработанная по его итогам экономическая программа должна отвечать следующим параметрам:

- Учитывать потребности и реалии Турции;
- Быть нацеленной на решение существующих экономических проблем;
- Содержать сильную социальную составляющую;
- Опирается на диалог и общественное согласие;
- Вызывать доверие внутреннего и внешнего рынков¹⁹².

Из данного заявления следует противопоставление среднесрочной экономической программы и долгосрочной. Последняя обещала стать более социально и национально ориентированной, а, следовательно, более независимой от требований и условий МВФ. По существу заявление А. Бабаджана означало перспективное намерение правительства все же ослабить жесткую фискальную политику. Принципиально важным являлся вопрос о планировавшихся сроках введения обещанных изменений, поскольку их реализацию при сохранении верности стабилизационному курсу следовало отложить до действительно устойчивой финансовой стабилизации. Отсутствие уверенности в том, что правительство не проявит опасной поспешности, привело к тому, что упомянутое Дж. Стиглицем несовпадение интересов правительства и Центрального банка четко обозначилось и в Турции.

В начале июля 2004 г. глава Центрального банка выступил с заявлением, в котором, в частности говорилось: «Следует подчеркнуть необходимость продолжать программу, которая нацелена на развитие достигнутых успехов и продолжение структурных реформ. В

имеющихся позитивных сдвигах велика роль программы, осуществлявшейся на протяжении последних трех лет. Крайне важно продолжать программу, которая начала давать ожидаемые результаты, сделав при этом особый акцент на углублении структурных реформ»¹⁹³. Турецкая пресса расценила данное заявление как проявление разных позиций правительства, представители которого неоднократно заявляли о подготовке новой экономической программы с сильной социальной составляющей, и ЦБТР по ключевому вопросу об экономической стратегии Турции после завершения действия соглашения с МВФ.

Проблема будущей экономической стратегии Турции нашла отражение в публичном выступлении главы ЦБ С.Серденгечти, озаглавленном «В поисках стабильности: откуда и куда». В нем Серденгечти проанализировал не только нынешнее состояние экономики Турции, но и обобщил 30-летний опыт борьбы страны с инфляцией. «То там, то здесь раздаются голоса, что нынешний уровень профицита первичного бюджета слишком высок и предлагается несколько смягчить фискальную политику. Но, отвечаю я, недавнее прошлое Турции полно примерами, когда правительства бросали осуществление стабилизационных программ на половине пути. И эта незавершенность всегда провоцировалась подобными мотивами. То, что следует за рассуждениями типа «Мы уже много натерпелись, давайте немного ослабим узду» - это не просто рост инфляции и возврат к снижению экономического роста, это настоящий кризис. В прошлом мы много раз это переживали. Мы ни в какой форме не должны отказываться от финансовой дисциплины»¹⁹⁴.

Ответом правительства на «вызов» ЦБ стало выступление государственного министра А. Бабаджана на заседании торгово-промышленной палаты г. Афьона в июле 2004 г.¹⁹⁵. «Новая программа, подготовку которой мы завершаем, нацелена на то, чтобы учесть интересы Турции на 20 или 30 лет вперед, и при этом концентрироваться на вопросах первостепенной важности, представлять собой основу для переговоров о вступлении в ЕС, обеспечивать рост производства, занятости, экспорта, инвестиций и стабильный экономический рост» - заявил Бабаджан. Отклонив подозрения ЦБ в том, что правительство намерено предать интересы долгосрочной стабилизации, Бабаджан уточнил, что и в последующие годы в соответствии с ожиданиями рынка будет поддерживаться высокий уровень профицита первичного бюджета, и в этой связи единственным способом решить проблему занятости окажутся инвестиции частного сектора. По словам Бабаджана, уровень инфляции в 12%, который планировался на 2004 г., очевидно, удастся достичь¹⁹⁶; на 2005 г. правительство планирует годовой уровень инфляции в 8%, на 2006 - в 5%, на 2007 - в 4%. При этом министр отметил, что бюджетный дефицит по итогам года

снизится до 9% ВВП. «В последующие годы бюджетный дефицит относительно ВВП снизится до соответствующих Маатрихским критериям 3%» - резюмировал Бабаджан. Таким образом, правительство объявило о твердом намерении и в последующем соблюдать жесткие критерии стабилизационной стратегии. Сильная социальная составляющая, видимо, окончательно перемещалась в разряд долгосрочных целей, а ее упоминание в планах правительства должно было в основном поддержать дух электората. К числу отдаленных перспективных целей правительства, очевидно, следовало отнести и налоговую реформу, цели которой министр определил как создание налоговой системы, обеспечивающей общественное согласие, базирующейся на принципах рациональности, широкой налоговой базе и *низких налоговых ставках*. Что касается выступления главы ЦБ, то, воздержавшись от упоминания персоналий, А.Бабаджан, тем не менее, отметил, что всегда найдутся те, кто готовы приписать себе успехи, достигнутые в экономической сфере, в частности, в борьбе с инфляцией. «Мы не желаем убивать время на то, чтобы обсуждать, кому принадлежит успех» - заключил министр. Смысл данного комментария, по-видимому, заключался в том, чтобы напомнить ЦБ о том, что правительство не может быть менее главного банка заинтересованным в сохранении тех экономических достижений, которые оно само же и обеспечило.

Свою позицию по вопросу дальнейшего развития экономики Турции высказал и МВФ. В конце июля был опубликован Доклад о состоянии экономики Турции, подготовленный Советом Исполнительных директоров МВФ¹⁹⁷. В докладе, в частности, говорилось: «В среднесрочном плане главным экзаменом для правительства станет проведение политики, направленной на обеспечение устойчивого экономического роста и низкой инфляции. Ныне оно имеет уникальный шанс для осуществления необходимых структурных реформ благодаря наличию прочного большинства в парламенте и отсутствия перспективы выборов в ближайшие три года». Доклад призывал правительство игнорировать призывы снизить размер профицита первичного бюджета в будущем году, так как полученные в результате преимущества будут перекрыты потерями от роста реальных процентных ставок и замедления экономического роста. «Турция получила исторический шанс. Совет исполнительных директоров рекомендует правительству действовать таким образом, чтобы использовать его для обеспечения устойчивого роста и преодоления слабости экономики, продолжения фискальных и структурных реформ и в итоге обеспечить безусловное соответствие Турции экономическим требованиям ЕС» - говорилось в заключительной части доклада.

О своевременности выхода доклада в свет говорит тот факт, что в конце июля 2004 г. состоялся визит в Анкару делегации МВФ во главе с главой департамента Турции Р.

Могхадамом (Riza Moghadam), в результате чего будущая экономическая политика правительства приобрела большую определенность. Итогом визита стало решение сторон о заключении нового соглашения о стабилизационных кредитах сроком еще на три года. Однако комментарии правительства по данному вопросу оставались довольно скупыми. Так, выступая 30 июля на пресс-конференции в связи с завершением работы очередного заседания Совета по экономической координации, заместитель премьер-министра и государственный министр А. Шенер лишь подтвердил, что с МВФ была достигнута договоренность о заключении нового соглашения, «поскольку этого желал рынок»¹⁹⁸. Сдержанность комментариев официальных лиц, видимо, следует объяснять тем обстоятельством, что в очередной раз правительству пришлось сделать выбор не в пользу субъективных предпочтений в сфере экономической политики, а в пользу требований экономических реалий нынешней Турции, иначе называемых «рынком».

Несмотря на то, что сценарий развивался по пути, наиболее предпочтительному с точки зрения ЦБТР, последний стремился к окончательной определенности. В докладе банка, опубликованном 20 августа 2004 г. отмечалось, что «неконтролируемые риски способны привести к росту процентных ставок». Заявление ЦБТР, прозвучавшее после периода относительно стабильного снижения ставок привело к падению финансовых рынков. В результате ЦБ был вынужден выступить с разъяснением своего заявления. «Привлекать внимание к существующим рискам – обязанность Центрального банка. Однако это не следует понимать в том смысле, что все риски проявляют себя в экономической действительности. Многие из обозначенных рисков можно было бы снять в случае, если бы премьер-министр объявил о намерении подписать новое соглашение с МВФ» - говорилось в нем¹⁹⁹. Наконец, государственный министр А. Бабаджан сообщил, что начало переговоров с МВФ о новом соглашении о стабилизационных кредитах сроком на 3 года планируется на сентябрь-октябрь 2004 г.. По его словам, программа, согласованная с МВФ, одновременно должна стать и экономической программой, предваряющей вступление Турции в ЕС²⁰⁰.

12 октября, то есть спустя несколько дней после того, как Еврокомиссия рекомендовала ЕС начать переговоры с Турцией о ее приеме в члены, в Анкару прибыла делегация МВФ для проведения переговоров по новому соглашению. Знаменательно, что центральное место в ходе встречи заняла дискуссия сторон о размерах профицита первичного бюджета на 2005 г. Представители Фонда настаивали на 7% ВВП, тогда как турецкой стороне, настаивавшей на невозможности сокращения социальных расходов, удалось отстоять 6,5%²⁰¹.

Таким образом, экономическую политику правящей происламской Партии справедливости и развития следует охарактеризовать как политику «социального реализма», суть которой сводится к выполнению стабилизационного пакета МВФ с определенными социальными оговорками. Четко осознавая безальтернативность предложенной экономической политики в случае ее сохранения в реальной плоскости, а также предпочтительность выхода из сложной экономической ситуации, главной проблемой внутри которой остается с трудом контролируемый государственный долг, с финансовой помощью Запада, правительство АКП, опираясь на свое политический резерв, превратилось в наиболее последовательного исполнителя стабилизационной программы МВФ. «По иронии судьбы – писал Ближневосточный исследовательский бюллетень – кемалисты старой формации, которые на протяжении 80 лет говорили о необходимости модернизировать и вестернизировать Турцию, по многим позициям превратились в реакционеров, тогда как исламисты перехватили лидерство в осуществлении реформ прозападного толка»²⁰².

ЭКОНОМИКА ИРАНА: РАЗВИТИЕ В УСЛОВИЯХ ТЕОКРАТИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА

4. ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ЭВОЛЮЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ: ОТ ИСЛАМСКОЙ ЭКОНОМИКИ К ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ

В Иране, как и в других восточных странах, с XX века под влиянием европейского опыта ускорились процессы секуляризации, которые наиболее наглядно проявлялись в экономической жизни. Стремительный рост экономического потенциала европейских стран, обеспечивший им военное превосходство, инициировал проведение в XIX веке реформ «танзимата» в Турции, а затем и реформ Таги-хана в Иране.

При этом и Османская империя, и Иран пытались создать законодательные условия для ускорения экономического развития и внешних экономических связей, используя как принципы мусульманского права-шариата, так и европейского, особенно в тех аспектах, которые отсутствовали в шариате.

В Османской империи, или вернее Османском халифате, главным для реформ XIX в. являлось именно создание законодательной базы для привнесения европейских норм собственности и хозяйствования, что стало примером для всех мусульманских стран. В Иране, который после победы шиизма, не входил в систему халифатского правления, проведение реформ происходило на фоне развернувшегося среди шиитов нового религиозного движения, получившего название бабидского. Сами реформы в значительной мере были этим движением инициированы, а после поражения бабидов темпы реформирования снижены. С точки зрения темы нашего исследования, интерес представляют социально-экономические принципы нового религиозного движения. Последователи бабидов, и особенно бегаитов, ставших приемниками бабидского движения, выдвинули такие принципы как отмена запрета на ссудный процент, введение нормы неприкосновенности личности и собственности, повышение социального статуса ремесленников и лиц, занимающихся хозяйственной деятельностью. Т.е. фактически требовали введения таких религиозных правовых норм, которые могли бы облегчить распространение европейских форм хозяйствования. Однако это движение было подавлено, реформации ислама не произошло, и становление новых -капиталистических отношений- в Иране и других мусульманских странах происходило, главным образом, не за счет изменения исламских экономических норм и правил, закрепленных в шариате, а за счет сужения поля его деятельности и введения светского права.

Особенно ускорился процесс секуляризации страны после прихода к власти Реза-шаха, при котором была сформирована законодательная база общественно-экономической

жизни, основанная на европейском праве. Экономические нормы были приведены в соответствие с общемировыми нормами, особенно в области бюджетной системы, налоговой политики, форм собственности.

Позиции духовенства- и политические, и экономические были подорваны. Не было осуществлено даже конституционное право иранского духовенства на создание особого Совета из высших улемов, который должен был проверять соответствие принимаемых меджлисом законов принципам ислама. Духовенство было отстранено и от системы образования, ранее полностью находившегося в его компетенции. Начальная, средняя школа и вузы были переведены на светские принципы обучения, резко было ограничено число религиозных школ-мактабов и медресе, готовящих кадры для духовенства. Под государственный контроль была поставлена деятельность вакфов, являющихся формой религиозной собственности, их число также было сильно сокращено.

Однако после отстранения от власти Реза-шаха (в результате ввода советских и английских войск в 1941г.) иранское духовенство, которое традиционно было политически активным, принимая участие во всех массовых социальных и политических движениях, стало пытаться укрепить столь пошатнувшиеся в 30-е годы позиции. С 40-х годов духовенство стало организационно объединяться в общества и партии, которые положили начало формированию религиозной шахской оппозиции. Наиболее известны две исламские партии, созданные в 1945-1946гг.- «Поборники ислама»(Федаяне эслам) и «Общество верующих социалистов»(Джамийяте ходпарастане сусьялист). Если последняя пыталась совместить идеи ислама и социализма, «Федаяне ислам» откровенно заявила об установлении исламского правления как о своей цели. Партия была основана Наввабом Сафави, доктрина которого содержала такие моменты как введение в практику шариатских наказаний, отмену всех неисламских законов, необходимость использования института джихада для защиты ислама, борьбу с иностранным влиянием, минимизация контактов мусульман с иностранцами, разрыв политических и военных отношений с США, Англией и СССР, установление военного союза между мусульманскими государствами, сооружение мечетей мечетей на всех предприятиях и в школах, строгое следование исламскому кодексу в одежде, запрещение алкогольных напитков, сигарет, азартных игр, современной музыки, восстановление исламской системы образования.²⁰³ Именно идеи Сафави, за исключением его постулата о совместимости ислама и монархии, окажут наибольшее воздействие на направленность оппозиционного исламского движения и его формы. В своей деятельности сторонники Сафави начали прибегать к террористическим методам, внося элемент экстремизма в борьбу с шахским режимом. В период борьбы за национализацию нефтяной промышленности,

развернувшуюся в начале 50-х годов, духовенство поддержало доктора Мосаддека, лидера этого мощного национального движения, главной задачей которого было ограничение чрезмерного экономического и политического влияния Великобритании. После военного переворота, сместившего Мосаддека и роспуска исламских партий, причастных к убийству ряда лиц и покушению на шаха, центр оппозиционной борьбы духовенства против Мохаммада Пехлеви, продолжившего политику отца по модернизации страны, переместился в религиозные учебные центры. И главным таким центром стал Кум, где с 40-х годов Рухолла Хомейни стал заниматься разработкой теории исламского правления, а с 60-х годов, после того, как шах провозгласил начало «белой революции», стал инициатором антиправительственных акций. Он выступил против усиления позиций США в Иране и предоставления американцам дополнительных правовых гарантий, против фактического признания шахом Израиля, против комплекса реформ, провозглашенных шахом, среди которых была и ликвидация вакфного землевладения.

В ходе «белой революции», в 60-70ые годы Иран стал одним из «полигонов» внедрения технологий ускоренного развития. В стране были проведены структурные реформы, обеспечившие одни из самых высоких в мире темпов роста валового продукта. Аграрная реформа покончила с полуфеодальным помещичьим землевладением, издольной арендой, значительно сократила вакфную земельную собственность, подорвав экономический потенциал духовенства. Хотя в XX веке частная собственность на землю, была закреплена законодательно и конституционно, а в богословских работах частная собственность стала рассматриваться как священное право от Аллаха, сохраняется условность, с точки зрения ислама, права на землю как на объект собственности и как на объект владения и использования. И это часто использовалось как духовенством, являвшимся противником земельных реформ, так и сторонниками их проведения. Когда иранское духовенство выступило против объявленной в 1951г. шахом продажи его собственных земель крестьянам, как противоречащей исламу, Хасан Арсанджани, который в 60-е годы станет главным проводником радикальных аграрных преобразований, инициировал публикацию статьи, в которой более противоречащим, с точки зрения ортодоксального ислама, являлось не перераспределение частной земельной собственности, а ее законодательное закрепление. В этой статье говорилось, что в мусульманской стране обрабатываемые земли, леса и недра принадлежат всему народу, должны находиться в распоряжение государства, а крупное землевладение является результатом узурпации и подлежит передаче в руки обрабатывающих эту землю крестьян.²⁰⁴

Но пока речь шла о шахских землях, выступления духовенства не были активными. Когда же началась подготовка к ликвидации крупного помещичьего землевладения, духовенство вновь стало обращаться к исламу как гаранту собственности. Так великий аятолла Боруджерди осудил аграрный законопроект 1960г. о разделе помещичьих земель как противоречащий исламу и Конституции. Так как аграрная реформа была поддержана крестьянством, духовенство вскоре прекратило нападки на необходимость ее проведения в принципе, и ограничилось критикой различных сторон ее проведения. Часть духовенства поддержала реформу, так как согласно исламу не меньшее право на землю принадлежит тому, кто ее длительное время обрабатывает.

В результате проведенных реформ, среднегодовые темпы прироста ВВП в 1967/68 г. – 1976/77 г. составили 10,8%, в том числе обрабатывающей промышленности – 12,8%. Национальный доход в расчете на душу населения за 10 лет реформы – с 1962/63 г. по 1972/73 г. - увеличился со 172 долл. до 457 долл., а к 1977/78г., в результате резкого повышения цен на нефть, – до 2020 долл.²⁰⁵

Однако построить капитализм европейского типа не удалось - иранский капитализм постепенно приобретал черты государственно-бюрократического. Госсектор с его растущими за счет доходов от нефти финансовыми возможностями и тесными связями с иностранными компаниями все больше усиливался. Удельный вес госсектора в ВВП увеличился с 24,5% в 1967/68г. до 48,6% в 1976/77г., а в 1974/75г. после скачка цен на нефть он достигал 56%.²⁰⁶ Значительный рост государственного предпринимательства сопровождался беспрецедентным ростом государственного регулирования экономикой. Даже ценообразование все больше и больше становилось объектом государственного регулирования. В 1973г. был создан Центр по контролю за ценами, который стал определять уровень оптовых цен, а образованный в 1974г. Центр защиты потребителей – розничных цен и перечень товаров, подлежащих фиксированному ценообразованию. Ценообразование на большую часть продукции, производимой в рамках госсектора, закупаемой у сельских кооперативов, заменивших помещиков, а также закупаемой по импорту, определялось не рыночными принципами, а социальной целесообразностью. За счет импорта обеспечивалась половина иранского товарооборота, в том числе 80% оборота товаров производственного назначения, а импорт преимущественно находился в руках частного сектора. При этом фиксированные цены не всегда оперативно учитывали движение цен на мировом рынке, стал расти «теневой» рынок, периодически возникал дефицит, приводивший к росту спекуляции и коррупции.

Экономическая модернизация не сопровождалась политической, режим все отчетливее приобретал черты диктаторского. Концентрация политической и

экономической власти в руках шахской семьи и немногих монопольных групп, связанных с иностранным капиталом и госсектором, ускорившееся «вымывание» мелких предпринимателей, чрезмерное вмешательство государства в экономику, включая ценообразование, появление черного рынка, рост коррупции вызвали в обществе растущее недовольство шахской моделью модернизации. Активное участие в антишахском движении приняло духовенство. К этому времени оно имело общепризнанного лидера в лице аятоллы Хомейни, теоретически разработавшего основные положения о исламском правлении в современную эпоху и оказавшегося практическим организатором оппозиционного движения. Находящийся в изгнании, но благодаря привозимым кассетам участвующий в религиозно-политической жизни он вскоре превратился в харизматического лидера оппозиции. в результате его изгнания из страны. Исламскую идеологию начали широко использовать некоторые из буржуазно-демократических и даже левых партий, в том числе и разделявшие марксистские взгляды. Кульминацией революционного движения явилось вооруженное восстания 11 февраля 1979 г. Шахский режим был свергнут. В революции приняли участие разные политические силы, но именно духовенству удалось стать во главе ее и разрушить политическую и экономическую модель шахского режима.

1 апреля 1979 г. Иран был провозглашен исламской республикой. Ни пришедшее к власти духовенство, ни созданные им временные центры власти не имели сколько-нибудь четкой экономической программы. В главном научном труде аятоллы Хомейни «Хокумате эслами» (Исламское правление), где теоретически обосновывался принцип «велейят-е факих» (главенство факиха, т.е. мусульманского законоведа) как основа управления исламским государством, вопросам экономики отводилось весьма скромное место. Наибольшее влияние на формирование экономических взглядов Хомейни в период его пребывания (вернее, ссылки) в 60 - 70-х гг. в Неджефе (Ирак) оказал М. Бакир Садр, полагавший, что исламская экономика представляет собой сочетание свободного предпринимательства с государственным монополизмом.²⁰⁷ Бакир Садр считал главным критерием «законности» собственности цели, которым она служит. По его мнению, если собственник следует предписаниям Корана, то и его собственность служит общественным интересам.

На формирование концепции экономического развития значительное влияние оказала теория «тоухидной» экономики, изложенная экономическим советником Хомейни Абольхасаном Банисадром в книге «Тоухидная экономика», написанной незадолго до революции. А. Банисадр противопоставлял экономику, базирующуюся на исламских принципах, экономике, сложившейся в шахский период. Его идеи во многом

совпадали с концепциями сторонников «исламского» пути развития в других странах, а также учитывали идеи Хомейни по вопросам государства и собственности. Вставший во главе нового государства Исламский революционный совет (ИРС), исполнявший функции, прежде всего законодательной власти, но нередко вмешивавшийся и в деятельность Временного революционного правительства во главе с религиозно-буржуазным деятелем Мехди Базарганом, стал воплощать эти идеи в жизнь. Реализовывались они от лица правительства, в которое А. Банисадр вскоре был введен в качестве заместителя министра финансов, пребывая одновременно членом ИРСа. Поэтому та экономическая модель, которая была сформирована в первый год после революции под давлением ИРСа и Хомейни, получила название «тоухидной».

В наиболее разработанном виде идеи «тоухидной экономики» как экономической исламской системы были сформулированы в программе Партии Исламской республики (ПИР), создание которой Хомейни инициировал для обеспечения политического лидерства духовенства.

Принцип «тоухида» - один из основных принципов шиитской концепции о государстве и власти - в экономическом аспекте предполагал всеобщее осуществление исламского права в интересах мусульманской общины в целом и каждого ее члена в отдельности. В исламском экономическом учении тесно переплетаются чисто-экономические понятия, общественные отношения и нравственные принципы экономических отношений, которые должны содействовать целям процветания исламского общества (уммы) в целом. В этом взгляде на экономику как органической части цельного организма исламского общества проявляется принцип "тоухида"-единобожия.

Реализация этого принципа должна была покончить с экономическим неравенством, улучшить жизнь слоя «обездоленных». Решающая роль в обеспечении членам уммы условий, при которых «тоухид» мог быть воплощен в жизнь, отводилась исламскому государству, так как реализация исламской модели предполагает наличие двух основных условий - в условиях исламского правления и на основе исламской экономической традиции.

Поэтому до принятия Конституции иранское духовенство сделало все, чтобы создать такую форму государственности, которая бы воплощала идеи исламского правления, и построить такую экономическую систему, которая бы использовала исламские экономические принципы и позволила сконцентрировать экономические рычаги в руках исламских структур власти. Это духовенству удалось.

Иран является теократическим государством не только по названию, но и по своему устройству. Конституция страны, принятая в декабре 1979г., законодательно закрепила основы политической и экономической системы, которые в совокупности и представляют собой исламское правление. Главным элементом новой власти, который придает ей религиозный характер, воплощая принцип вelayате факих является то, что высшим постом в государстве является рахба, или лидер страны, которым может быть только, согласно статье 6 Конституции, факих, т.е. лицо духовного звания. Нужно отметить, что с точки зрения шиизма этот принцип не бесспорен, так как согласно шиитской доктрине законной может быть только власть потомков имама Али.

Деятельность всех государственных органов представлена как религиозными, так и республиканскими структурами. С одной стороны –рахбар, с другой- президент, избираемый тайным всеобщим голосованием. Он является главой исполнительной власти, именно он представляет страну на внешнеполитической арене. Но по конституции большими полномочиями наделен рахбар страны, что делает его не только религиозным, но и государственным лидером.

Высшим законодательным органом является меджлис, но его деятельность контролируется Наблюдательным Советом (Шоурае негахбян- The Council of Guardians), проверяющим соответствие принимаемых законов исламу и конституции, и половину его 12 членов составляют факихи, назначаемые рахбаром.

Вооруженные силы представлены как армией, так и Корпусом стражей исламской революции. Сохранена судебная структура, но главой ее являются лица духовного звания.

В исламской экономической традиции наиболее важными принципами являются: право собственности, «риба»- запрет на банковский процент, уплата религиозных налогов. Эти принципы и стали внедряться в экономическую практику новой власти.

Наиболее актуальным для Ирана явился вопрос о собственности, особенно после того, как вскоре после революции в несколько этапов была проведена национализация собственности шахской семьи, иностранных компаний, банков, страховых обществ, крупных промышленных и коммерческих компаний. Эти мероприятия в условиях провозглашения исламского государства, отчетливо противопоставившего себя шахскому режиму с его тенденцией к вестернизации, не исключали возможности обращения новой власти к истокам интерпретации исламом понятия собственности, когда приоритеты отдавались умме и государству. Этим принципом, как исламским, была объяснена проведенная после революции 1979г. конфискация земель, так как по словам аятоллы Монтазери, бывшим в 80-е годы сторонником Хомейни и его официальным приемником

на посту рахбара. основой «владения землей является не право собственности, а право трудиться на земле».²⁰⁸

Более безусловным в исламе являлся подход к собственности, образованной в результате деятельности, в том числе к собственности в области промышленности и финансов.

В первые послереволюционные годы в Иране было весьма почитаемо учение шиитского теолога Сейеда Хосейна Насра. Он писал, что человек, «будучи наместником Бога на земле, получает и право частной собственности...», поэтому ни одно правительство или социальная группа не могут лишить человека этого права²⁰⁹

Тем не менее, национализация коснулась не только земель и природных богатств, но и других видов собственности. 7 июня 1979г. было объявлено о национализации всех частных банков- отечественных и с участием иностранного капитала, 27 июня- частных страховых компаний. 4 июля Исламский Революционный Совет (ИРС), являвшийся в переходный период законодательным органом, издает закон о национализации крупных промышленных объектов- "Закон о защите и развитии промышленности". Закон предусматривал национализацию предприятий черной и цветной металлургии, заводов по строительству и сборке судов, самолетов, вертолетов, автомобилей, предприятий тех владельцев, которые "незаконным путем" нажили капиталы. Предприятия владельцев, не принимавших участие в борьбе против нового режима, оставались в их собственности. В отличие от предыдущих законов о национализации, предусматривавших выплату компенсации вкладчикам, этот закон являлся конфискационным. ИРС законом о национализации промышленности подвел правовую базу под конфискацию национализированных ранее частных банков. Иностранная собственность национализировалась из-за того, что принадлежала иностранцам. Официальным поводом к конфискации крупных отечественных компаний собственность как таковая (или ее размеры) не являлась, национализации подлежали, как указывалось, предприятия сторонников шахского режима и предприятия-должники банков. В результате проведенной национализации слой крупнейших собственников капитала, связанных с шахским двором и иностранными компаниями, был ликвидирован. Стремясь предотвратить недовольство национализацией, Хомейни заявил, что исламское государство признает, защищает законно приобретенную частную собственность и не собирается национализировать всю экономику.

Все эти мероприятия требовали как юридического, так и религиозного обоснования, что широко дискутировалось в прессе, при обсуждении проектов Конституции. Так, идеологическим обоснованием национализации банков стала

необходимость построения банковской системы, работающей с соблюдением норм шариата.

В Конституции Ирана, принятой в декабре 1979 г. было закреплено такое видение собственности, которое предполагало эффективное функционирование ее различных форм. Оптимальным для исламского государства признавался приоритет за государственной и общественной собственностью («омуми»). По статье 44 Конституции к общественной собственности были отнесены крупная промышленность, основные отрасли промышленности, внешняя торговля, крупные горнорудные предприятия, банковское дело, страхование, энергетика, плотины и крупные водопроводы, радио и телевидение, почта, телеграф и телефон, авиация, судоходство, дороги, в частности железные и т. п. Все это в виде общественной собственности находится в ведении государства. Таким расширением традиционного в исламе понятия общественной собственности Конституция законодательно закрепила проведенную в 1979г. национализацию.

Отнесение Конституцией к государственному сектору важнейших отраслей экономики отчетливо свидетельствовало о стремлении духовенства сосредоточить в своих руках значительный экономический потенциал, обосновывая это исламскими принципами, и о том, что приоритет, по крайней мере, в первые годы после революции, отдавался государственному сектору.

Однако Конституция законодательно закрепила и право частной собственности (ст. 47). Именно частный и кооперативный сектор вместе с государственным признавались основой экономической системы (ст. 44). "Каждый является собственником того, что получено за счет его законного труда" (ст.46). Нужно отметить, что в конце жизни в своем Завещании Хомейни вновь возвращается к теме «ислам и собственность», акцентируя внимание на том, что "ислам проявляет умеренность в подходе к собственности, уважает ее только в том случае, если она проявляется честно и законно. Тогда экономика станет здоровой, и будет осуществляться социальная справедливость, без чего невозможно ни одно здоровое общество». Вместе с тем он предостерегал против тех, кто «ссылаясь на аяты из Корана или изречения из «Нахдже-оль-Балаге», придерживаются учения об обобществлении, поддерживают неверных, диктатуру и атмосферу притеснения, когда игнорируются человеческие ценности, и партия меньшинства обращается с народными массами как со стадом скота».²¹⁰

Для предотвращения монопольных тенденций, которые привели к краху экономику в конце 70-х годов, новая Конституция ставила задачу, сделать так, чтобы экономика не должна была "привести к сосредоточению богатства в руках отдельных лиц или групп,

либо к превращению государства в крупного и единственного предпринимателя” (ст.43,п.2). Именно этот принцип станет впоследствии конституционным обоснованием перехода к либерализации и приватизации крупных государственных компаний.

Конституция ставила в качестве экономической цели “предотвращение иностранного экономического господства над экономикой страны”(ст.43,п.8). Запрещение монополизма при конституционно определенном сильном секторе теоретически означало следование принципам “смешанной экономики”, в которой, в отличие от шахской модели, государственный сектор действовал в интересах исключительно отечественного и немонополизированного частного и кооперативного секторов экономики.

Однако не меньшее, чем Конституция, значение для формирования экономической политики имело принятие в 1981г. экономической программы Партии исламской республики (ПИР). Как упоминалось выше, она была создана по инициативе Хомейни сразу же после революции для завоевания духовенством политической власти. Все группировки духовенства, взгляды которых не были одинаковыми, в том числе и на исламскую экономику, были объединены в единую партию, и ее экономическая программа, представляла собой экономическую концепцию духовенства в целом. В этой концепции довольно сильно было заметно влияние раннеисламских воззрений. В частности в ней говорилось, что « исламское общество обязано устранить почву для эксплуатации», а « частная собственность на средства производства создает благоприятные условия для эксплуатации и угнетения людей, вынужденных продавать свой труд или продукты своего труда». ²¹¹ Так как «собственность лиц или компаний на средства производства является основой для возникновения неравенства, то для предотвращения этого следует принять действенные меры». Конечно, многими эти пункты программы расценивались как обоснование дальнейшей национализации, тем более что в качестве этих «действенных мер» программа ссылалась на ст.44 Конституции, которая говорила о функционировании исламской экономики в рамках трех секторов. Духовенство отчетливо выразило негативное отношение к крупной собственности в частном секторе, ограничив его деятельность мелким производством. «Практическая структура экономики... должна быть построена таким образом, чтобы в ней имелись лишь небольшие частные предприятия, управляемые одним человеком или группой лиц в виде шеркета. Работниками таких предприятий являются либо независимые трудящиеся, либо сами владельцы капитала.» Наиболее жесткие границы для деятельности частного сектора программа духовенства предусматривала для добывающих отраслей промышленности. Поскольку природные богатства принадлежат всей умме, «никто не имеет права

использовать труд наемного работника для сбора даров природы. Это относится к рыболовству, добыче нефти, газа и других полезных ископаемых, но не в тех случаях, когда работодателем является государство». Несомненно, под влиянием этой программы после долгих дебатов в меджлисе и в Наблюдательном Совете был принят Закон 1982г., который передавал в руки государства крупные месторождения, шахты и рудники.

Но уже в 1984г. Министерство шахт и рудников внесло первые изменения в этот закон, которые разрешили передачу части бездействующих горнорудных предприятий, не относящихся к «базовым», частному сектору. В 1985 г. был принят новый закон, расширивший права частного сектора, после чего число негосударственных горнодобывающих предприятий стало увеличиваться, но главным образом за счет создания смешанных компаний.

Нужно отметить, что даже в первые годы после революции в иранском духовенстве не было единой точки зрения на приоритетность разных видов собственности. Особенно уязвимым было обоснование форм собственности исламскими принципами. По этой причине не был принят ни один из законопроектов- о границах государственной и частной собственности, о кооперативной собственности, представленных в меджлис. Конституционные принципы не получили специального законодательного толкования.

Меньшие разногласия были в отношении иностранной собственности. В своих многочисленных заявлениях после революции религиозные деятели подчеркивали, что исламская революция покончила с засильем империализма и иностранных компаний. Такого рода высказывания способствовали росту их политического авторитета, так как в гласах широких слоев общества именно иностранные компании и банки являлись олицетворением эксплуатации Ирана со стороны стран Запада и причиной низкого уровня жизни иранского населения. В 1979г. было аннулировано соглашение с МНК (Международным Нефтяным Консорциумом), в руках которого находилась практически вся добыча и экспорт нефти, и все права на добычу и реализацию нефти были переданы государственной Иранской Национальной Нефтяной Компании, страна отказалась от участия в зарубежных компаниях, прекратились поставки газа в СССР, был провозглашен курс на резкое ограничение связей с развитыми странами. Лозунг «Ни Запад, ни Восток, а ислам», так же как и идея экспорта исламской революции, в первое десятилетие существования Исламской республики стал основополагающим в ее отношениях с мировым сообществом. Конечно, постепенно правительство, подталкиваемое объективными потребностями иранской экономики, стало отходить от автаркического курса, тем не менее, экономика страны успела за 80-е годы приобрести отчетливо выраженный закрытый характер.

Государственный сектор в результате национализации стал монополистом в большинстве отраслей народного хозяйства.

Помимо нефтяной практически полностью государственной стала цементная и автомобильная промышленность страны, а также большинство предприятий электротехнической промышленности. Национализированные предприятия металлургической промышленности вошли в состав мощной и до революции Металлургической компании, а нефтехимические – в состав Государственной нефтехимической компании. Даже традиционные отрасли - пищевая, текстильная и обувная, где наиболее активно действовал частный капитал, оказались в основном в составе государственного сектора.

Начавшаяся в 1980г. восьмилетняя война с Ираком усилила тенденцию к сосредоточению всех экономических рычагов в руках государственного сектора. Созданная жестко централизованная модель стала ассоциироваться с исламской экономической моделью. Апогеем государственного вмешательства в экономику можно назвать вторую половину 80-х годов, когда доля государства в ВВП превысила 60%.²¹²

Иранское духовенство во многом определяло свое отношение к категории собственности, исходя из прагматических задач. Когда вопрос о возможности передачи государственных предприятий был впервые поставлен еще в 1984-1985г., командующий Корпусом стражей исламской революции (КСИР-- Islamic Revolutionary Guards Corps) Мохсен Рафикдуст (впоследствии, до сентября 1999г. глава «Фонда обездоленных») сказал, что «если в какой-либо день приватизация будет хороша для общества и для ислама, мы поддержим ее. А если однажды лучше станет государственная собственность, то мы поддержим ее».²¹³

Формой собственности, имеющей непосредственное отношение к духовенству, является вакфная. В прошлом в собственность вакфов традиционно передавались, главным образом, земли, а также другая недвижимость. Экономическая деятельность вакфов в определенной мере была фактором, структурирующим шиитское духовенство Ирана и консолидирующим его корпоративные интересы. В период правления династии Пехлеви собственность вакфов была сильно урезана. В результате аграрной реформы, проведенной в рамках «белой революции» в 1960-70х.г.г. земли большинства вакфов были переданы крестьянам, что стало одной из главных причин роста оппозиционных настроений иранского духовенства. После исламской революции вакфы оказались под покровительством режима и стали органической частью исламской системы. Крупнейший вакф страны с центром в Мешхеде - «Астане Кодс Разави». Религиозным центром вакфа является гробница имам Резы. Он основан в ХУ1 веке и включает в себя сотни тысяч га

вакфных земель, пожертвованных в течение нескольких столетий. По размерам собственности, движимого и недвижимого имущества этот вакф является одним из крупнейших в мире, имея более 60 предприятий, фирм, различных центров. Деятельность вакфа в условиях исламского правления, по признанию его руководства, «в экономической, промышленной, строительной, культурной и служебной сферах, по сравнению с длительной прошлой историей, является беспрецедентной»²¹⁴. Попечитель вакфа ходжат-оль-эслам Аббас Ваэз Табаси является членом одного из высших органов власти- Ассамблеи по целесообразности.²¹⁵

Однако несмотря на то, что вакфная собственность должна быть приоритетна для исламского государства, в Иране не был отменен закон 1965г.о втором этапе аграрной реформы, согласно которому земли общественных вакфов (омуми) отдавались в аренду обрабатывающим их крестьянам на 99 лет, а земли частных вакфов (хосуси)- на 30 лет. Не только в последние годы шахского режима при проведении сельскохозяйственных переписей эти земли стали включаться в категорию частной собственности крестьян, но и в исламский период. После 1995г. никаких изменений в статусе земель бывших частных вакфов не произошло.

Особое место в категории исламской собственности и в экономической структуре Ирана заняли исламские фонды (боньяды). Они были созданы после исламской революции и могут быть определены как современная форма традиционных вакфов, промежуточная форма между вакфами и западными благотворительными фондами.

Если в основе собственности вакфов лежала, главным образом, земельная собственность, то боньяды стали концентрировать более значимую в наше время собственность- финансово-промышленную. Первым из исламских фондов был образован Фонд обездоленных (Боньяде мостазефин), ставший крупнейшим в Иране. В 1980г. его создание было узаконено меджлисом.

Фонд обездоленных был создан на базе конфискованной собственности Фонда Пехлеви; впоследствии ему были переданы и другие национализированные предприятия, либо акции компаний, следом возник еще ряд фондов. Духовенство сразу стало, помимо государства, крупнейшим предпринимателем страны, получив в свое распоряжение наиболее современные компании. Фонд обездоленных, обладающий капиталом в 12 млрд. долл., по некоторым оценкам, является второй после Иранской Национальной Нефтяной Компании крупнейшей компанией страны²¹⁶. В стране активно действуют такие крупные исламские фонды как Комитет помощи имама Хомейни, Фонд павших (Боньяде шахид), Фонд помощи жертвам войны (Боньяде оуре мохаджерине джанге тахмили), Фонд 15 хордада.

Большинство фондов находятся под патронажем рахбара, фактически выведены из под контроля правительственных органов, а в своей хозяйственной деятельности пользуются особым привилегированным режимом. Это касается кредитования, налогообложения, выдачи лицензий, особенно для импорта по льготному валютному курсу, налоговых льгот. За отдельными фондами стоят различные группировки духовенства. Так, Фонд обездоленных возглавляют сторонники «консервативного» крыла духовенства, а Фонд павших- сторонники нынешнего президента Ирана Мохаммада Хатами, относящиеся к реформаторскому крылу правящего духовенства.

Вскоре после революции на исламские основы была переведена кредитно-банковская система Ирана.

Согласно вступившему в силу в 1984 г. закону «о банковских операциях без риба», изданному в 1983 г. после национализации банков и их включения Конституцией в государственный сектор, все банки принадлежат государству или исламским фондам и работают на беспроцентной основе. Неоднократно предпринимались попытки изменения этого закона, причем не столько с точки зрения исламских принципов работы, сколько законодательного разрешения на создание частных банков. Принципы работы банков по текущим операциям аналогичны обычным банкам. Исламские принципы привлечения срочных инвестиционных вкладов и кредитования в виде мошарекят, мозаребе, мозаре-е, джоале и пр, достаточно адаптировались к экономическим условиям и создают трудности в основном при работе с иностранными компаниями. Форма «гард-аль-хасане», т.е. беспроцентная, используется не только для расчетных операций, но и для привлечения беспроцентных депозитов и для кредитования. Для привлечения вкладов банки могут, согласно ст. 6, выплачивать различные премии как в денежном, так и материальном выражении. Если в первые послереволюционные годы таким видом вознаграждения могла быть оплата хаджа, сейчас эти выплаты имеют, как правило, денежную форму. В качестве вознаграждения банки могут предоставлять также вкладчикам скидки или освобождение от выплат операционных вознаграждений. При выделении ссуды «гард-аль-хасане» берется небольшое вознаграждение за работу банка, для кооперативов и производственных компаний – в размере 1,5%, для отдельных лиц- 1%.²¹⁷ Помимо ссуд на продажу в рассрочку, финансирование по типу «мошарекят» является наиболее распространенной формой деятельности, при которой банк получает прибыль не в виде процента, а за участие в совместных инвестиционных проектах. Сделки по типу «мозараба» или «модараба» предусматривает прямое или косвенное участие банка в торговых сделках, либо в производстве. Аналогичные операции в садоводстве называются «мосагат», в земледелии-«мозарее». При «мозарабе» банк лишь предоставляет кредит, а

клиент организует производство. Прибыль делится, исходя из соотношения «капитал-труд». Для импортных операций сотрудничество банков с частным сектором на условиях «мозарабе» запрещено.²¹⁸

Участие в операциях по типу «мошарекат» означает для банка не только кредитование, но и прямое инвестирование, и предприятия, в которые банки инвестируют средства, попадают под действие Коммерческого кодекса и рассматриваются как один из видов компаний (шеркетов).²¹⁹

Закон о банковских операциях без рибя закрепил проведенную в июне 1979 г. национализацию всех иностранных и частных банков и передачу их в руки государства. Такой законодательный запрет на деятельность частных банков, совмещенный с переводом банков на исламские принципы работы, на долгие годы стал рассматриваться также как соответствующий исламским нормам. После национализации банковская система была реорганизована, за счет слияния банки были укрупнены. Более двух десятков коммерческих банков были преобразованы в 8: Национальный банк(Мелли), Экспортный банк(Садерат), Банк благоустройства рабочих(Рефах), Банк военных(Сепак), Торговый банк(Таджерат), Народный банк(Меллят), банк внешней торговли(таджерате хареджи), банк Исламская экономическая организация.

Хотя одной из главных целей перевода банковской системы на исламские принципы являлось максимальное привлечение денежных средств населения на производственные нужды, эту задачу нельзя считать выполненной. Исламские принципы работы банков не привели к мобилизации капитала, способного обеспечить активизацию предпринимательской деятельности. Исламские нормы затрудняют также сотрудничество с иностранными банками и инвестиционными компаниями. Уже с начала перевода банков на исламские принципы деятельности возникла условность полной исламизации банковской системы. Отделения иранских банков за рубежом, называясь исламскими, финансирование внешней торговли, получение и выплату процентных платежей продолжали осуществлять в традиционной форме.²²⁰

Религиозные налоги в Иране после исламской революции не были введены в систему налогового законодательства, их уплата не освобождает от уплаты налогов в соответствии с действующим законодательством. Религиозные налоги –«закят» (благотворительные пожертвования) и «хумс»(у шиитов -доля имама, составляющая одну пятую дохода), вносятся либо в мечети, либо тому из богословов, которого верующий избирает своим моджахедом, либо в один из исламских фондов. «Закят» часто вносится в виде продуктов, одежды для нуждающихся в больницы, медресе и т.п. Следует отметить, что кажущаяся «неофициальность» религиозных налогов вовсе не является

показателем незначительности их объемов, тем более в сопоставлении с весьма невысокой в Иране планкой налогового бремени.

Именно эта невысокая планка во многом обеспечивала в первые послереволюционные годы (и обеспечивает сейчас) «мирное сосуществование» религиозных налогов и светского налогообложения. Попытки усилить налоговое бремя нередко приводили к дискуссиям о целесообразности сохранения светского налогового законодательства в условиях исламской государственности. Весьма острой, например, была такая дискуссия в конце 1984г.- начале 1985г., в разгар ирано-иракской войны, когда требовались средства на ведение войны, стали падать цены на нефть, а уровень собираемости налогов не превышал 30% предусмотренного бюджетом объема. Предложенный правительством Мусави проект налогового закона об увеличении ставки налогов на богатые слои населения, на крупную земельную и иную собственность вызвал сильную оппозицию в меджлисе. В процессе дебатов высказывалось мнение, что вся действующая в стране налоговая система – неисламская, а приоритет в Иране как исламском государстве должен быть за исламскими налогами. Широкий резонанс получило заявление аятоллы Гольпаегани, который выразил недовольство, что уплата налогов государству стала все больше рассматриваться населением как альтернатива уплате исламских налогов, что люди «как только могут» вынуждены платить государству и больше не могут вносить религиозные налоги.

Экономика находилась в этот период в кризисном положении. Несмотря на регулируемые цены, реальные доходы населения падали, двойное налогообложение – религиозное и государству оказалось тяжелым бременем для большинства населения страны. Так как поступления духовенству, видимо, стали сокращаться, его представители и стали выступать с заявлениями о приоритетности религиозных налогов. В этой связи симптоматичной представляется позиция ходжат-оль-ислама Акбара Хашеми Рафсанджани,²²¹ который в то время был председателем меджлиса, и который, в первую очередь, исходил из насущных интересов государства, а, следовательно, политических интересов духовенства в целом. Он согласился с тем, что уплата исламских налогов необходима, но «наш законопроект является более важным». К противникам правительственного законопроекта он обратился с риторическими вопросами: «Кто должен платить налоги? Что нам делать? Прекратить войну, закрыть школы, университеты? Если не платить налоги- значит и сделать все это».²²² Правительственная политика была поддержана тогдашним президентом страны Али Хаменеи.²²³ Однако закон был одобрен только тогда, когда о его поддержке заявил Хомейни.

В 80-е годы в основном завершилось формирование экономической модели развития, начатой еще правительством Базаргана. К этому времени, после ухода с политической арены Банисадра, название «тоухидная экономика» перестало использоваться, ему на смену пришло другое - «исламская экономика». Изменилось не только название, но и содержание понятия, так как экономическая практика вносила свои коррективы в абстрактные представления об экономическом строе исламского общества. Основные направления экономической политики 80-х годов складывались преимущественно в условиях военного времени (1980 – 1988 гг.).

Одной из главных составляющих исламской экономической модели стало усиление производственной и регулирующей роли государства, при этом акцент делался не только и не столько на чисто экономических компонентах, сколько на концептуальных, организационных, психологических.²²⁴ Шахский режим также пытался использовать принципы институционализма, но в большей степени руководствовался теориями «большого скачка», стремлением добиться высоких темпов экономического роста, который не всегда сопровождается адекватным экономическим развитием.

В основе экономической модели исламского режима лежали, как и раньше, принципы «смешанной экономики», но с моделью шахского периода их роднила лишь преимущественная ориентация на государственный сектор. В результате проведенной национализации госсектор значительно повысил свою значимость в экономическом развитии страны. Как и в прежней модели развития, огромную роль играло государственное регулирование, которое не только не ослабло, а, наоборот, стало приобретать характер прямого вмешательства государства в систему рыночных отношений.

Одной из главных составляющих шахской экономической модели было активное привлечение иностранного капитала - в тот период в промышленности и сфере услуг Ирана фактически не было ни одного современного предприятия, созданного без его участия. Исламская власть запретила регистрацию иностранных компаний, использование иностранного капитала и иностранных специалистов. Широко распространялись заявления о том, что страна не должна прибегать к внешним займам, участвовать в деятельности иностранных компаний. Однако уже в первые годы режим на практике поступал исходя не столько из идеологических установок, сколько из практической необходимости. В 1984г. велись неофициальные переговоры о предоставлении займов на сумму около 1 млрд.долл. от японских банков. В марте 1984г. меджлис одобрил законопроект об увеличении иранской квоты в МБРР, что безусловно свидетельствовало о стремлении Ирана возобновить отношения с этим крупнейшим международным банком.

Прагматичным оказался и подход к иранским зарубежным инвестициям. Наиболее крупные из них - в немецких концернах «Фридрих Крупп» и «Дейче Бэбкок». В начале 80-х годов в Совет Управляющих концерна «Фридрих Крупп» вошел глава ЦБ Ирана М.Нурбахш, который заявлял, что ИРИ будет стараться как можно больше использовать опыт и технологию этого концерна. Иранская Национальная нефтяная компания, несмотря на то, что в 1979г. объявила об ликвидации и распродаже своих дореволюционных инвестиций за рубежом, не только сохранила их, но и увеличила. Так, в 1983г. был увеличен иранский капитал в двух индийских государственных компаниях: «Madrass Refineries» и «Madrass Fertiliser» с 6,7 млн.долл. до 20 млн.долл, подняв свою долю участия с 13,5% до 24,5%. Не ликвидировал Иран свои капиталовложения в Южной Корею, ЮАР.

Произошла переориентация государственных приоритетов внутри частного сектора – с крупного современного производства на мелкое, включая традиционное, что обосновывалось исламскими принципами содействия «обездоленным».

В Иране после революции была создана довольно эффективная система социальной защиты. Большую помощь получали (и продолжают получать) беднейшие слои населения, а также семьи шахидов и военнопленных от исламских фондов и мечетей. Если при получении помощи через мечети финансовой основой являются, главным образом, религиозные налоги, то исламские фонды получают средства в результате функционирования принадлежащей им собственности, которая составляет значительную долю промышленного, сельскохозяйственного и финансового потенциала страны. Такая социальная политика ассоциируется у населения с исламскими принципами, с традиционными для иранского общества способами поддержки населения, способствует поддержанию равновесия в обществе.

Однако несмотря на меры по развитию мелкого предпринимательства и кооперативов, социальную поддержку и дотации на поддержание цен, жизненный уровень населения падал. Значительные средства отвлекались на войну, разрушены были важнейшие промышленные объекты. Не менее негативным был и слом созданной в 60-70гг. экономической структуры. Уровня валового продукта 1976/77 г., измеренного в постоянных ценах, удалось достичь лишь к 1991/92 г.

В кризисном состоянии оказались, прежде всего, производственные отрасли - промышленность, энергетика, транспорт, находившиеся преимущественно в руках государства. Большинство государственных предприятий были убыточными, а именно государственные предприятия являлись наиболее крупными производствами.

Если крупных и полностью государственных предприятий (без смешанных) накануне революции было 130, то в 1979/80 г. - уже 294. В результате дальнейшей национализации и ввода в строй новых государственных предприятий, количество предприятий обрабатывающей промышленности в госсекторе увеличивалось: в 1980/81 г. - 409, в 1981/82 г. - 662, в 1983/84 г. - 954, в 1986/87 г. - 900.²²⁵

Практически полностью государственной стала цементная и автомобильная промышленность страны, а также большинство предприятий электротехнической промышленности. Национализированные предприятия металлургической промышленности вошли в состав мощной и до революции Металлургической компании, а нефтехимические – в состав Государственной нефтехимической компании. Даже традиционные отрасли - пищевая, текстильная и обувная, - где наиболее активно действовал частный капитал, оказались в основном в составе государственного сектора. Убыточными предприятия госсектора были почти на всем протяжении 80-х годов.

Чтобы развязать частную инициативу и снизить бремя бюджетных расходов на поддержание убыточных государственных предприятий, уже в 1984 г. было принято решение о возможности возврата частным владельцам ранее национализированных объектов. Частные владельцы получили право вернуть свою собственность через суд.²²⁶

Как уже отмечалось, наибольшее внимание государство уделяло мелкому производству. Если накануне революции число мелких предприятий обрабатывающей промышленности составляло 163,8 тысяч, то к 1987/88 г. оно увеличилось до 327,7 тысяч, или до 96,6% общего количества промышленных предприятий.²²⁷

Но даже с учетом мелкого производства в 80-е годы доля частного сектора в промышленных отраслях не поднималась выше 30%.²²⁸

Государственный сектор оставался лидером в промышленном производстве – нефтяной, горнодобывающей (без нефти), обрабатывающей промышленности, на транспорте и в энергетике. В горнодобывающую промышленность частный сектор стал фактически допускаться только после 1985 г. После закона 1985 г., расширившего права частного сектора, число негосударственных горнодобывающих предприятий стало увеличиваться, но главным образом за счет создания смешанных компаний.

Вмешательство государства в ценообразование было таким сильным, что фактически «сломало» внутренний рынок, как потребительский, так и производственный. Последний практически целиком представлял собой не продажу, а распределение импортных поставок оборудования и полуфабрикатов, необходимых для производства. Вмешательство государства во внешнеэкономическую деятельность и внутренний рынок было в отдельные периоды настолько сильным, что термин «регулирование» мало

подходит для характеристики этого явления, напомилавшего больше советскую систему распределения.²²⁹ Утвержденный ИРС-ом в 1980 г. Закон об организации Центров по заготовке и распределению товаров создал юридическую основу для усиления контроля государства над товарными потоками и ценами. Согласно этому закону, были образованы Центры по отраслевому принципу, которые осуществляли ввоз товаров, устанавливали продажные цены для внутреннего рынка, распределяли товары через кооперативы и синфы (аснафы).²³⁰ Созданная с помощью Торговых центров бюрократическая система распределения, соединившая внутренние и внешние товарные потоки, позволила государству не только устанавливать предельные цены и номенклатуру товаров с фиксированными ценами, но и осуществлять контроль над соблюдением цен. С помощью Центров к 1985 г. была образована жестко централизованная и строго контролируемая внешнеторговая система. Через них контролировалось 30% частного импорта и 100% государственного. Кроме того, Министерство торговли контролировало продажу товаров по фиксированным ценам через собственные магазины, кооперативы и специальные муниципальные магазины.²³¹

Из-за нехватки в стране валютных ресурсов главной целью централизации внешнеторговой деятельности являлся контроль над импортными операциями. Тенденция к ограничению списка разрешенных к импорту товаров, к сокращению импортных квот прослеживалась вплоть до конца 1988 г. И только после прекращения военных действий контроль над внешнеторговыми операциями стал смягчаться. Созданный в конце 1988 г. Высший Совет по выработке политики восстановления страны в послевоенный период, наделенный Хомейни большими полномочиями, разрешил, начиная с 1989 г., свободный ввоз ряда товаров.

Именно благодаря овладению внешнеторговыми связями государство получило возможность более активно вмешиваться в процессы ценообразования. Перечень товаров, на которые государство стало устанавливать фиксированные цены, с каждым годом расширялся. Была введена система купонов или карточек, распределяемых через мечети. К 1987 г. контролировались цены на 5 тыс. товаров. Таким образом, степень огосударствления рынка в это время была значительно выше, чем в последние годы шахского режима.²³² В середине 1987 г. началась инициированная правительством шумная кампания по ужесточению государственного контроля над соблюдением устанавливаемых цен, усилению репрессивных мер против взяточничества и спекуляции. Правительство Мусави разрабатывало законопроект о введении ценового контроля на 12 тыс. товаров.²³³

Поддержание цен требовало роста государственных дотаций, что увеличивало дефицит государственного бюджета, неизбежно вело к инфляции, не только фактически «съедавшей» выгоды, которые имело население от поддержания сравнительно низких цен, но и препятствовавшей инвестиционному процессу.

Разрастался «теневой» рынок, увеличивался нелегальный экспорт, стали раздаваться голоса о необходимости снижения нагрузки на бюджет в виде расходов на субсидии.²³⁴

В период с 1986 по 1988 гг. государственное вмешательство в экономику достигло высшей точки. Госсектор обеспечивал в 1982 – 1987 гг. более четверти доходов всех городских семей страны, а его роль в оплате наемных работников определялась величиной в 69,2%.²³⁵ Из общего числа занятых в 11 млн. чел. (включая сельское хозяйство) в государственном секторе было занято 3,5 млн., или 31,4%. Среди лиц, занятых по найму, доля работающих в госсекторе была еще выше.

Чрезвычайно высоким оставался к 1986/87 г. удельный вес государственных капиталовложений - 43,8%.²³⁶ Доля государства в ВВП составляла в 1978/79 г. 84,0%, в 1979/80 г. - 80,5%, в 1980/81 г. - 77,9%, в 1981/82 г. - 76,9%, в 1982/83 г. - 81,9%, в 1985/86 г. - 57,7%, 1986/87 г. - 62,3%.²³⁷ Обобщенный показатель участия государственного сектора в экономике, исчисленный за 1986/87 г. как средняя арифметическая от его доли в расходах, капиталовложениях и общем числе занятых, составил 31,2%.²³⁸

Негативным последствием прямого вмешательства государства в процессы торговли и ценообразования стало появление в 80-х гг. трех почти самостоятельных рынков – регулируемого, коммерческого и теневого, в основе которого лежало не просто нарушение организационной структуры торговли, а разный курс риала. Стремление государства путем фиксированного курса риала, а затем введения плавающего курса, понизить темпы инфляции, увеличить не-нефтяной экспорт в условиях падения промышленного производства и сокращения импорта промышленных полуфабрикатов ускорило расширение теневого рынка. Инфляция быстро росла. Конечно, регулирование цен снижало ее уровень, например, по официальным данным, инфляция в 1986/87 г. составляла 21%, однако ее реальный уровень, с учетом цен на «черном» рынке, достиг в этом году 47%.²³⁹

К факторам, осложнявшим ситуацию в стране, добавился демографический, т. к. темпы прироста населения в 80-е гг. превысили 3%-й уровень. С 1976 г. по 1986 г. население страны увеличилось на 16 млн. чел., что в условиях стагнации промышленного производства приводило к росту безработицы, в особенности скрытой. Уровень только

официально зарегистрированных безработных в 1986 г. составил 14,2% от трудоспособного населения страны, в т. ч. в городах - 15,3%.²⁴⁰ После окончания войны проблема усложнилась в связи с сокращением ополчения – «басиджа», численность которого в период войны с Ираком превышала 1 млн. чел.

Экономика страны находилась в кризисном состоянии. За 9 лет, с 1980 по 1988 г. только два раза ВВП показывал положительный рост, при этом темпы прироста населения превышали 3,1%.²⁴¹

Амплитуда отклонений тренда роста валового отечественного продукта от трендов роста населения и цен была весьма значительной. Динамика валового внутреннего продукта была преимущественно отрицательной, особенно сильным было падение ВВП в 1980/81 г., так как после роспуска МНК экспорт иранской нефти (в натуральном выражении) сократился в 4 - 5 раз.²⁴² Это привело к повышению цен на нефть на мировом рынке до 32 – 37 долл. за баррель, что значительно смягчило потери Ирана от снижения экспорта в стоимостном выражении (на 61% по сравнению с 1979/80 г.). Постепенное наращивание экспорта нефти при сохранении повышательной тенденции цен на нефть позволило приостановить падение ВВП в 1982/83 г. - 1983/84 г. Инфляция в эти годы в несколько раз превышала темпы прироста ВВП.

Бюджет страны на протяжении всех этих лет был дефицитным. Уровень бюджетного дефицита (в %-тах к общей сумме расходов) превышал в первой половине 80-х годов 20%, а в 1986-1988 г. достигал почти 50%.²⁴³

Хронический бюджетный дефицит заставлял прибегать к дополнительной эмиссии, которая стала широко использоваться еще Временным правительством, раскручивая спираль инфляции. Особенно сложным оказалось финансовое положение к концу войны, когда цены на нефть снизились, развернулась «танкерная» война в Персидском заливе, поступления в бюджет от продажи нефти сократились и бюджетный дефицит в 1988/89 г. превысил 51%. Конечно, в военные годы бюджетный дефицит не может служить критерием эффективности экономической политики, тем не менее, он еще раз продемонстрировал исключительную зависимость экономики Ирана от нефтяных поступлений и то, что иных, хоть сколько-нибудь равносильных, источников доходов режим не смог найти. Правда, следует отметить, что даже в этот, наиболее тяжелый в экономическом отношении, период наибольшая часть бюджетных расходов (46,9%) была предназначена на социальное развитие; расходы на экономическое развитие составили 23,8%, а расходы на оборону - всего 17,4%. Внутренний долг в 1986 – 1988 гг. достиг 59,5% к ВВП, в том числе долг государственных компаний - 4,7% к ВВП, а темпы роста розничных цен - 26,8%²⁴⁴.

Платежный баланс, кроме 1982 г. и 1983 г., когда были высокими цены на нефть, до 1989 г. был также дефицитным. Приток капитала – и в виде прямых, и в виде портфельных инвестиций - полностью отсутствовал.²⁴⁵

Повышение эффективности экономики, которая до этого была способна обеспечивать лишь минимальные потребности населения, из экономической проблемы стало превращаться в политическую, так как от этого в значительной мере зависело сохранение режима.

Окончание войны с Ираком актуализировало необходимость внесения корректив в экономическую политику. Снижение экономического потенциала страны и резкое уменьшение жизненного уровня населения ставило под сомнение легитимность исламского режима. В течение всего 1988 г. шли дискуссии о будущем иранской экономики, которые нашли свое отражение в принятии Первого пятилетнего плана социально-экономического и культурного развития (1989/90 - 1993/94 гг.). Хомейни признал необходимость изменения экономического курса, и поэтому сторонники новой экономической политики при утверждении плана в меджлисе апеллировали к его имени (план был принят в начале 1990 г., уже после смерти Хомейни).

Опыт экономического развития страны за первое послереволюционное десятилетие продемонстрировал правящим кругам, что всемерное расширение госсектора, усиление государственного «дирижирования» экономикой, ограничение связей с мировым рынком не стали условиями для саморазвития экономики на базе «здоровой конкуренции» трех секторов. Оказалось, что степень зависимости иранской экономики от нефти и мирового рынка достигла к концу 70-х годов такого уровня, что резкий разрыв связей с ним угрожал ей не просто сбоями в росте, но и стагнацией почти всех отраслей. Иранская промышленность, во всяком случае, при том наборе отраслей, который был создан к началу 70-х годов, могла нормально функционировать только в рамках мировой производственной системы. Более того, пока иранская экономика пыталась выйти из-под влияния этой системы, и особенно ТНК, последние стали внедрять в другие страны более высокие технологии, и ряд иранских отраслей потерял свою значимость с точки зрения современного спроса.

Масса привнесенных в страну в период шахского режима элементов модернизации экономической системы оказалась недостаточной для того, чтобы сделать эволюцию восточного общества поступательной, по образцу развитых стран. Но и попытки новой власти использовать для развития экономики преимущественно исламские принципы

(результатом которых стало усиление государственного вмешательства) не внесли принципиально нового в выработку экономической стратегии.

Не изменяя идеологического обоснования функции экономики в исламском обществе, руководство Ирана внесло значительные коррективы в свою экономическую политику. Новый экономический курс связан с Али Акбаром Хашеми Рафсанджани, который после смерти Хомейни (4 июня 1989 г.) был избран президентом Ирана, предварительно инициировав принятие новых статей Конституции, упраздняющих пост премьер-министра и усиливающих исполнительную власть президента. Али Акбар Хашеми Рафсанджани выступил с новой экономической программой, многие из положений которой содержались в Первом плане социально-экономического и культурного развития на 1989/90-1994/95 гг.. Режим пошел на привлечение иностранного капитала, приватизацию государственной собственности, отказ от вмешательства в ценообразование, расширение контактов с развитыми мировыми державами, что еще недавно казалось совершенно недопустимым для исламского строя.

Отчетливо стали проявляться изменения в национальной и культурной политике. В Первом пятилетнем плане большое внимание уделялось повышению культурного уровня населения, оснащению школ и вузов новейшим оборудованием, особенно компьютеризации. Изменилась и демографическая политика - столкнувшись в 80-е годы с неуправляемым ростом населения, вызванным введением запрета на ограничение рождаемости, правительство вынуждено было вернуться к политике ее регулирования. Заметно стало меняться и отношение к участию женщин в общественной жизни и трудовой деятельности. А либерализация импорта вновь ввела в повседневную жизнь иранцев многие из предметов и поведенческих стереотипов европейского быта. Главными направлениями нового курса правительства Рафсанджани стали либерализация цен, внешнеторгового регулирования, использование иностранного капитала, приватизация, создание свободных экономических зон.

В целом Первый пятилетний план представлял собой продуманную систему довольно подробно прописанных мер для вывода экономики страны из кризиса и обеспечения условий для ее дальнейшего развития. План носил директивный характер, и ежегодно принимаемые меджлисом бюджеты должны были, согласно Закону о плане, соответствовать одной пятой утвержденных им ассигнований. В качестве основных целей были определены: реконструкция оборонной промышленности, восстановление и модернизация всей промышленности, инфраструктуры, повышение ежегодных темпов экономического роста до 8,2%, изменение структуры потребления и достижение самообеспеченности стратегическими продовольственными товарами.

Согласование плана в правительстве, меджлисе и Наблюдательном Совете проходило в обстановке ожесточенной политической борьбы, текст его подвергся значительным изменениям, неоднократно отправлялся Наблюдательным Советом в меджлис на переработку, сроки принятия его затягивались. Рафсанджани прибегнул к поэтапному принятию плана и к популистской риторике в преамбуле о его целях. Важнее всего для него было добиться согласия на использование иностранного капитала, ослабление контроля над ценами и на начало приватизационного процесса. Особенно болезненным для меджлиса и Наблюдательного Совета стало принятие статьи о привлечении иностранных кредитов.

Правительство Рафсанджани отчетливо осознавало, что восстановление разрушенного войной потенциала, особенно нефтяных терминалов и нефтеперерабатывающих заводов, нереально без использования иностранных кредитов. Вначале оно подготовило план восстановления разрушенных и строительства новых объектов. Меджлис одобрил его, но признать необходимость использования иностранных кредитов согласился только тогда, когда ассигнования на эти цели значительно превысили собственные валютные средства. Общая потребность в валюте для осуществления намеченных программ была определена в 120 млрд. долл. (ст. 29 плана), которые, согласно плану, покрывались за счет экспорта нефти в сумме 83 млрд. долл., за счет не-нефтяного экспорта – 17,8 млрд. долл. (что было абсолютно не реальным, так как в это время ежегодный не-нефтяной экспорт едва мог превысить 1 млрд. долл.), и 27,4 млрд. долл. было разрешено получить из внешних источников.

Решение, казалось бы, противоречило конституционному принципу, но выход был найден путем использование иностранных кредитов только в форме «бай-бэк», которая не ведет к образованию собственности в руках иностранных компаний. План предусматривал также создание свободных экономических зон, где иностранным и отечественным компаниям предоставлялся льготный режим деятельности.

В финансовой области ставилась цель стабилизировать обменный курс национальной валюты, сократив множественность действующих курсов, уменьшить инфляцию путем постепенного сокращения бюджетного дефицита и административно-государственных расходов, снизить убыточность государственного сектора, в том числе и путем передачи ряда предприятий частному сектору.

В качестве одной из главных была поставлена задача увеличения не-нефтяного экспорта, для чего облегчалось ведение внешнеторговой деятельности и контроль над ценами.

Новая экономическая политика (отказ от диктата в ценообразовании, во внешнеэкономической деятельности, а также приватизация) противоречила тому стереотипу об исламской экономике, который сложился как в самом Иране, так и за его пределами. Переход к рыночным основам стал расцениваться как поиск собственного пути развития - "иранского капитализма" - и объяснялся такими исламскими и конституционными принципами, как необходимость оздоровления экономики для поднятия жизненного уровня населения и недопущение монополизма государства в экономической сфере. Первый пятилетний план как законодательная основа политики либерализации никаких сколько-нибудь значимых ссылок на ислам не содержал.

Правительству Рафсанджани благодаря проведению новой экономической политики удалось добиться значительных сдвигов в экономическом развитии, хотя и не все показатели Первого пятилетнего плана были выполнены.

По плану среднегодовой прирост ВВП должен был составить 8,2%, фактически же он не превысил 6,8%. Фактические показатели среднегодового прироста сельского хозяйства в 6,1% соответствовали плановым, ниже запланированных оказались темпы прироста нефтяной промышленности (9,6%, а фактически 8,6%), а также остальных отраслей промышленности (соответственно 14,3% и 8,5%).²⁴⁶ Конечно, во многом рост ВВП обеспечил государственный сектор. Прирост государственных потребительских расходов при плане 3,8% составил 10,4%. Среднегодовой прирост ВВП, взятый без нефти, оказался даже несколько выше общего показателя - 7%. Это дает нам возможность считать, что в стабилизацию и улучшение экономического положения Ирана большой вклад внесла и новая политика правительства. Особенно значительным оказался среднегодовой прирост инвестиций - 12,6%, что позволило за период действия плана увеличить норму инвестиций с 15,5% до 21,5%.²⁴⁷ Государство продолжало доминировать в инвестиционной деятельности, взяв на себя финансирование крупных нефтехимических объектов. Однако частный сектор стал более быстрыми темпами наращивать инвестиции в оборудование. Отражением активности частного сектора стал рост его расходов на потребительские товары и услуги (по плану 5,8%, фактически - 7,8%), в результате чего его доля в валовых расходах на конечное потребление товаров и услуг в 1993/94 г. составила 78,5%.²⁴⁸ Таким образом, финансирование расходов на конечное потребление более чем на две трети обеспечивалось частным сектором.

За период действия плана кардинально изменилось соотношение секторов в ВВП. Если в 1986/87 г. доля государства в ВВП составляла 62,3%, то в год завершения плана (в 1993/94 г.) преобладала доля частного сектора - 69,8%.²⁴⁹ Быстрыми темпами стало расти промышленное производство. Прирост производства только на предприятиях крупной

обрабатывающей промышленности в 1993/94 г. составил, по сравнению с 1990/91 г., 21,3%. Особенно высокие темпы роста показали такие отрасли, как химия и нефтехимия, выросшие за эти четыре года в два раза, основная металлургия - на 82%, а также пищевая промышленность - на 67,8%. Иранская статистика не дает возможности сравнить динамику промышленного производства на частных и государственных предприятиях. Представление об этой динамике можно составить благодаря данным о числе предприятий по формам собственности, причем долю частного сектора можно выявить с достаточной полнотой. В промышленных переписях введены такие формы собственности, как «частная» и «общественная» - оуми, к которой отнесены предприятия, принадлежащие исламским фондам и вакфам. Промышленные переписи содержат данные о числе крупных предприятий (с числом занятых свыше 10 человек) обрабатывающей промышленности на 1991/92 и 1995/96 гг., близкие к хронологическим рубежам осуществления Первого плана. В 1991/92 г. число предприятий, находившихся в частной собственности, составляло 4811, в общественной – 876. В 1995/96 г. частных было 11886, общественных - 1101.²⁵⁰ К сожалению, нет данных о числе занятых и объемам производства по этим двум категориям предприятий. Число предприятий общественного сектора увеличилось на 25%, а число частных выросло в 2,5 раза, что отражает изменения, произошедшие в отношении государства к частному предпринимательству.

Одной из важнейших составляющих экономической либерализации стало совершенствование законодательной базы. Именно в эти годы экономическая политика страны получила юридическую отчетливость. Помимо плана развития были приняты законы о свободных экономических зонах, о налогообложении, о внешнеэкономической деятельности.

Однако либерализация привнесла в экономическую и социальную жизнь страны новые проблемы и протекала весьма сложно. Самой тяжелой проблемой стало образование внешнего долга – с этим Иран не сталкивался уже много десятилетий. Общая сумма долга по состоянию на 1993/94 г. составила 22,7 млрд. долл., в том числе средне и долгосрочного - 15,6 млрд. долл.²⁵¹

Многие противники рыночных реформ стали расценивать появление внешнего долга как плату за новый экономический курс и пытались апеллировать к этой проблеме, аргументируя необходимость их приостановки.²⁵²

Другой не менее острой проблемой стала инфляция и падение курса риала. Если в военные годы инфляция сдерживалась путем введения фиксированных цен, то с начала 90-х годов она стала постоянным «спутником» экономического развития. Всплеск инфляции вызвала постепенная отмена контроля над ценами. Ее уровень в 1990/91 г.

составил 23,5%, в 1991/92 г. – 25,0%, в 1992/93 г. – 38,0%, в 1993/94 г. - 27%, а в 1994/95 г. вырос до 45,8%.²⁵³ Негативные последствия инфляции правительство пыталось смягчить, по существу не вмешиваясь в процессы образования цен на отечественную продукцию. Оно ввело дифференцированные пошлины на ввозимые товары, отказавшись от прямого диктата над ценами.

С 1993 г. предпринимались попытки ввести твердый курс риала, но его не удалось удержать. Не принесло позитивных результатов и введение плавающего курса, которое обычно дает хорошие результаты в странах со стабильной и предсказуемой бюджетной политикой. Падение курса риала не только ускоряло инфляцию, но и увеличивало риаловый эквивалент внешнего долга Ирана, снижало реальный рост фиксированных доходов населения.

В переходный период стало увеличиваться расслоение общества. (В 80-е годы с их относительно равномерно-низким жизненным уровнем населения режиму фактически не пришлось сталкиваться с этой проблемой.) Национальный доход на душу населения, который с 2000 долл. в конце 70-х годов снизился к началу 90-х в пять раз, начал быстро расти, а вместе с этим увеличивалась и неравномерность его распределения. Разрыв в расходах иранских семей, разбитых на 10%-ные группы, в 1993/94 г. достиг между крайними группами 15,5 раз.²⁵⁴ Чтобы не допустить социального взрыва, правительство продолжало выделять дотации на поддержание низких цен на важнейшие товары и услуги, хотя их число стало постепенно сокращаться.

Несмотря на финансовые трудности, государство в этот период не пошло на увеличение налогов с частных предпринимателей. Размеры поступлений в бюджет от подоходного налога на заработную плату и поступлений от самостоятельных работников были фактически одинаковы, а налоги, взимаемые с частных компаний, составляли лишь десятую часть бюджетных поступлений за счет продажи нефти.

Государство продолжало проводить довольно популистскую социальную политику. Сохранялась высокая социальная защищенность занятого населения, в том числе - на частных предприятиях. Увольнение рабочих сопряжено с такими трудностями, что тормозило - и до сих пор тормозит - приватизацию и внедрение трудосберегающих технологий. Осуществлялся государственный контроль над индексацией заработной платы, которая корректировалась с индексом потребительских цен.²⁵⁵

Правительство не отказалось от осуществления ряда широких программ по благоустройству деревень и малых городов: принимались действенные меры по обеспечению населения качественной питьевой водой, электричеством, проводилась телефонизация и т. п. Все это содействовало тому, что иранское общество в целом

признало необходимость проводимых реформ, уровень сопротивления реформам снизился, что способствовало их дальнейшему продвижению.

Тем не менее, принятие Второго пятилетнего плана социально-экономического развития (на 1995/96 - 1999/2000 г.), как и принятие Первого, протекало в условиях обострившейся борьбы сторонников и противников продолжения реформ, в результате чего его текст был окончательно принят лишь в конце 1994 г.

Второй план не был столь детальным, как Первый. Радикальное крыло духовенства пыталось вывести за пределы концептуальных целей плана признание необходимости приватизации, использования иностранного капитала и т. п. При этом противники реформ ссылались на ухудшение экономической ситуации Ирана в 1994 г., сопровождавшееся снижением темпов роста ВВП (до 2,2%), ростом внешнего долга, всплеском инфляции. Но Рафсанджани удалось переломить эту антилиберальную тенденцию и добиться одобрения меджлисом основных направлений, предложенных правительством. Конечно, идеологические обоснования - в виде обращений к принципам ислама - в тексте этого, как и Первого, плана присутствовали. Но они присутствовали в нем в тех пределах, которые соответствовали целям плана, нацеленного на преодоление экономической и социальной отсталости. Разработка стратегии и тактики была проведена с учетом требований, выявленных в ходе развития экономики в современный период. Одним из таких требований являлась интегрированность в мировую экономику, что диктовало необходимость углубления экономической либерализации, или по крайней мере ее сохранения на прежних позициях. Второй план законодательно закрепил тенденции развития, провозглашенные Первым планом, выделив в качестве приоритета экономическую и социальную модернизацию. В нем была поставлена цель обеспечить среднегодовой прирост ВВП в 5,1%, инвестиций – в 6,2%, частных потребительских расходов – в 4,0%, при этом предусмотрено сокращение государственных расходов на 0,9%.²⁵⁶

Однако в период осуществления Второго плана экономика страны столкнулась с проблемами, вызвавшими снижение потенциалов экономического роста. Осложнение экономической ситуации в Иране ко времени окончания Первого плана было усугублено ужесточением политики США по отношению к нему. Поводом для этого послужило заявление израильского правительства о том, что Иран находится на грани получения ядерного оружия, и решение России о поставке Ирану двух атомных реакторов. В мае 1995 года США ввели полное эмбарго на торговлю с Ираном. Оно предусматривало: запрет на покупку и продажу американскими компаниями иранской нефти, запрет на весь экспорт США в Иран, запрет на все виды инвестирования. В августе 1996 года был принят

так называемый закон д'Амато, или закон ILSA (действует до сих пор), по которому санкциям подвергаются иностранные компании, инвестирующие в нефтегазовый комплекс Ирана более 40 млн. долл. Впоследствии минимум инвестиций был снижен до 20 млн. долл. Под санкции попали: поддержка проектов таких компаний Эксимбанком США, выдача американских экспортных лицензий на товары и технологии, займы от любых американских финансовых организаций, получение американских государственных контрактов, решения стать дилером ценных американских бумаг и т. д. Осложнились и отношения с ЕС, которые с началом либерализации в Иране стали налаживаться, но были прерваны в 1996 г., когда берлинский суд признал иранское руководство, в частности - руководителя иранских спецслужб Али Фалахияна, причастным к совершенному в 1992 году в берлинском ресторане «Миконос» убийству четырех активистов иранского курдского движения. Из Тегерана были отозваны послы стран ЕС.

Правительство вернулось к усилению контроля над экономикой. Оно разработало «программу стабилизации», в рамках которой были установлены жесткие правила по квотированной продаже валюты, введен «экспортный» курс риала (3000 риалов за доллар). Это позволило к 1996 году сбалансировать бюджет, снизить темпы инфляции с 49,4% в 1995 г. до 23,2% в 1996 г.²⁵⁷

Кроме того, цены на нефть стали расти (в 1994/95 г. - 14,87 долл. за баррель, в 1995/96 г. - 16,61, в 1996/97 г. - 19,03)²⁵⁸, что оказалось решающим фактором преодоления кризиса. В середине 90-х годов экономический кризис переживает соседняя Турция, результатом чего стало укрепление на ее политической арене позиций исламской партии «Рефах». Для Ирана главными причинами кризиса стали падение цен на нефть в середине 90-х годов и также дальнейшее ужесточение позиции США в отношении Ирана, которое резко ограничило возможности притока иностранных инвестиций в экономику страны.

В период осуществления «программы стабилизации» продвижение реформ затормозилось. Одной из причин этого стала необходимость проведения, в ущерб жестким рыночным мерам, популистской политики, в значительной мере вызванная предвыборной ситуацией в Иране. Правительство Рафсанджани вынуждено было сохранить значительные бюджетные дотации на важнейшие товары - пшеницу, рис, сахар, растительное масло, медикаменты. В 1995/96 г. из бюджета на эти цели было отпущено 1,25 млрд. долл., в 1996/97 г. - 1,46 млрд. долл.²⁵⁹ Субсидии выделялись также агропромышленным комплексам, Фонду страхования сельскохозяйственных продуктов. В 1993/94 г. на эти цели из бюджета было отпущено 2,1 трилл. риалов, в 1994/95 г. - 3,7, в 1995/96 г. - 4,9, в 1996/97 г. - 6,0, в 1997/98 г. - 6,4. Большая часть этих средств была

израсходована на поддержание цен на пшеницу - соответственно 1,2, 2,1, 2,9, 3,9 и 4,4 трилл. риалов,²⁶⁰ что обеспечивало продажу дешевого хлеба на внутреннем рынке.

Второй срок пребывания Рафсанджани на посту президента подходил к концу, по Конституции он не мог быть избран более чем на два срока подряд. На состоявшихся 23 мая 1997 г. выборах президентом страны был избран Мохаммад Хатами, кандидатуру которого поддержал Рафсанджани и образованная сторонниками последнего партия «Каргозаран» («Служители созидания»).

С приходом к власти президента Мохаммада Хатами в процессе либерализации ИРИ наступил новый этап. Этот этап также называют «реформаторским движением», в отличие от «прагматического курса», проводимого правительством Рафсанджани и группой его сторонников. Термин «прагматики» связан с экономической либерализацией, термин «реформаторы» - с курсом Мохаммада Хатами на политическую либерализацию. Реформаторы ставили своей основной целью построить в Иране «гражданское общество» и реформировать существующий строй в рамках конституционного поля – либо путем нового толкования статей Конституции, либо путем её изменения. Как ни парадоксально, но немалая часть консервативного духовенства, испуганная развитием рыночных реформ, проголосовала в 1997 г. за Хатами, надеясь, что он затормозит их проведение. Приоритетным направлением для Мохаммада Хатами, ученого и философа, является создание открытого общества, провозглашение свободы слова и печати, а также внешняя политика, цель которой - наладить дружеские отношения со всеми странами. Большой международный резонанс вызвало интервью, данное Хатами корреспондентке CNN Кристиан Аманпур 7 января 1998 года, в котором он заявил о готовности вести диалог с США. Этот шаг усилил позиции президента внутри страны, а также обеспечил ему авторитет среди двухмиллионной иранской диаспоры в Америке. Установление отношений с США безусловно дало бы шанс и улучшить положение в экономике, так как способствовало бы привлечению иностранных инвестиций и углублению рыночных реформ. Хотя справедливости ради нужно сказать, что для самого Хатами улучшение отношений с Западом в первую очередь было необходимо для изменения «имиджа» Ирана, долгое время воспринимавшегося западными странами как фундаменталистский агрессивный режим.

Но уже вскоре после избрания Хатами президентом консервативное руководство стало корректировать его курс. Так, в ноябре 1998 года в своем выступлении по случаю 19-й годовщины захвата американского посольства духовный лидер ИРИ аятолла Али

Хаменеи отверг возможность официальных или неофициальных связей с США. Давление консервативного духовенства было столь сильным, что более 130 депутатов меджлиса выступили с осуждением Хатами. Президенту дали понять, кто в стране главный, и он был вынужден признать, что «Иран не нуждается в США», подтвердить преемственность его внутренней и внешней политики и незыблемость принципа «веляят-е факих», согласно которому верховная власть в государстве принадлежит духовному лидеру. Тем не менее от своего курса на либерализацию общественно-политической жизни и установление связей с мировым сообществом Хатами не отказался. Он выдвинул и теоретически обосновал принцип «диалога цивилизаций» - как альтернативу выдвинутой американским ученым С. Хантингтоном теории «Борьбы цивилизаций». Объективно оценивая сегодняшнее положение Ирана в мире, Хатами и его сторонники считают необходимым, чтобы Иран взял от Запада то, что ему необходимо. Они напрямую связывают возможность цивилизационного развития Ирана в условиях сохранения исламской по форме власти с необходимостью усвоения положительного опыта Запада. Как показала история послереволюционного Ирана, автаркизм обречен на отмирание. Экономическая открытость Ирана представляется одним из факторов, почти фатально обрекающих страну на поиски и установление приемлемого для нее диалога с внешним миром. В Иране могут перемениться государственный строй и нормы общественной морали, однако страна не в состоянии изолировать себя на сколько-нибудь длительное время, так как это грозит ей утратой способности к экономическому развитию.²⁶¹

В настоящее время экономика любой страны вынуждена руководствоваться правилами и терминами западной цивилизации, хотя они могут и расходиться с некоторыми важными традиционно-культурными представлениями отдельной страны о смысле и целях экономического развития. И курс Хатами нацелен именно на то, чтобы характер экономического развития Ирана, с одной стороны, не вступил в противоречие с национальными особенностями общества и, с другой стороны, не привел к углублению его отставания от других стран мира.

Одной из основ расширения связей с мировым сообществом является повышение степени открытости экономики, поэтому правительство Хатами не отказалось от продолжения экономических реформ, хотя первоначально, может быть, и не ставило перед собой таких целей. В этой связи следует отметить, что трансформация режима в Иране происходит не только за счет перегруппировки политических сил, но и за счет изменения взглядов внутри самого правящего духовенства и правящей технократической верхушки, к которой принадлежит и президент. Правительство Хатами продолжило курс Рафсанджани, тем более что основные направления этого курса были определены Вторым

пятилетним планом. Тем не менее, выполнение некоторых программ, особенно приватизации, замедлились. Многие из законопроектов, разрабатываемых правительством, не получали поддержки в меджлисе.

Практически сразу же после вступления Хатами на пост президента началось падение цен на нефть (с 18 долл. в 1997/98 г. до 12 долл. в 1998/99 г.). Поступления от нефти с 84,2 млрд. в 1997/98 г. сократились до 76,2 млрд. долл. в 1998/99 г.²⁶² Темпы роста ВВП замедлились, сбалансированный в 1996/97 г. бюджет вновь стал дефицитным. В 1997/98 г. дефицит составил всего 4,8% от общей суммы бюджетных расходов, но в 1998/99 г. превысил 31,0%.²⁶³

Проведение политической либерализации также стало наталкиваться на противодействие консервативных кругов. Недовольство населения замедлением экономических и политических реформ летом 1999 г. вылилось в крупнейшие со времени революции студенческие волнения, поводом для которых послужило закрытие газеты «Салам». Ориентированность общества на реформы была очевидной, и дальнейшее расширение экономической либерализации становится частью программы сторонников Хатами. Однако инициативы, сделанные правительством в этом направлении, сдерживались законодательной властью, так как большинство в меджлисе пятого созыва относилось к консервативному лагерю.

В 2000 – 2001 г. происходит дальнейшее укрепление позиций реформаторов. Они победили на выборах в шестой меджлис (февраль 2000), на президентских выборах (лето 2001) вновь был избран М.Хатами. Победа Хатами на президентских выборах 2001 г. отразила настроенность иранского общества на продолжение экономической либерализации, на взаимоотношения с мировым сообществом в духе «диалога цивилизаций», на политические реформы, на создание правового гражданского общества, повышение его толерантности. Недаром накануне выборов Организация моджахедов исламской революции, поддерживавшая Хатами, заявляла, что выборы 8 июня - это «референдум» между «реформами и открытостью» и «консерватизмом и закрытостью».²⁶⁴

В результате законотворческий процесс либерализации общества ускорился. Был принят Третий пятилетний план (на 2000/01 - 2004/05 г.), который, как и Второй, содержал минимальное число количественных показателей. Отказ от детального директивного планирования можно рассматривать как элемент политики либерализации, проводимой правительством Хатами. Количественные характеристики Третьего плана дают представление о направленности экономической политики, разработанной кабинетом Хатами и одобренной как меджлисом, так и Наблюдательным Советом. План ставит целью обеспечить среднегодовой прирост ВВП в 6,0%, а ВВП без нефти - в 6,8%.

Среднегодовой прирост инвестиций в 7,1% предполагается достичь за счет преимущественного роста частных капиталовложений - 8,5%, в то время как планируемый прирост государственных инвестиций прогнозируется на уровне 5,0%. Намечается дальнейший рост частного сектора в валовых расходах на потребительские нужды (планируемый среднегодовой прирост частных потребительских расходов - 3,5%, расходов на потребление общественного сектора - 2,5%). Уровень инфляции предполагается снизить с 19,9% в 2000/01 г. до 15,9% к 2004/05 г.²⁶⁵ Третий план развития в качестве одной из своих целей выдвинул «уменьшение вмешательства правительства в ход текущих дел» и реформирование государственного аппарата. Для реализации этой цели Планом (гл. 3) была предусмотрена передача частному сектору тех государственных компаний, сохранение которых в собственности государства не является насущно необходимым.²⁶⁶ План также определил порядок продажи акций государственных компаний и передачи управления ими частному или кооперативному сектору, условия для успешной приватизации этих компаний.²⁶⁷ Центральному банку Ирана предписывалось подготовить условия для деятельности частных банков и кредитных организаций.²⁶⁸ В конце 90-х – начале 2000-х годов было законодательно разрешено создание первых негосударственных банков, принято решение о введении единого валютного курса, одобрены поправки к закону о свободных зонах. В меджлисе стали разрабатываться новые законы о налогах, о банковской системе, об иностранных инвестициях, о разделе продукции, многие из положений которых стали носить характер, более приближенный к общемировым нормам.

Однако, победа «реформаторов» при выборах в меджлис 6 созыва(2000-2004гг.) не смогла за столь короткий срок обеспечить ощутимую трансформацию режима, и поэтому выборы в меджлис 7 созыва сторонниками реформаторов и многими зарубежными аналитиками рассматривались, как возможность ускорить процесс реформирования общества. Однако результаты выборов оказались для «реформаторов» неутешительными. Даже если принять во внимание действия Наблюдательного Совета по блокированию ряда кандидатов «реформаторского крыла» и очень низкую для Ирана явку избирателей, выборы стали своеобразным показателем потери доверия общества к возможностям сторонников Хатами изменить положение в стране.

Конечно, нельзя не учитывать и той сложной ситуации, в которой оказался Иран в результате ввода американских войск почти по всему периметру иранских границ. Этот фактор для позиций реформаторов мог бы стать и положительным, если бы за время пребывания реформаторов у власти произошла бы нормализация отношений Ирана и США. Однако администрация Буша по существу отказалась поддержать реформаторские

тенденции правительства Хатами и не пошла на смягчение санкций в отношении Ирана, несмотря на весьма взвешенную позицию иранского правительства во время военных операций США в Афганистане и Ираке. Фактически демонстративная отмена санкций ILSA против Ливии и отказ от их отмены в отношении Ирана дали повод консервативным кругам в Иране негативно оценивать внешнеполитический курс правительства Хатами, нацеленный на нормализацию отношений со всеми странами, включая США. При этом консервативные круги не столько разыгрывали «антиамериканскую карту», сколько обвиняли реформаторов в неспособности проводить эффективную внешнюю политику. Меджлис 6 созыва избирался в период кризиса. Но после 2000г. цены на нефть стали расти, что обеспечило достаточно высокие темпы роста. Положительная динамика не изменится, вероятно, до президентских выборов весной 2005г.

Как правило, высокие доходы от нефти, которые получает государство, так как нефтяная отрасль продолжает оставаться государственной монополией, снижают актуальность сокращения дотационных выплат для поддержания цен и покрытия убытков государственных компаний, поддержания высоких закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию, снижают скорость внедрения коммерческих начал в систему образования и здравоохранения. Вероятность того, что в ближайшее время эта тенденция в социально-экономической политике будет весьма заметной, чрезвычайно велика. Однако это будет связано не столько с приходом к власти консерваторов, сколько с предстоящими президентскими выборами, которые не могут не сопровождаться социально-привлекательными и даже популистскими мерами. Тем более, что конъюнктура на нефтяном рынке позволит консерваторам достаточно безболезненно для бюджета замедлить внедрение рыночных основ в социальную сферу.

Направления же экономической политики в значительной мере будут сохранены и продолжены, так как реформаторам, несмотря на противодействие консервативного Наблюдательного Совета и отсутствия фактической поддержки со стороны Совета по целесообразности, удалось не только заложить законодательные основы экономической либерализации, но и инициировать проведение принципиально важных для политики либерализации мероприятий (таких как создание негосударственных банков, приватизация предприятий исламских фондов).

Во-первых, меджлисом 6 созыва рассмотрены и одобрены основные показатели нового, Четвертого плана социально -экономического и культурного развития, которые разрабатывались правительством и меджлисом «реформаторов». Во-вторых, меджлисом «реформаторов» уже в 2002г. принят новый закон о привлечении и защите иностранных инвестиций, разрешено создание первых частных банков, что учитывалось при

составлении Четвертого пятилетнего плана и составляет одно из основных направлений экономической либерализации.

В третьих, 6-й меджлис принял решение о расходовании значительной части (6,5 млрд. долл.) из Фонда накопления, образованного за счет разницы в цене на нефть, заложенной в бюджет, и ценой на мировом рынке нефти, на цели завершения программы Третьего пятилетнего плана и на погашение внешнего долга. «Консерваторы» заинтересованы в сохранении средств Фонда, чтобы самостоятельно распорядиться ими, исходя из главной политической задачи предстоящего года - выборов нового президента. Под их давлением Наблюдательный Совет отклонил постановление меджлиса, но меджлис с этим не согласился. Вопрос о расходовании средств Фонда был передан Совету по целесообразности, который в большей степени поддержал меджлис, нежели Наблюдательный Совет, утвердив использование 5 млрд. долл. На ранее означенные цели. Такое решение гарантирует продолжение политики либерализации, проводимой правительством Хатами.

И в четвертых, и это самое главное, консервативное крыло в принципе не против продолжения политики либерализации, ставшей одним из важных направлений политики «реформаторов», по существу оно и начало эту политику в период правления экс-президента Али Акбара Рафсанджани и его сторонников, как прагматического крыла консервативного лагеря. Позиции сторонников Рафсанджани и самого Рафсанджани, который в настоящее время возглавляет Совет по целесообразности, достаточно сильные.

Именно семейный клан Рафсанджани тесно связан с иностранным капиталом, несмотря на то, что иностранцам запретили участвовать в процессе приватизации в 1996г., когда Рафсанджани был еще президентом. Однако такое решение не являлось инициативой самого Рафсанджани. В настоящее время, отмена закона о привлечении иностранного капитала, или даже изменение его статей в сторону ужесточения условий привлечения иностранного капитала, вряд ли вероятны. Экономическая необходимость привлечения иностранных капиталов, а также боязнь военного вмешательства США во внутренние дела Ирана заставляют «консерваторов» искать пути повышения заинтересованности ведущих мировых держав в развитии отношений с Ираном, и облегчение экономического сотрудничества рассматривается одним из возможных шагов. Представляется, что если бы консерваторам представился случай, который бы «сохранил лицо» борцов за независимое развитие, и позволил бы пойти на налаживание сотрудничества с США, они бы пошли на это. Таким поводом вполне могла бы стать отмена экономических санкций в ответ на возможность деятельности американских

компаний в нефтяной отрасли. Более вероятной представляется дальнейшая либерализация закона о деятельности иностранного капитала.

Именно прагматическая часть консервативного крыла составила ядро так называемых «нео-консерваторов», которые и обеспечили победу на выборах в меджлис, заняв руководящие посты в местных органах власти после муниципальных выборов в прошлом году. Так, ошеломляющая победа кандидатов-консерваторов от Тегерана, во многом, была обязана успешной хозяйственной деятельности мэрии Тегерана во главе с Ахмади-Нежадом, деятельности Тегеранского совета, членом которого - Голамали Ходдад-Аделем накануне муниципальных выборов прошлого года была создана нео-консервативная партия «Абадгяран»(Устроители), завоевавшая практически все места в меджлисе от Тегерана.

Одним из узких мест в экономическом развитии Ирана является состояние его банковской системы. Несмотря на то, что переход к рыночным условиям хозяйствования наталкивался на такие ограничители деятельности банковского сектора как запрет на взимание банковского процента и на создание частных банков, отмены банковского законодательства 1983г. не произошло. И хотя предлагаемые правительством законодательные изменения отвергались, главным образом, консервативным Наблюдательным Советом, а либеральные «прорывы», например, в виде разрешений на создание негосударственных банков, носили характер исключения из правил, отказ от них маловероятен. Необходимость банковской реформы назрела. Сейчас ее острота в значительной мере снята из-за высоких цен на нефть, притоком валюты в государственные банки страны, что увеличило их кредитоспособность. В случае увеличения притока иностранных инвестиций и снятия ограничений с долевого участия вероятность изменения банковского законодательства возрастает, особенно в отношении допуска деятельности иностранных банков на обычных, а не исламских, принципах, и не только в свободных зонах, но и на остальной территории Ирана.

Реформаторам почти удалось ввести единый валютный курс, попытки к установлению которого предпринимало в свое время правительство Рафсанджани. Несмотря на то, что использование так называемого «номинального или официального» курса в 1750 риалов за 1 долл. окончательно так и не отменено при расчетах за дотационные товары, расчеты, включая бюджетные, переведены на рыночный курс. Изменений этого положения вряд ли можно ожидать, однако возможно расширение сферы использования номинального курса для некоторых операций религиозных организаций и исламских фондов.

О направлениях экономической политики в ближайшие пять лет, включая период после ухода Хатами с поста президента, дает представление новый пятилетний план на 2005-2009гг. М.Хатами представил меджлису этот план как часть перспективной программы до 2025г., т.е. на следующие 20 лет. По существу это концепция развития страны, включающая как перспективы развития, так и инструментарий этого развития. План, разработанный правительством и согласованный с Комитетом по планированию меджлиса, состоит из 2-х частей. Первые 84 статьи закона о плане касаются завершения целей Третьего пятилетнего плана с выделением целевых кредитов из средств накопительного фонда. Вторая часть-это собственно цели и задачи нового плана. В качестве основных предложенный законопроект выделяет следующие цели:

- создание рабочих мест,
- модернизация промышленности,
- развитие строительства как производительной отрасли,
- предотвращение нерегулируемой миграции в города.

К числу целей относится также обеспечение население социальной защитой, повышение уровня и качества образования, предотвращение процесса углубления разрыва жизненного уровня населения, защита семьи и семейных ценностей, решение молодежных проблем.

Совершенно по-новому определены цели приватизации, как одного из основных направлений экономической политики. Главной целью, согласно концепции плана, является не сама приватизация как таковая, а усиление роли частного сектора путем обеспечения условий для его интенсивного развития. По прогнозам нового плана именно частный сектор должен обеспечить среднегодовой рост ВВП до 2009г. в 8%, в том числе промышленности – в 13,4%, что сможет снизить уровень безработицы с 11% до 8,4%. Данное направление экономической политики не вызывает возражений со стороны консерваторов. Процесс приватизации, безусловно, будет продолжен, но, главным образом, за счет нерентабельных предприятий. По состоянию на март 2004г. из проверенных Государственной аудиторской компанией 1705 государственных компаний, только 1006 получили прибыль, 116 компаний сумели покрыть свои расходы, а 583 компании, т.е. почти треть всех компаний, оказались убыточными,²⁶⁹ несмотря на благоприятное для Ирана финансовое положение из-за высоких цен на нефть. Консерваторы, даже представители традиционных консерваторов в лице Исламского коалиционного общества (Islamic Coalition Society) и Фонда обездоленных ставят своей целью “подъем производства, либерализацию экономики и продолжение приватизации”, в

том числе предприятий исламских фондов, а также постепенное превращение этих фондов в обычные экономические компании.²⁷⁰ Предполагается увеличить экспорт к марту 2009г. до 48,8 млрд.долл., при этом довести объем не-нефтяного экспорта до 12,8 млрд. долл., т.е. увеличить его по сравнению с нынешним уровнем в 2,5 раза.²⁷¹

Особое внимание уделено в новом плане развитию туризма как экономической отрасли. Ставится задача модернизировать эту отрасль, используя новые технологии выхода на мировой рынок, привлекая иностранный капитал. Предполагается увеличить долю туризма в ВВП с 0,6% до 3%. Обращает на себя внимание похожесть выделения в качестве приоритетных таких отраслей как строительство и туризм с программами, которые принимались и эффективно реализовывались в соседней Турции на начальных этапах процесса либерализации.

Еще одним чрезвычайно важным элементом нового плана является внесение статьи о придании большей самостоятельности Центральному банку страны, который входит в структуру исполнительной власти и является, как показал опыт развития страны даже в условиях исламской государственности, сторонником наиболее прагматических подходов(более «рыночных») в экономической политике государства.

Вряд ли эта программа противоречит взглядам «консерваторов» на социальное и экономическое развитие. С 2001г. по 2004г. индекс экономической либерализации снизился с 4,48% до 4,26%, что свидетельствует о положительных сдвигах в сторону внедрения рыночных принципов. Иран занимает 148 место среди 155 стран по 10 базовым показателям. К этим показателям относятся: торговая политика, вмешательство государства в экономику, финансовое давление на правительство, финансовая политика, приток иностранных инвестиций, банковская система, ценообразование, собственность, заработная плата, регулирование и открытость рынка. Можно предположить, что ослабление политической борьбы между меджлисом и Наблюдательным Советом, в которых будут представлены представители консервативных сил, может ускорить процесс законодательства в области экономических начинаний и повысить уровень экономической либерализации.

По-видимому, слова лидера партии «Абадгяран» Ходадда Аделя, ставшего спикером нынешнего меджлиса, о стремлении построить в Иране «японский капитализм» - действительно программа новых консервативных сил. Некоторые говорят о «китайском варианте», и это больше отвечает принципам консерваторов- «рынок» для внешних аспектов деятельности, и сохранение идеологических начал- для внутреннего пользования.

* * * * *

Идеологизированный характер государственного устройства Ирана обуславливает высокую степень зависимости проводимой экономической политики от соотношения политических сил в руководстве страной. Основным содержанием внутривнутриполитического процесса в Иране после смерти Хомейни является борьба между «консерваторами» и «реформаторами». К консерваторам относятся политические силы, отстаивающие видение исламской власти, которое преобладало при Хомейни, к реформаторам - силы, стремящиеся как к экономической, так и к политической модернизации Ирана. Экономическая либерализация была начата правительством Рафсанджани, сторонников которого, как было сказано выше, стали называть «прагматиками». Это термин наиболее правильно отражал цели нового экономического курса и поддержавшей Рафсанджани группы духовенства, которая хотела поднять экономический потенциал страны, сохранив авторитарный характер теократического режима. Однако осуществление экономической либерализации активизировало тенденцию к политической модернизации, которая связана с «реформаторами».

Термин «реформаторы» широко вошел в политическую жизнь ИРИ после избрания в 1997 г. ее президентом Мохаммада Хатами. Главным направлением его курса стала политическая либерализация: достижение оптимального распределения прерогатив между республиканскими и теократическими органами власти, допущение партийного плюрализма, расширение границ гласности в прессе, обеспечение свободы выборов. Разные взгляды на направления политического и экономического развития находят свое отражение в противостоянии двух крупнейших организаций шиитского духовенства в Иране- «Организации борющегося духовенства» и «Ассамблеи борющегося духовенства». «Организация борющегося духовенства» возникла сразу же после революции и объединяла сторонников Хомейни, особенно по вопросам строительства теократического режима. Как уже говорилось, сразу же после революции Хомейни, чтобы обеспечить политическое единство духовенства, инициировал создание партии духовенства – ПИР, в которую вошла «Организация борющегося духовенства». Однако противоречия между отдельными лидерами духовенства после окончания ирано-иракской войны настолько усилились, что партия ПИР была распущена, и Хомейни одобрил создание еще одной группировки духовенства- «Ассамблеи борющегося духовенства», образовавшейся в результате раскола «Организации борющегося духовенства».

Али Акбар Рафсанджани, который до своего избрания президентом являлся председателем меджлиса, остался в «Организации борющегося духовенства», которая

выдвинула его кандидатуру на пост президента. Эта организация духовенства поддержала принятие Первого пятилетнего плана и экономическую программу Рафсанджани. Однако, позиции Рафсанджани и лидеров «Организации борющегося духовенства» совпадали, главным образом, по поводу децентрализации собственности, снижения уровня вмешательства государства в ценообразование, в организацию внешнеторговой деятельности. Так, в экономической программе партии «Исламское Коалиционное Общество» (Джамийяте моталефе-е эслами), выступавшей и продолжающей выступать поныне вместе с «Организацией борющегося духовенства» заявлены позиции, которые в целом совпадают с взглядами сторонников рыночной экономики на приватизацию, активизацию частного сектора и ограничение вмешательства государства в экономику.

Однако главными приоритетами для этого крыла политических сил является поддержка традиционной экономики, они резко выступают против иностранных инвестиций и интеграции в мировое хозяйство. Поэтому постепенное углубление рыночных реформ правительством Рафсанджани, особенно его попытки расширить связи со странами Европы и с США, наладить постоянные связи с МВФ и вступить в переговорный процесс с ВТО, стали вызывать противодействие его курсу со стороны «Организации борющегося духовенства» и духовного лидера страны (рахбара) Али Хаменеи, идеологической опорой которого является именно «Организация борющегося духовенства». Внешнеполитические принципы и акции этих сил осложнили внешнеполитические отношения Ирана с Западом и странами ЕС, что стало одной из причин ухудшения экономической ситуации в 1994 – 1995 гг. Тем не менее, анализ программ партий и организаций показывает условность деления спектра политических сил Ирана на реформаторов и консерваторов, особенно с точки зрения взглядов на экономическое развитие. Если экономические программы «Организации борющегося духовенства» и ее партий в определенной мере могут рассматриваться как совпадающие с рядом рыночных принципов, то политические, безусловно, позволяют отнести эти организации к «консерваторам».

Эта группировка духовенства считает традиционный шиизм вполне самодостаточным для осуществления правления. Именно он является законной основой власти и не нуждается в новациях и нововведениях, привносимых Западной цивилизацией. Газета «Ресалат», отражающая взгляды консервативного крыла, неоднократно подвергала сомнению законность республиканского строя в Иране даже при верховенстве в нем религиозных органов власти.

Мероприятия правительства Рафсанджани по налаживанию связей с мировым сообществом, по созданию новых политических партий, по либерализации культурной

жизни, в том числе по завершению «культурной» революции стали встречать поддержку со стороны «Ассамблеи борющегося духовенства». На президентских выборах 1997 г. Али Акбар Рафсанджани инициировал выдвижение в качестве кандидата на пост президента одного из лидеров этой организации - Мохаммада Хатами.

«Ассамблея борющегося духовенства» до победы Хатами выступала против экономической либерализации, за активную роль государства в экономике, и на президентских выборах Мохаммада Хатами поддержала та часть духовенства, включая сторонников «Организации борющегося духовенства», которая надеялась затормозить ход экономических реформ. Однако демографическая ситуация в стране, изменившая возрастную структуру общества в сторону преобладания лиц от 15 до 35 лет, требовавших не только расширения политических свобод, но и обеспечения занятости, объективные потребности экономики в активизации частного капитала, использовании иностранных инвестиций, прежде всего в виде новых технологий, сделали необходимым продолжение политики либерализации.

Новые реформаторы, придя во власть, стали менять свои взгляды относительно участия государства в экономике, что является еще одним свидетельством условности деления политических сил на «консерваторов» и «реформистов». На этом этапе развития она проявилась и в том, что многие из партий, примыкающих к «Ассамблее борющегося духовенства», которые раньше считали приоритетными принципы авторитарного теократического правления, стали бороться за реформирование этой системы, снижение прерогатив исламских органов власти в пользу республиканских.

Накануне выборов в 2000 г. в меджлис 6 созыва «Ассамблея борющегося духовенства» и сторонники М. Хатами создали Фронт 23 мая, или 2 хордада (день победы на выборах президента М. Хатами), в который вошли 18 партий и организаций. Политическим ядром блока является партия «Мошарекят», образованная братом президента Мохаммадом Резой Хатами, который являлся вице-спикером шестого меджлиса.

Реформаторам удалось в последние пять лет значительно активизировать партийно-политическую жизнь. Разительные изменения претерпевает культурная политика, политика в области спорта, здравоохранения, просвещения. Одновременно ускорился процесс принятия экономических законов, которые стали носить характер, приближенный к общемировым нормам.

Иран неоднократно пытался делать экономические рывки, и, несмотря на приобщение к мировому опыту, в стране создавался свой особый тип хозяйствования. Факт смены экономических моделей всего за четверть века существования режима

является свидетельством того, что иранское общество находится в стадии построения своей «рыночной экономики». Сохраняется возможность трансформации теократического режима в результате экономической модернизации без социальных взрывов. Однако сохранение за «консерваторами» сильных позиций, особенно политических, может привести к замедлению экономических реформ.

В настоящее время консервативным силам можно причислить, прежде всего, те органы власти, которые являются исламскими в структуре исламской республики. Это прежде всего рахбар, представляющий по Конституции высший пост в государстве. Это Наблюдательный Совет, судебная власть. К сторонникам консервативного лагеря можно отнести часть Совета целесообразности, большинство руководителей КСИР (Корпуса стражей исламской революции).

Переход к экономической либерализации сторонники консерваторов, к которым можно отнести автора «Обзора экономики Ирана» Ибрагима Раззаки, оценивается лишь как «возврат к дореволюционному варианту развития».²⁷² Но в этих словах можно увидеть и признание того, что экономика Ирана уже настолько интегрирована в мировую экономику, что разрыв с нею чреват для Ирана кризисным состоянием.

Политическая и экономическая ситуация в Иране крайне неустойчива. Усиливается критика экономического курса правительства как справа, так и слева. Одни выражали недовольство поспешностью реформ, другие – их недостаточно быстрыми темпами.

Успехи реформаторского движения, в том числе ускорение или замедление либеральных экономических реформ, во многом зависит от судьбы новых законопроектов, предложенных Хатами в октябре 2002 г., одобренных меджлисом, но отклоненных Наблюдательным Советом. Один из законопроектов предусматривает усиление прерогатив президента, другой – сокращение полномочий Наблюдательного Совета в отборе кандидатов при выборах президента и в меджлис. Именно через систему выборов реформаторы надеются на построение гражданского общества и внедрения в практику правовых норм жизни.

Несмотря на процесс деидеологизации, в стране не удалось создать «средний класс», которому более выгодно действовать в светском законодательном и деловом поле, нежели в ограниченном религиозными нормами пространстве. Не удалось снизить до критического уровня финансовую подпитку духовенства в целом как слоя. А пока этого не произойдет, религиозные структуры имеют шансы сохранять свои позиции.

Возможно, что потенциал нынешних «реформаторов» по модернизации режима, включая его экономическую составляющую, исчерпан. Хотя противоречия между идеологическими целями режима и реалиями жизни, в том числе в области экономики,

достигли взрывоопасного уровня, правительство Хатами и лидеры «Ассамблеи борющегося духовенства» не пойдут на открытое противостояние консервативным силам и, прежде всего, рахбару страны. Углубление рыночных реформ как новый этап экономической либерализации, вероятно, потребует новой перестановки политических сил.

Таким образом, процесс либерализации в Иране был вызван объективными условиями экономического развития страны и тенденциями мирового экономического развития. К либеральным моделям экономического развития в 80-е годы стало переходить большинство стран мира, а с конца 90-х годов этот процесс распространился и на авторитарные государства, не исключая нефтяные монархии. В Иране попытки экономической либерализации предпринимались и раньше, но всегда сменялись созданием жестко централизованных экономических моделей. Исламская революция также была своеобразным ответом на ту авторитарную экономическую и политическую модель, которая была создана шахским режимом в 70-е годы.

Однако и после революции вновь происходит поворот в сторону централизации и огосударствления экономической жизни. Новой и определяющей стороной этого процесса стал ислам. Экономика, став частью исламского государства, оказалась подчиненной интересам, в первую очередь, не государства как такового, а государства исламского, интересам сохранения власти духовенства. В первое десятилетие после революции, когда во главе государства находился аятолла Хомейни, была создана жестко централизованная политическая и экономическая система, которая обеспечила иранское духовенство основными рычагами политической власти, усилила экономический потенциал духовенства путем создания исламских фондов и дала возможность выстоять стране в период ирано-иракской войны.

Но каждая экономическая модель действует, пока сохраняет свою эффективность. Снижение уровня этой эффективности в конце 80-х годов поставило под угрозу сохранение исламского правления, но оно оказалось способным на реформирование своего курса. Немаловажным фактором, определившим возможность начала экономической либерализации, было то, что с самого начала создания ИРИ единства во взглядах правящего духовенства на политику никогда не было. Иногда эти разногласия были не слишком острыми, иногда достигали критического уровня, грозящего развалом системе. Но никогда за этот критический уровень не переходили. К наиболее критическим периодам такого противостояния относится рубеж 80 – 90-х годов, итогом которого стал переход к политике экономической либерализации, а также вторая половина 90-х годов, когда в мае 1997 г. президентом страны был избран Мохаммад Хатами и началась

политическая демократизация. Именно эти два лидера- Рафсанджани и Хатами отражают разное понимание процесса либерализации, разный подход к проблеме: что важнее - экономика или политика? Если для сторонников Рафсанджани очевидна первоочередность экономического реформирования, то для сторонников Хатами - политического. Этот разный подход отразился в иранских условиях не столько на особенностях и формах экономической либерализации, сколько на ее темпах, несколько замедлившись в период Хатами. Но с другой стороны, ко времени его прихода к власти общество уже вступило на путь экономической либерализации, и когда сторонникам Хатами удалось добиться большинства в законодательном органе страны, ускорился законодательный процесс, нацеленный на юридическое обоснование экономической либерализации.

В силу особенностей мусульманского права и практики его применения именно юридическое обоснование тех или иных направлений экономической жизни представляет собой итог противостояния разных политических группировок, которые в условиях исламского правления выражают взгляды различных групп духовенства. Сама практика иранского законодательства, включая шахский период, значительно отличается от европейской, построенной на исполнении одного закона, одобренного законодательной властью. В иранской традиции определенный законодательный акт, вокруг которого разгорались острые споры, в последующем начинает сопровождаться принятием таких дополнительных поправок и дополнений, которые могут менять даже направленность основополагающего закона. В итоге более важным иногда становится изучение всего комплекса этих подзаконных актов, особенно инструкций, издаваемых соответствующими министерствами, чем анализ самого закона. Поэтому от состава министерства, ориентации его руководства на ту или иную группировку духовенства, во многом зависит проведение реальной политики. В период исламской государственности в Иране возможности изменить направленность основополагающих законов еще более расширилась, так как существует вероятность различного толкования законов с исламской точки зрения. Кроме того в мусульманском праве есть понятие «зарурат», или необходимость, которая делает дозволенным нарушение норм ислама в особых случаях, особенно тогда, когда под угрозой оказывается жизнь уммы или отдельного мусульманина. Именно эта доктрина была использована руководством страны в период войны с Ираком, когда остро встал вопрос о правомочности уплаты государственных, возможно даже в ущерб исламским, налогов. Кроме того, прерогативой факиха, тем более стоящего во главе страны, является не только решение фундаментальных, но и так называемых вторичных (санавийе) вопросов, представляющих по аналогии со светской

юриспруденцией своеобразный свод инструкций. Не все духовенство страны считает, что использование «санавийе» является абсолютным правом рахбара, как главного факиха страны. Такой взгляд позволяет политическим силам, преобладающим в какой-либо из государственных структур власти, поводить в жизнь свой курс экономического развития страны. Все эти тонкости во взаимоотношениях между главными политическими организациями духовенства и курируемыми ими партиями не всегда можно проследить, многими западными аналитиками они не принимаются в расчет, но результатом этих сложных взаимоотношений за право самостоятельного использования мусульманского фикха бывает, как правило, отклонение законопроектов, приостановка деятельности инструкции и т.п. Поэтому для более полного представления о возможных тенденциях экономической политики необходимо знание той политической роли, которое занимает одна из противоборствующих группировок духовенства в государственных органах. Упомянутые выше законопроекты М.Хатами, имевшие целью укрепление позиций республиканских структур власти, в сущности, решали и проблему перераспределения прерогатив рахбара в области мусульманского права. Само духовенство Ирана осознавало это, казалось бы благоприятствовало разрешению этого вопроса и как и то, что Али Хаменеи не обладает таким богословским авторитетом как Хомейни и даже некоторые ныне живущие аятоллы. Однако консервативное крыло, как отмечалось выше, не позволило реализовать эту возможность, с точки зрения сторонников Хатами, «демократизации исламской системы». Но и противники принятия этих законопроектов также использовали подобные аргументы, так как снижение полномочий Наблюдательного Совета трактовалось ими как попытка отобрать у исламских законодательных структур(иных, чем рахбар) права на «санавийе», используя принцип «зарурат». Острые дискуссии вокруг принятия основополагающих законопроектов в значительной мере опирались на трактуемые по-разному нормы мусульманского права, в результате чего правительству Мир Хосейна Мусави пришлось работать в обстановке законодательного вакуума, используя правительственные акты, что подвергалось критике «справа» и «слева» разных группировок духовенства и других структур власти. Наиболее значительным и наиболее противоречивым по результатам оказалось использование исламского права для решения земельного вопроса в первые годы после революции. Результатом стало введение очень ограниченного аграрного законодательства, узаконившего только то перераспределение земли, которое произошло в результате практически стихийного захвата земли в первые месяцы после революции.²⁷³ Президент ИРИ ходжат-оль-эслам Али Хаменеи(сейчас рахбар) заявлял, что «Прежде чем ожидать от парламента закона по земельному вопросу, его нужно решить на базе критериев,

представляющих для нас ценность с точки зрения исламской юриспруденции».²⁷⁴ Наблюдательный Совет отклонял все принятые меджлисом законы. Юридическая нерешенность земельного вопроса настолько затянулась, что только в январе 1983г. аятолла Хомейни по согласованию с Али Акбаром Рафсанджани, тогдашним председателем меджлиса, дал меджлису распоряжение, предусматривающее в случае возникновения обстоятельств «зарурат», если законопроект будет принят двумя третями голосов, аболицию права вето Наблюдательного Совета. Только в 1986г. были окончательно приняты закон и Инструкция по его выполнению.²⁷⁵

Характеризуя в целом процесс либерализации в конце 90 - начале 2000-х годов, можно говорить не об ускорении, а об углублении этого процесса. Определенные зачатки экономической либерализации можно увидеть и в экономической политике кабинета Мир Хосейна Мусави, особенно по поддержанию мелкого и среднего предпринимательства. После окончания войны с Ираком в его правительстве и по инициативе планово-бюджетной Комиссии меджлиса, председателем (спикером) которого был в это время Али Акбар Хахеми Рафсанджани, стал разрабатываться текст Первого пятилетнего плана, ставшего законодательной основой политики либерализации. Именно сторонники экономической либерализации стояли у истоков реформаторского движения в Иране, наиболее ярко проявившего себя в период президентства Хатами, получившего на Западе имя «иранский Горбачев».

Перспективы дальнейшей модернизации иранской экономической модели безусловно связаны с расстановкой политических сил в стране, со способностью руководства пойти на значительную трансформацию политической власти и уменьшение в ней теократической компоненты, на внедрение в экономическую систему правовых норм, общих с правилами мирового хозяйства. Но эти факторы все же менее существенны, чем трансформация внутренней политики и общественно-политической жизни в целом. Продолжение либерализации в приемлемых для иранского общества формах –объективная необходимость для поднятия экономического потенциала страны. Такие тенденции экономической политики режима, безусловно, будут способствовать сближению Ирана с мировым сообществом, интеграции в мировое хозяйство, что уменьшит степень волюнтаризма во внутренней и внешней политике страны.

5. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ ИРАНА

Изменение экономической политики правительство Рафсанджани начало, прежде всего, с либерализации импорта, смягчения импортно-экспортного регулирования, постепенной отмены практики государственного ценообразования на основные виды продовольственных и промышленных товаров, сокращения государственного вмешательства в организацию внутренней торговли.

Объем и структура внутреннего рынка Ирана в значительной мере определяются импортом, величина которого зависит от объема валютных поступлений, получаемых от продажи сырой нефти. Поэтому регулирование импортных поставок государством, сосредоточившего в своих руках добычу и экспорт нефти, видимо, долго будет оставаться существенным элементом внешнейторговой политики Ирана. Именно нефтяные доходы давали возможность шахскому режиму проводить крупномасштабную поддержку применения фиксированных оптовых и розничных цен, хотя и в историческом прошлом практика государственного регулирования цен на основные продукты питания время от времени использовалась. Установлению жесткого контроля над внешней торговлей способствовало конституционное отнесение внешней торговли к прерогативе государства. Именно на основании этого конституционного принципа Исламский Революционный Совет (ИРС) принял в марте 1980г. закон об огосударствлении внешней торговли. Но конституционными органами власти, избранными после роспуска ИРСа закон не был утвержден, хотя в течении двух лет между меджлисом и Наблюдательным Советом велась постоянная борьба за его принятие. Окончательно он был отвергнут в 1982г., когда уже два года шла война. Война с Ираком способствовала установлению государственной монополии в области организации внешнеторговых операций, которая стала создаваться на основе закона об организации центров по заготовке и распределению товаров, принятого ИРСом буквально в последние дни работы и который на многие годы определил характер и структуры внешнеторговой деятельности страны. Центры по заготовке и распределению товаров с 1980 г. стали главной организационной структурой осуществления импорта. Они контролировали импорт товаров, который осуществлялся как государственными, так и частными компаниями, а также устанавливали цены на эти товары. Министерство торговли по заявкам Центров устанавливало квоты на импорт между различными организациями. Кроме этого, была необходима лицензия на получение валюты, свободное обращение которой в стране было запрещено. Так как валютный курс был разным, то на импорт товаров первой необходимости выдавались лицензии с правом получения валюты по льготному курсу. Мясо и зерно могли импортироваться только

государственными организациями. В 1982/83 г. при импорте в 13,8 млрд. долл. импорт через государственные компании составил 8,8 млрд. долл., или 63,8%.²⁷⁶

Строго контролировался возврат валюты в иранские банки частными экспортерами. В отдельные периоды сроки перевода валюты ограничивались всего двумя месяцами, а доля перечисляемой валюты достигала 90%. Разрешалось оставлять на собственных валютных счетах и в зарубежных банках суммы, необходимые для импорта товаров при наличии импортной лицензии. В условиях жесточайшего контроля над расходованием валютных средств большое распространение во внешнеторговых отношениях получили бартерные сделки. На условиях бартера осуществлялась, например, большая часть советско-иранской торговли. Бартерная торговля велась исключительно государственными организациями.

Внешнеторговая деятельность регулировалась Законом об импортно-экспортных операциях, который был принят в 1987 г., т. е. в наиболее тяжелый для страны период, когда падение цен на нефть заставило государство сделать валютный и внешнеторговый контроль более жестким. Постепенное ужесточение контроля над внешнеторговыми операциями, особенно над импортом, вызвало рост коррупции среди чиновников, отвечающих за организацию этих операций.

Увеличивались объемы нелегальной внешней торговли, в первую очередь импорта. Даже при крайне ограниченных объемах не-нефтяного экспорта, в 1986/87 г. составившего 556 млн. долл., только на границе с Пакистаном силами безопасности в этом году было конфисковано товаров, предназначенных для нелегального вывоза, на сумму в 165 млн. долл.²⁷⁷ В 1986 г., когда объемы экспорта сократились до 220 млн. долл., у главы Центра по развитию экспорта были все основания говорить, что нелегальный экспорт страны превысил официальные показатели объемов экспорта.²⁷⁸ Так как основные продовольственные товары, которые продавались по фиксированным ценам в городах, импортировались, либерализация импортно-экспортного режима стала не только одним из первых, но и получивших широкий социальный резонанс, элементов новой экономической политики.

В 1990 г. в Закон об экспортно-импортном регулировании были внесены изменения, значительно либерализовавшие его. За 80-е годы была создана всеохватывающая система валютного регулирования, которая ставила своей целью максимальную экономию валютных средств, идущих на оплату импорта и предназначенную для личных нужд жителей Ирана, выезжавших за границу, недопущение несанкционированного вывоза или перевода валюты за границу и валютных операций внутри страны. Так, в 1984г. Центральный банк Ирана утвердил правила обмена валюты,

по которым обмен валюты фиксировался в паспортах при наличии особого разрешения. Особо жесткие ограничения вводились для граждан, выезжавших в страны, с которыми Иран осуществлял расчеты по клирингу. Согласно п.8 этой новой Инструкции в таких случаях максимум обмениваемой валюты составлял всего 50 долл., а остальная сумма должна была переводиться на клиринговый счет через Управление клиринговых расчетов ЦБ ИРИ. Для пассажиров Иранской национальной авиакомпании(при наличии билета) валюта обменивалась в размере 500 долл, для пассажиров других авиакомпаний- 200 долл. Владельцу загранпаспорта с отметкой «без валюты», валюта вообще не выдавалась, по паспорту, выданному для выезда с целью получения образования, выдавалось всего 200 долл. Для коммерсантов, вылетающим иранскими авиакомпаниями, и имевшим разрешение Торгово-промышленной палаты, сумма составляла 1000 долл, для выезжавших другими авиакомпаниями- 500 долл. Эта система стала быстро меняться, в основном, конечно, за счет снижения запретов на обмен валюты по рыночному курсу.

В своих расчетах с международными партнерами Иран перешел на свободно конвертируемую валюту. Был введен единый конкурентный курс (1000 риалов за доллар) для продажи валюты импортерам, которые получили право покупать ее в неограниченных количествах. Экспортерам было разрешено продавать валюту на свободном рынке. Это снизило разрыв между курсом риала на свободном рынке и его конкурентным курсом. Правительству удалось за пару лет снизить конкурентный курс до 600 риалов за доллар. Был ослаблен контроль над лимитированием банковских кредитов, полностью либерализована процентная ставка по кредитованию торговли, что также активизировало участие частного сектора во внешнеэкономической деятельности.

Нетарифные методы регулирования внешнеэкономической деятельности стали постепенно заменяться тарифными. Тарифный метод используется в настоящее время фактически только для регулирования импорта. Экспортный тариф практически не применяется, так как одним из главных направлений новой экономической политики стало поощрение экспорта не-нефтяных товаров. Импортный же тариф используется в основном для ограничения ввоза предметов роскоши, и вводится периодически для ограничения ввоза продукции, высоко конкурентной по сравнению с продукцией местного производства. В целом импортный тариф перестал носить запретительный характер, являясь минимальным для товаров производственного назначения. Однако помимо тарифного обложения широко используются дополнительные налоги на импорт и различные сборы в пользу благотворительных организаций, на различные муниципальные нужды. Иранские эксперты насчитывают до сорока видов различных налогов и сборов на

импортные товары, а их сумма нередко доходит до половины стоимости ввозимого товара.²⁷⁹

Но и система нетарифных методов регулирования также либерализуется. Постепенно смягчается система лицензирования импорта и экспорта, сокращаются списки товаров, импорт которых требует специального разрешения соответствующих министерств. Однако эта тенденция далеко не прямолинейна и корректируется размерами валютных поступлений от экспорта нефти. Тем не менее, она достаточно отчетливо прослеживается. В 2003 г. Министерство промышленности заявило, что список промышленных товаров, для импорта которых требовалось разрешение Министерства, сократился в этом году с 4300 позиций до 31 позиции, и введения каких-либо ограничений на импорт в 2004/05 г. оно не предполагает.²⁸⁰

В настоящее время широко обсуждается новое таможенное законодательство, в значительной мере носящее рыночный характер. В нем предусмотрена отмена практики внесения в банки валютных обязательств, сокращение нетарифных ограничений и переход на тарифное регулирование, упразднение таможенных льгот для государственных организаций и исламских фондов с тем, чтобы уравнивать их права с частными компаниями.

Одним из главных элементов либерализации внешнеторговой деятельности стал отказ от установления цен на импортируемые товары. Правительство уже с конца 1989 г. начало постепенно сокращать перечень импортных товаров, на которые устанавливались фиксированные цены. Фиксированные цены на товары, оставшиеся в числе тех, цены на которые регулировались, подтягивались до уровня рыночных.

Затем либерализация коснулась ценообразования товаров отечественного производства, произведенных как на частных, так и на государственных предприятиях. Ослабление монопольной роли государства в экономике Ирана для большинства населения Ирана ассоциировалось именно с пересмотром политики ценообразования.

Президент Али Акбар Рафсанджани в своем выступлении от 6 мая 1991 г. весьма выразительно заявил о необходимости постепенного сокращения субсидирования: «Мы платим тяжелую цену за субсидии. Наш народ покупает хлеб практически бесплатно. Государство покупает пшеницу по 15 туманов за кг²⁸¹, производит муку и продает ее пекарням по 1 туману за 1 кг. Сахар закупается у заводов по 40 – 50 туманов за кг, населению продается по 2,7 – 3,4 тумана. Растительное масло закупается по 40 – 50 туманов, а продается за 3 – 4 тумана за 1 л. Крестьяне почти бесплатно снабжаются удобрениями и пестицидами. Топливо настолько дешево, что государство не покрывает расходов даже на его транспортировку. Таково существующее положение, однако мы не можем внезапно положить этому конец, так как это серьезно усложнит жизнь неимущих

слоев».²⁸² Конечно, затем президент заверил, что отмена субсидий будет компенсироваться постепенным повышением оплаты труда.

Были распущены все Торговые центры, контролировавшие цены и товарные потоки. Приближаться к рыночным стали цены на услуги, в том числе и на государственные. Выше отмечалось, что еще в 1988 г. правительство Мир Хосейна Мусави разрабатывало проект установления государственных цен на 12 тыс. товаров, и если сопоставить это с тем, что в 1995г. фиксированные цены были установлены не более чем на десять товаров, то станет очевидной степень либерализации в области ценообразования.

Постепенно стал исчезать «черный» рынок, но начала расти инфляция. Так, фиксированная цена массового автомобиля «Пейкан» местного производства была ниже его цены на «черном» рынке в три раза. Подскочили цены на большинство товаров. К 1994 – 1995 г. фиксированными остались лишь цены на хлеб, муку, топливо, медикаменты, детское питание, семена и удобрения для крестьян. Пока из списка товаров, цены на которые регулировались, исключались товары потребительского спроса, многие предприятия, в том числе государственные, смогли увеличить свои прибыли. Однако их рентабельность оказалась под угрозой, когда либерализация коснулась товаров, используемых промышленностью в виде сырья. Резко стали увеличиваться производственные расходы из-за роста цен на транспорт, аренду, электроэнергию, топливо.

Продукция предприятий отечественной промышленности оказалась не конкурентоспособной по сравнению с импортной. Либерализация внешнеторговых операций поставила многие отечественные предприятия на грань краха. Для покрытия убытков государственных компаний – главным образом текстильных, металлургических и автомобильных – государство выделяет дотации из бюджетных средств. При разработке программы приватизации в нее включались, прежде всего, убыточные предприятия, а так как их акции не находят спроса, а закрытие таких предприятий грозит увеличить и без того значительный уровень безработицы, правительство пока вынуждено продолжать практику их субсидирования.

В качестве механизма выделения дотаций на поддержание цен, особенно на импортируемые товары, широко использовался (и продолжает использоваться до сих пор) разный курс риала. По рекомендации МВФ число валютных курсов было сокращено до трех. Основной, или официальный, курс составлял 70 риалов, «конкурирующий» – 600 риалов, «плавающий» – 1460 риалов. Кроме того, действовал еще и рыночный курс, но разница между ним и «плавающим» курсом была минимальной. В начале 90-х годов

список товаров, импортируемых на основании официального курса, включал 16 наименований товаров первой необходимости, в него были включены товары, необходимые для важнейших объектов и обороны страны. Весь правительственный импорт осуществлялся по официальному курсу. В перечень товаров, которые могли быть импортированы по «плавающему» или «конкурирующему» курсу, входили 290 наименований – главным образом сырье и промежуточные товары для промышленности. Официальный курс распространялся почти на 60% импорта, на «плавающий» курс приходилось 10 – 15% импорта, на «конкурирующий» – до 25%.²⁸³

Несмотря на попытку введения в марте 1993 г. единого «плавающего» курса риала, максимально приближенного к рыночному (1750 риала), официальный курс (70 риалов) был сохранен для оплаты товаров и услуг по регулируемым ценам. Необходимость этого диктовалась резким падением курса риала в результате либерализации цен и начавшегося падения цен на нефть. В бюджете на 1993/94 г. курс в 70 риалов был оставлен для выдачи импортных лицензий на некоторые товары, которые таким образом субсидировались за счет валютных поступлений. Размер подобных субсидий, выделенных на топливо, составил 1,2 млрд. долл. На продукты питания было выделено столько же, на медикаменты и детское питание – 452 млн. долл., на оплату обучения иранских студентов за рубежом – 80 млн. долл., на поддержку армии – 850 млн. долл.²⁸⁴

Неизбежные социальные потери при проведении либерализации цен повысили социальную напряженность в иранском обществе, где наиболее крупной стратой являются лица с низким уровнем дохода. Крайне болезненную реакцию вызвало удорожание жилищных услуг, оплата которых стала составлять для малоимущих семей от половины до двух третей их бюджета.

Недовольство повышением цен в 1993 г. ознаменовалось социальными волнениями в ряде городов страны. В Мешхеде, например, толпы бедняков поджигали дома, автомобили. Прошли забастовки, явившиеся откликом на поднятие цен, но, вероятно, некоторые из них были инициированы руководством предприятий, стремящихся избежать приватизации. Эти выступления были использованы радикальным духовенством как предлог для усиления критики экономического курса правительства Рафсанджани. Особенно трудным для правительства было решиться на повышение цен на хлеб и топливо. Розничные цены на хлеб в последние несколько десятилетий, включая и шахский период, были ниже его фактической себестоимости более чем в 10 раз. Особенно эта разница стала увеличиваться после исламской революции. Для сообщения о намерении поднять цены на хлеб и на топливо Рафсанджани использовал пятничную молитву в Тегеранском университете 5 апреля 1994 г., охарактеризовав хлебные и бензиновые

субсидии как «несправедливые». Во время своего выступления президент представил и программу компенсации потерь от возможного повышения цен, которая должна была осуществляться за счет прямых денежных выплат и увеличения социальных пособий. Однако большинство в меджлисе не поддержало программу полной либерализации цен, особенно в отношении цен на хлеб и бензин.

В бюджете на 1994/95 г. правительству удалось добиться сокращения дотаций на поддержание цен до 1,65 млрд. долл. по сравнению с 2,4 млрд. в 1993/94 г.²⁸⁵

Несмотря на то, что на поддержание цен расходовалось в среднем до одной пятой текущего бюджета, правительство отказалось от «шокового» повышения цен, постепенно сокращая разницу между дотационными и розничными ценами.

В апреле 1994 г. был принят закон о создании специального комитета меджлиса по контролю за ценовой политикой государственных компаний, вплоть до Экономического Совета – высшего органа, определяющего экономическую политику страны. Согласно этому закону, любое повышение цен должно было получить одобрение меджлиса, поэтому, начиная с 1994/95 года, все решения правительственных органов о повышении цен, не получившие такого одобрения, должны были рассматриваться как неправомочные.²⁸⁶ В начале 1994 г., когда Иран стал нести валютные потери от снижения цен на мировом рынке, правительство внесло предложение о повышении цен на бензин и другие виды жидкого топлива на внутреннем рынке на 140%, но меджлис отверг это предложение. Тем не менее при обсуждении проекта Второго пятилетнего плана в августе 1994 г. меджлис одобрил сокращение субсидий на топливо и электроэнергию, но предложил делать это поэтапно, в течение всего пятилетнего периода. Так, цены на топливо, начиная с 1995/96 г., должны были повышаться в четыре этапа: на 100, на 20, на 20 и на 10 риалов. Средние цены на газ после 1994/95 г. не должны были увеличиваться по сравнению с предыдущим годом более чем на 20%. 20% составил и уровень ежегодного повышения цен на электроэнергию. План четко определял границы повышения цен на электричество и воду для разных категорий населения, в зависимости от объема и целей потребления. Тарифы для малоимущих и сельских семей устанавливались значительно ниже, чем для остальных категорий населения.²⁸⁷

В текст Второго плана было включено положение, согласно которому правительство в период осуществления плана должно было сохранять субсидии и дотации; за базовый уровень был принят их объем в 1993/94 г., но ежегодные бюджетные ассигнования на субсидии должны были корректироваться в соответствии с изменением курса риала. Таким образом, контроль над ценами, хотя и частичный, был восстановлен.

Второй пятилетний план не только законодательно закрепил это положение, в нем были даны количественные параметры субсидий, предназначенных для поддержания цен. Так, размеры ежегодного бюджетного субсидирования фармацевтических товаров были определены в 735 млрд. риалов, семян и удобрений – свыше 600 млрд. риалов, потребительских товаров – 3,6 трилл. риалов. Общая сумма выделяемых ежегодных субсидий превышала 5 трилл. риалов.

Подавляющая часть субсидий предназначалась для поддержания цен на продовольствие. Разбивка плановых заданий по годам является проектом ежегодных бюджетов, корректируемых в зависимости от финансового положения страны. Абсолютного сокращения бюджетных субсидий на поддержание цен не предусматривалось. При этом ставилась цель постепенного снижения их доли в сумме текущих бюджетных ассигнований – с 22,3% в 1994/95 г. до 15,9% к 1999/2000 г.²⁸⁸. Эта тенденция снижения дотационной нагрузки на бюджет особенно отчетливо выявляется при анализе фактического исполнения бюджетов. Так, фактические субсидии в 1999/2000 г. составили 7632 млрд. риалов, т. е. превысили запланированный объем на 51%, однако их доля в текущих бюджетных расходах уменьшилась до 11,2%. В 2000/01 г. на поддержание цен было выделено 8118,4 млрд. риалов, но доля субсидий в текущем бюджете была снижена до 10,7%.²⁸⁹

Правительство часто было вынуждено вносить коррективы в политику субсидирования. Так, в 1995 г. список товаров, цены на которые контролировались государством, пополнился автомашинами и стройматериалами. Поэтому в бюджете на 1995/96 г. размеры субсидий были увеличены до 2,25 млрд. долл. вместо 1,65 млрд. долл. в 1994/95 г. (из расчета официального курса в 1750 риалов).

О степени продолжающегося вмешательства государства в процесс ценообразования красноречиво свидетельствует заявление Министерства юстиции от 1996 г., в котором отмечалось, что с конца 1994 г. до начала 1996 г. специальными судами было издано 200 тысяч постановлений, принуждающих соблюдать цены, установленные государством. Сумма штрафов за нарушение всех этих постановлений, наложенных в этот период, составила 32 млрд. риалов (11 млн. долл.).²⁹⁰

Закон о Третьем пятилетнем плане не внес значительных корректив в политику субсидирования, хотя и признал необходимость уменьшения сумм, выделяемых из бюджета на поддержание цен.

Проблема выделения субсидий, особенно на хлеб, топливо и электроэнергию, до сих пор остается для Ирана крайне болезненной, постоянно являясь предметом дискуссий на разных уровнях. В декабре 2002 г. в Институте исследований планирования и развития

на специальной конференции рассматривались проблемы субсидий на электроэнергию. Высказывались предложения, что наиболее оптимальным для Ирана стало бы снижение субсидий до пределов, которые не дали бы увеличить общий уровень инфляции за счет повышения цен на электроэнергию больше чем на 4%. Некоторые из выступавших отмечали, что отмена субсидий должна проводиться более решительно, так как поддержание низких цен на электроэнергию за счет значительных по объему субсидий (до 10 млрд. долл.²⁹¹) тормозит внедрение энергосберегающих технологий и рациональное использование электроэнергии, при котором часть энергоресурсов могла бы поставляться на экспорт.²⁹²

Однако правительство Хатами хотя и продолжает курс на уменьшение субсидий на электроэнергию и топливо, проводит его в более щадящем режиме, чем правительство Рафсанджани. Если закон о Втором плане развития предусматривал возможность роста цен на электроэнергию и топливо до 20%, то в период действия Третьего плана этот рост не превышает 10 – 15%. В 2003 г. цена на топливо и природный газ для электростанций по решению правительства была увеличена на 10%, цены для населения выросли меньше, что усилило нагрузку на бюджет.²⁹³ В 2003 г. Иранская национальная нефтяная компания по переработке и распределению нефти предложила правительству повысить цены на бензин на 10%, чтобы сократить потребление бензина и его импорт, который в 2002/03 г. составил почти 4 млрд. литров, а в 2003/04 г. может составить 5,8 млрд. литров.²⁹⁴ Правительство объявило о повышении цен, но даже с учетом новых цен цена одного литра не превышала 8 – 10 центов.²⁹⁵

Курс на сохранение дотаций на поддержание цен, субсидий на модернизацию и реорганизацию государственных предприятий, на закупочные цены сохранен и в законе о Четвертом плане социально-экономического развития. Но в нем в качестве более значимых мер социального характера обозначены – увеличение бюджетных расходов на образование, обеспечение более равномерного дохода, улучшение системы здравоохранения, увеличение расходов на защиту семьи и нужды молодежи.²⁹⁶

В разные периоды система выплаты субсидий, поддержки населения путем продажи по государственным ценам менялась и отличалась большим разнообразием. Субсидировались государственные компании и организации через их центры, для населения использовались купоны, помощь осуществлялась через мечети, адресную поддержку населения осуществляли исламские фонды.

Основная выплата бюджетных субсидий на поддержание цен на продовольственные товары осуществляется в настоящее время через Организацию защиты потребителей и производителей. Объемы субсидий, выданных через Организацию

защиты потребителей и производителей за период с 1993/94г. по 1997/98г.(в млрд. риалов). с расчетом их доли в ВВП составляли.²⁹⁷

	1993/94	1994/95	1995/96	1996/97	1997/98 (план)	1997/98 (факт)
млрд. риалов						
Удобрения	239	522	558	492	549	522
Сахар	239	296	329	345	373	292
Пшеница	1154	2095	2881	3933	4376	3390
Молоко, сыр	103	129	226	234	459	440
Рис, масло	-	371	561	604	435	212
Другое	392	273	340	372	227	245
Итого	2126	3686	4895	5980	6419	4579
% к ВВП						
Удобрения	0,3	0,4	0,3	0,2	0,2	0,2
Сахар	0,3	0,2	0,2	0,1	0,1	0,1
Пшеница	1,2	1,6	1,6	1,7	1,6	1,2
Молоко, сыр	0,1.	0,1	0,1	0,1	0,2	0,2
Рис, масло	-	0,3	0,3	0,3	0,2	0,1
Другое	0,4	0,2	0,2	0,2	0,1	0,1
Итого	2,3	2,9	2,7	2,5	2,3	1,6

Примечания: графы 2,3,4 – полностью субсидируемые товары, графы 5,6,7 – частично субсидируемые через льготный валютный курс.

Большая часть субсидий, выплачиваемых Организацией защиты потребителей и производителей, приходится на пшеницу. Так, в 1997/98 г. на поддержание цен на пшеницу было израсходовано 74% всех выделенных субсидий. В абсолютном выражении пик бюджетных расходов на субсидии, выделяемых через Организацию защиты потребителей и производителей (ОЗПП), пришелся на 1996/97 г. В это время в стране накануне президентских выборов шла предвыборная кампания, которая сопровождалась, как и во всех странах, увеличением социальных расходов.

Несмотря на то, что субсидии ОЗПП сохраняли значительные размеры, обнаруживается тенденция к снижению их доли в ВВП (с 2,9% в 1994/95 г., когда в меджлисе были особенно сильны позиции сторонников сохранения субсидий, до 1,6% в 1997/98г.)

Нужно отметить, что иранская статистика не позволяет дать четкой картины механизма субсидирования розничных цен, закупочных цен, цен на продукцию

государственных предприятий, особенно на продукцию производственного назначения. Цены могут поддерживаться через прямое субсидирование, часть которого оказывается скрытой в бюджете государственных компаний, а также путем использования льготного валютного курса для закупок некоторых товаров. Так, через систему льготного валютного курса фактически субсидировались цены на импортируемые чай, птицу, полиэтиленовые пакеты, предметы ветеринарной медицины, шины для тяжелых грузовиков, моторное масло, различные изделия из пластика.²⁹⁸

Один и тот же вид продукции субсидируется по-разному – либо путем выделения прямых дотаций, либо посредством выделения валютных средств по льготному курсу, часть продукции субсидируется полностью, некоторая ее доля – частично. Ниже приведены данные по пяти товарам(в тоннах):²⁹⁹

	Всего	Производство	Импорт	Всего	Производство	Импорт	Общее потребление
1	2	3	4	5	6	7	8
Зерно	8400	5880	2520	1600	1120	480	10000
Рис	286	-	286	2114	1600	514	2400
Сахар	588	294	294	572	286	286	1160
Масло	155	-	155	745	100	645	900
Мясо	27	-	27	723	700	23	-

Уровень субсидий выше всего по пшенице – 84%. Пшеница причислена к категории продукции стратегического значения и базовым товарам. Она является основной культурой в пищевом рационе иранцев, колебания в цене и в поставках на рынок, влияют не только на экономику, но и политическую жизнь в стране. Во всех государственных планах производству пшеницы уделено особое внимание, тем более, что сохраняется большая зависимость от импорта. Так, несмотря на рост сборов пшеницы в 1998г. до 10млн.тонн, импорт составил почти половину производства, что объяснялось резким падением сборов из-за плохих погодных условий в предыдущем году, и увеличение закупок должно было пополнить государственные резервы. Как только закупочная цена на 1999г. была определена в 600риалов за килограмм, до конца сентября было закуплено у населения около 7 тонн пшеницы. Максимальный уровень самообеспеченности душевом потреблении пшеницы (183 кг) не превышает 85-87%.

Поэтому полностью дотируются поставки для пополнения неприкосновенного запаса зерна страны, а также для нужд армии, больниц и школ. Субсидии выдаются мукомольным предприятиям, а также пекарням для выпечки обычного хлеба.

Уровень субсидирования других сельскохозяйственных культур значительно ниже. Так, субсидируется всего 12% потребляемого в стране риса, не являющегося для Ирана основным продуктом питания. Довольно значителен уровень субсидирования сахара – 50,7%, при этом половина потребляемого в стране сахара дотируется полностью (сахар, идущий на нужды армии, продаваемый через розничную сеть городской торговли и магазины сельских кооперативов). Уровень субсидирования растительного масла, которое еще в начале реформ было отнесено к базовым товарам и дотировалось полностью, сейчас не превышает 20%, а уровень субсидирования мяса составляет всего 3,6%. Субсидии предназначаются как для товаров отечественного производства, так и импортных.

В 1999 г. «плавающий» курс риала был приближен к рыночному, однако попытки правительства рассчитывать бюджетные ассигнования на выплату субсидий по этому новому курсу не получили одобрения законодательной власти. Для дотационных выплат стал использоваться курс в 1750 риалов, т. е. прежний «плавающий» курс. Субсидии для поддержания цен на товары, реализуемые через сельские магазины, а также для закупок сельскохозяйственной продукции по фиксированным ценам, помимо ОЗПП, выделяются через Центральную Организацию сельских кооперативов (ЦОСК). ЦОСК использует для финансирования закупок сельскохозяйственной продукции, а также для снабжения сельских кооперативов семенами, удобрениями и машинами, целевые кредиты Сельскохозяйственного банка и собственные средства. Кроме этого, ЦОСК получает бюджетные трансферты для покрытия своих расходов. Так, в 1994/95 г. – 1998/99 г они составили (соответственно по годам) 9,5 млрд.риалов, 11,8 млрд.риалов, 18,0 млрд.риалов, 22,5млрд.риалов и 23,3 млрд. риалов, при этом их доля в общей сумме бюджетных трансфертов не превышает 3,2%.³⁰⁰

Изменения в регулировании цен практически не коснулись системы государственных закупок сельскохозяйственной продукции. Перечень продукции, закупаемой по фиксированным ценам, постепенно сокращается, однако в зависимости от сборов основных сельскохозяйственных культур он корректируется, в том числе и в сторону расширения. Поддержание высоких закупочных цен, хотя и не привело к ликвидации импортной зависимости от поставок продовольствия – главным образом, зерновых, – тем не менее, позволило государству снизить степень этой зависимости и сохранить крестьянство в качестве своей социальной опоры. Между тем, поддержание высоких закупочных цен на пшеницу обходится государству дороже, чем субсидирование

пекарен и мукомольных предприятий, использующих импортное зерно, правительство Хатами в настоящее время отдает предпочтение сохранению закупочных цен для достижения самообеспеченности по пшенице. Согласно новой программе достижения самообеспеченности страны зерном, предполагается сокращение импорта пшеницы с тем, чтобы к 2010 г. прекратить его полностью, доведя производство до 17,25 млн. тонн. На эти цели выделяется 350 млрд. риалов. При этом государство продолжит поддерживать цены на хлеб, чтобы их рост не превысил 9%.³⁰¹

В 2000/01 – 2001/02 гг. уменьшение спроса на чай собственного производства привело к сокращению его посевов. Введенный в 2001 г. запрет на импорт чая вызвал рост его нелегального ввоза (только через южную границу в 2002/03 г. было ввезено 63 тыс. тонн). Чтобы увеличить отечественное производство чая, Главное управление по закупкам чая в 2003/04 г. резко подняло закупочные цены, особенно на зеленый лист высшего сорта.³⁰²

Через систему кооперации, получающей льготные кредиты и дотационные выплаты от Сельскохозяйственного банка, от своей Центральной организации сельских кооперативов, от Организации по защите потребителей и производителей (часть дотаций производители получают через Зерновую организацию), государству удалось облегчить негативное воздействие либерализации цен на сельское население. В то же время поддержание высоких закупочных цен, которые зачастую превышали мировые цены на продовольствие, снижало стимул для повышения эффективности отечественного сельскохозяйственного производства, способствовало росту цен на внутреннем рынке.

Правительство Мохаммада Хатами и 6-й меджлис считали, что ускорение процесса либерализации невозможно без реформирования сложившейся системы субсидирования. По некоторым оценкам, на поддержание цен, убыточных государственных предприятий и банков затрачивалось около 60% бюджетных средств.³⁰³ Такое расходование средств не всегда было эффективным. Так, например, из-за низких цен на хлеб его потребление было крайне расточительным, хлеб контрабандно вывозился в некоторые соседние страны.

Таким образом, поэтапное сокращение номенклатуры «базовых» товаров, цены на которые продолжали регулироваться государством, привело к реорганизации потребительского и производственного рынка. Все более основополагающим для ценообразования принципом становится не производственная или социальная значимость товара, а соотношение спроса и предложения. Это значительно повысило прибыльность, как торговых компаний, так и ряда промышленных предприятий, ориентированных на выпуск продукции массового спроса.

Но, как отмечалось, либерализация цен на сырье и товары производственного назначения, безусловно, снизила конкурентоспособность многих предприятий государственного и частного сектора. Введенный с середины 90-х годов законодательный контроль над «базовыми» ценами позволил в этот период избежать массового банкротства компаний. Кроме того, регулируемая либерализация цен способствовала сохранению огромного слоя мелких предприятий, большинство которых связаны контрактными договорами с государственными компаниями, обеспечивающими их сырьем и заказами (ковроткачество, производство металлических и строительных изделий).

Как и в других странах, вступивших на путь рыночных реформ, либерализация цен, несмотря на субсидирование ряда товаров, привела к развитию инфляционного процесса. К 2000/01 г., т. е. за 11 лет проведения либеральных реформ, оптовые цены выросли в 11,0 раза, т. е. их среднегодовой прирост составил 24,6%. Безусловно, инфляция осложняет социальное положение неимущих слоев населения. Но в последние три года темпы инфляции не превышали 14,6%, она не привела к стагнации экономического развития. За первые пять лет рыночных реформ (с 1990/91 г. по 1993/94 г.) общий индекс оптовых цен на потребительские товары и услуги вырос в 2,1 раза. Пик всплеска цен был пройден, ожидалось, что в последующие годы можно ожидать снижения инфляционного уровня. Но этого не произошло, хотя темпы роста инфляционных процессов замедлились, и в основном рост цен происходил за счет импортных товаров. В следующее пятилетие (1994/95 – 1999/2000 гг.) индекс цен составил 1,99.³⁰⁴ Таким образом, в основе дальнейшего развития инфляционных процессов лежали как либерализация цен, так и другие факторы, в особенности – влияние конъюнктуры мирового рынка.

Либерализация цен позволила выявить реальную эффективность иранской экономики, создала предпосылки для ее более тесного взаимодействия с мировым сообществом.

Определенным показателем степени осуществляемой в Иране либерализации, прежде всего внешнеторговой и либерализацией в области ценообразования, является проблема вступления страны во Всемирную торговую организацию. Иран все более вовлекается в процесс интернационализации хозяйственной жизни, требующей совместного регулирования международной торговли. Присоединение любой страны к ВТО является сложным и длительным процессом, т. к. требует соответствия внутреннего внешнеторгового законодательства правовым нормам ВТО, изменения тарифной политики, достижения соглашения по торговле со всеми членами ВТО. Свыше 30 стран в настоящее время имеют статус наблюдателя и ведут переговоры о присоединении. В их числе и Иран.

Ираном уже в 1991 г. была подана предварительная заявка на вступление в ВТО (тогда ещё ГАТТ). Начались переговоры об условиях вступления. И хотя Иран до сих пор (как, впрочем, и Россия, подавшая заявку в 1993 г.) не принят в ВТО, сами дебаты и переговоры по поводу вступления отражают и степень либерализации иранской экономики, и степень готовности страны к продолжению реформ.

Среди факторов, которые тормозят положительное решение этого вопроса, есть и внешние, и внутренние. К внешним, безусловно, в первую очередь, нужно отнести позицию США, всячески противящихся вступлению Ирана в ВТО. После исламской революции в Иране, одним из лозунгов которой был призыв «Смерть Америке!», а в особенности после захвата 4 ноября 1979 г. американского посольства в Тегеране (этот день до сих пор отмечается в Иране массовыми шествиями) США заняли открыто антииранскую позицию. К числу экономических инструментов, при помощи которых, с точки зрения США, можно добиться смены режима в Иране, помимо упоминавшегося выше торгового эмбарго, различных санкций, закона ILSA, запрещающего сотрудничество с Ираном в нефтегазовой отрасли, можно отнести и позицию США по вопросу вступления Ирана в ВТО. Даже после событий 11 сентября 2001 г., когда Иран фактически поддержал антитеррористическую операцию США, последние накануне ноябрьской сессии ВТО выступили против принятия Ирана в члены этой организации.

Вступление Ирана в ВТО предполагает, что он прежде всего должен ликвидировать монополизм в сфере торговли и, следовательно, производства, изменить свое законодательство в сторону приближения его к общемировым стандартам, законодательно защитить иностранных участников внешнеторговых операций, создать условия для деятельности иностранных банков, отказаться от поддержания разных валютных курсов и т. д. Тем более, что согласие на вступление в ВТО любой страны, в том числе и Ирана, предполагает по меньшей мере 15-летние переговоры разного уровня. Эти переговоры обеспечили бы адаптацию Ирана к новым условиям. Новый виток напряженности в отношениях между США и Ираном, начавшийся после того, как весной 2002 г. последний был причислен президентом США к «оси зла», вновь оставил вопрос о вступлении ИРИ в ВТО открытым.

Именно эта позиция США во многом осложняет положение тех лидеров ИРИ, которые высказываются за необходимость вступления в ВТО. Это – тот внешний фактор, который влияет на разрешение проблемы «Иран и ВТО», а вместе с тем определяет и соотношение сил на политической сцене ИРИ. Дело в том, что вопрос, нужно ли ИРИ вообще вступать в ВТО, в самом Иране по-прежнему остается открытым, и вокруг него не утихают споры. Не только в политических кругах, но и среди представителей иранской

экономической элиты нет единого мнения по этому вопросу. Эта тема является предметом повсеместно проводимых научных дискуссий.

Правительственные круги понимают, что вступление страны в ВТО даст шанс присоединиться к действующим правилам движения товаров и услуг на мировом рынке. А это важно для страны, которая уже двадцать лет находится в режиме вынужденной изоляции от остального мира. «Следует выбросить из головы ВТО, если мы хотим, чтобы наше присутствие в мировой экономике было пассивным, т. е. ограничивалось лишь продажей сырой нефти и ввозом необходимых товаров, как это было в течение последнего полувека. Для Ирана приоритетом должно являться постепенное обеспечение преобладания рыночных элементов в национальной экономике. Если мы хотим пользоваться определенными льготами, установив правовые отношения со странами – членами ВТО, и обеспечить новые рынки сбыта для своего экспорта, то, вполне естественно, должны и для других стран тоже сделать свой рынок привлекательным».³⁰⁵ Особую значимость приобретает проблема вступления в ВТО в связи со стремлением создать экспорториентированную промышленность и увеличить рост ненефтяного экспорта. Большинство предприятий иранской промышленности, остаются неконкурентноспособными. Частные – в результате оградительной таможенной политики, государственные – из-за государственных дотаций. Реформаторское крыло политической элиты осознает, что стратегия роста экспорта приобретает значение локомотива экономического развития, и поэтому страны стремятся к членству в ВТО. В настоящее время 97 – 98% торговых партнеров Ирана являются членами ВТО, и процесс подписания двусторонних соглашений с членами ВТО непрерывно развивается. Вступление Ирана в ВТО может стать дополнительным стимулом для проведения экономических реформ, улучшит условия его торговли, особенно, не-нефтяной, и доступ на мировой рынок получат наиболее конкурентоспособные иранские товары – текстиль, бытовая техника, нефтехимические товары, продукция строительной промышленности, а также черной металлургии. Одновременно вступление в ВТО ослабит возможность экспорта тех товаров, производство которых в значительной мере использует дотации государства или находится в руках неконтролируемых обычным законодательством крупных холдингов – таких, как исламские фонды.

Безусловно, что вступление в ВТО потребует дальнейшей либерализации внешнеторгового регулирования, в особенности замены всех нетарифных методов регулирования тарифными. При проведении тарифной политики, в свою очередь, необходимо дальнейшее снижение тарифов, являющихся в Иране крайне высокими (в среднем до 30%).³⁰⁶ Ряд отраслей, такие как автомобильная, химическая, производство

бытовой электротехники, из-за снижения пошлин могут столкнуться с жесткой конкуренцией. Так, решение о свободном импорте до тысячи наименований продукции, попадающей под рубрику «полуфабрикаты», вскоре было скорректировано таможенной инструкцией, согласно которой разрешения на ввоз выдавались предприятиям, выпускавшим экспортную продукцию.

Вступление в ВТО потребует также уменьшения уровня субсидирования сельского хозяйства, которое через систему закупочных цен является дотационным. Резкое же сокращение дотаций может привести не только к сокращению сборов сельскохозяйственной продукции, но и к обострению проблемы занятости, столь актуальной из-за сложной демографической ситуации в 90-х – начале 2000-х гг.

Поэтому столь же активны и противники вступления страны в ВТО. В ноябре 2002 г. в Мешхеде, где был проведен трехдневный семинар, посвященный возможностям и последствиям присоединения Ирана к ВТО, состоялась массовая демонстрация противников глобализации и вступления Ирана в ВТО. Заместитель министра науки, исследований и технологий Мохаммад Нахавандиян, выступая на этом семинаре, сказал: «Мы совершаем ошибку, когда в процесс глобализации и присоединения к ВТО вмешиваем политическую мотивацию. Процесс глобализации идет, и никто не может закрыть границы, так как это приведет лишь к экономической изоляции. Пусть не станет платой за наше невежество нами же созданная экономическая изоляция»³⁰⁷ Хотя на семинаре подчеркивалось, что присоединению Ирана к ВТО препятствуют не столько внутренние причины, сколько противодействие США и Израиля, в действительности главными остаются проблемы, связанные с трансформацией экономической системы ИРИ. Иран рассчитывает, что присоединение к ВТО обеспечит ему защиту от применения другими государствами дискриминационных мер по отношению к нему и поможет смягчить позицию США. Мировое сообщество, в том числе и часть политической и деловой элиты США, положительно оценивает стремление Ирана стать членом ВТО, так как это будет способствовать большей открытости внешнеторговых связей Ирана, прозрачности его товарных потоков и услуг, включая военные поставки.

Определенным этапом на пути к вхождению ИРИ в ВТО стали переговоры о заключении торгового соглашения с ЕС, которое сейчас заторможено из-за ядерной программы Ирана. В расчете на это соглашение, Иран впервые после революции принял решение о выпуске государственных еврооблигаций, что способствовало выходу Ирана на международные финансовые рынки, большему становлению во внешнеэкономической практике Ирана правил общемирового хозяйствования.

Вступление в ВТО, может стать стимулом для проведения в стране радикальных структурных реформ в промышленности, необходимых для активизации частного предпринимательства, ускорит процесс приватизации.

Наиболее ярким символом либеральных реформ, олицетворением отхода от идей национализации, которые долгое время отождествлялись с централизованной исламской экономикой, с исламским строем стало проведение в Иране *приватизации*. В 1979 г. согласно Закону о сохранении и развитии промышленности было национализировано около 1000 предприятий промышленности и сферы услуг. Из почти 800 промышленных компаний большая часть была передана Организации национальной промышленности (450 предприятий) и Организации развития и реконструкции (120 предприятий).

Остальные предприятия и компании были разделены между инвестиционным Промышленным банком и исламскими фондами – Фондом обездоленных, Фондом шахидов (павших) и Комитетом помощи имама Хомейни.³⁰⁸ Организация национальной промышленности и Организация развития и реконструкции были созданы еще до революции; под их контролем находились государственные предприятия. Программа приватизации предусматривала продажу частному сектору предприятий как принадлежавших государству в шахский период, так и национализированных после революции. Попытки денационализации, как упоминалось выше, стали периодически предприниматься вскоре после того, возросла бюджетная нагрузка из-за убыточности большинства государственных компаний. В декабре 1983г. имам Хомейни объявил о «Программе из 8 пунктов», направленной на уменьшение ограничений на деятельность средних предпринимателей. Предполагалось заинтересовать бывших владельцев компаний активизировать свою деятельность. В августе 1984г. Хомейни ставит перед правительством задачу устранить ограничения для частного сектора. Правда почти одновременно Рафсанджани заявил, что «частным сектором должно руководить исламское государство».³⁰⁹ За поддержку частного сектора выступил аятолла Монтазери, который в то время считался приемником рахбара. В течение 1984г. в связи с заявлениями о необходимости предоставить частному сектору большую роль в иранской экономике стал широко дебатироваться вопрос о возврате национализированных предприятий их бывшим владельцам, что вызвало крайнее обострение борьбы среди государственных и религиозных деятелей. Некоторые члены меджлиса требовали денационализации крупных предприятий. В основном идеи приватизации в этот период поддерживали сторонники группировки «Ходжати», считавшие не легитимным вмешательство государства в политику, в том числе экономическую, до прихода Махди. В самом правительстве не было единого мнения на то, какие предприятия могут быть

приватизированы и на каких условиях. Так, против приватизации прибыльных предприятий или путем передачи предприятий прежним владельцам решительно выступил тогдашний министр тяжелой промышленности Бехзад Набави. Он заявил, что будет пресекаться любая попытка «возрождения неокapитализма».³¹⁰ Столь же твердо выступил против приватизации председатель меджлиса Али Акбар Хашеми Рафсанджани, сказавший, что национализация – одно из наиболее важных достижений революции. Рафсанджани и Набави поддержал главный прокурор аятолла Мусави Ардебели. Премьер-министр Мусави заявил, что не может быть никакой помощи крупному частному капиталу. В результате закон о продаже акций государственных предприятий в то время принят не был. После окончания войны, когда остро встал вопрос о восстановлении хозяйства и особенно промышленности, а государственные предприятия в большинстве своем работали неэффективно, их мощности использовались наполовину, необходимость приватизации стала очевидной. Правительство Рафсанджани заявило, что хочет передать частному сектору около 900 промышленных предприятий. Но приватизация и использование иностранного капитала, эти два направления новой экономической политики, вызывали крайнее неприятие радикальных кругов. Оппозиция проведению денационализации была такова, что даже по истечении двух лет либеральных реформ глава Центрального банка все еще доказывал, что “иранская экономика больна” и “не сможет поправиться без... приватизации”.³¹¹ Согласно программе приватизации подлежало до 900 предприятий.

Однако выполнение этой программы потребовало различных законодательных обоснований, затянулось на много лет, и до конца пока не завершена. Правовой основой приватизации, как и всей политики либерализации, стали законы о пятилетних планах.

Наиболее важной законодательной основой проведения приватизации стал пункт 37 статьи 4 Закона о Первом пятилетнем плане. В этом пункте говорилось о продаже народу акций промышленных предприятий, за исключением «базовых». На основании данной статьи Правительство приняло Постановление т-528/109 от 19.02.1991 г. о приватизации, которое содержало перечень приватизируемых предприятий легкой промышленности.³¹² В него была включена 391 государственная компания, которых предполагалось приватизировать в течение трех лет. В рамках этого Постановления Министерство промышленности уже в мае 1991 г. подготовило программу продажи в течение 1991 и 1992 годов акций предприятий, входящих в состав Организации национальной промышленности, на сумму в 100 млрд. риалов.³¹³ Одновременно было заявлено о возможной продаже населению ранее национализированных предприятиях тяжелой промышленности. Уже в 1992 г. правительство обнародовало общую программу

приватизации в период выполнения Первого пятилетнего плана, в которую было включено 460 предприятий. Согласно этой программе, ответственность за приватизацию – решение о необходимости приватизации государственной компании, сроках и формах приватизации, определение стоимости акций и т. п. – возлагалась на те организации, в ведении которых находились государственные компании, главным образом на Организацию национальной промышленности, Организацию реконструкции и развития, Промышленный банк. Компания считалась приватизированной, если 51% ее акций были проданы.

Согласно указанной программе, приватизация, в зависимости от особенностей включенного в списки объекта, могла осуществляться тремя различными способами: путем продажи акций компаний через фондовую биржу, через тендеры, путем непосредственных переговоров с покупателями, путем продажи акций работникам предприятий. Подлежащие приватизации предприятия акционировались, проводилась стоимостная оценка новых компаний и, в зависимости от рентабельности, выбирался способ продажи.

Относительно эффективные предприятия становились эмитентами фондовой биржи. В число таких предприятий попали преимущественно компании, национализированные после революции. На основании тендеров и непосредственных переговоров с покупателями в начале 90-х годов стали приватизироваться небольшие предприятия, которые не всегда преобразовывались в акционерные компании. Наибольшие сложности сразу возникли с крупными малорентабельными предприятиями, акции которых трудно поддаются реализации на фондовой бирже, и значительная их часть продается работникам предприятий, различным государственным организациям, например, пенсионным фондам, банкам.

Предложенная правительством программа основную инициативу в деле подготовки списка приватизируемых объектов оставляла за теми Министерствами и их организациями, в состав которых входили предприятия. Правительство предполагало направить средства, полученные от продажи государственных предприятий, на поддержку программы приватизации.

В 1992 г. меджлис включил в закон о бюджете пункты, гласившие, что для продажи предприятий, которые перешли в ведение государства по закону, необходимо решение меджлиса. При этом средства от приватизации были направлены на завершение модернизации «базовых» объектов. Согласно бюджету на 1992/93 г., Организация национальной промышленности была обязана направить 800 млрд. риалов, полученных от продажи относящихся к ней предприятий, на завершение недостроенных промышленных

объектов. Организация реконструкции и развития Ирана на эти же цели за счет доходов от приватизации могла использовать 300 млрд. риалов. Таким образом, меджлис с самого начала проведения программы приватизации стал его контролировать, в значительной мере выступая оппонентом правительства, особенно по мере того, как в ходе приватизации начали проявляться не только позитивные, но и негативные ее стороны. Тем не менее, правительству Рафсанджани удалось инициировать приватизацию большинства национализированных ранее компаний. Так, в январе 1992 г. правительство объявило о продаже акций 10 автомобильных компаний, национализированных после революции, в числе которых были «Иран ходро», «Иран ванет», «Хавар», «Ходроусази», «Иран каве». При этом правительство заявило о готовности выплатить компенсацию прежним владельцам. Акции компаний поступили на Тегеранскую биржу.³¹⁴ В этом же году правительство объявило о продаже акций Аракского трубопрокатного завода, Аракского алюминиевого завода и Аракского металлургического комплекса. Так как при реализации акций этих трудоемких и малорентабельных объектов возникли трудности, особенно в случае с алюминиевым заводом, до 33% акций было разрешено продать по льготным ценам их работникам.³¹⁵ Во время моего посещения летом 1998г. завода «Иран ходро», самого крупного автомобильного завода страны, на вопрос о собственности компании, мне было сказано, что 43% акций продано работникам предприятия.

В 1992 г. правительство приступило к приватизации электростанций, реорганизовав их в самостоятельные акционерные компании. Однако сохранение высоких дотационных цен на электроэнергию тормозило продажу акций на свободном рынке. До 51% акций было разрешено продать работникам компаний, что вряд ли можно считать приватизацией компаний, в основном оставшихся под управлением министерства энергетики, а частично переданных Управлению железных дорог и другим государственным компаниям.³¹⁶

Из всех способов осуществления приватизации наибольшее распространение получила продажа акций через фондовую биржу. Тегеранская фондовая биржа начала работать с 1989 г. При этом нужно отметить, что и до революции рынок капитала в стране был развит слабо, а фондовая биржа из-за зависимости экономики от поступления нефтяных доходов не играла на этом рынке сколько-нибудь значительной роли. Основную долю операций биржи ценных бумаг в дореволюционные годы составляли бумаги государственных займов, на которые приходилось всего 0,5% ВВП³¹⁷.

После революции, когда экономика находилась под жестким контролем, а закон о банках объявил незаконными все операции с процентными займами, фондовая биржа, хотя официально не была ликвидирована, фактически бездействовала. И лишь с началом

приватизации она стала использоваться для продажи акций государственных предприятий. Фондовая биржа, безусловно, является общепризнанным инструментом приватизации, тем не менее, как показала практика других стран, ее использование в качестве такого инструмента часто бывает ограниченным. Многие из предприятий, включенных правительством в список приватизируемых, не соответствовали требованиям биржи и нуждались в структурной перестройке. Тем не менее, 75,5% всех акций приватизируемых предприятий в 1991 – 1992 гг. были реализованы через Тегеранскую фондовую биржу.³¹⁸ Однако в эти первые годы продажа акций государственных предприятий не принесла ощутимой прибыли, о чем косвенно свидетельствует снижение объема продаж на бирже - с 1,22% от ВВП в 1991/92 г. до 0,74% в 1992/93 г., в 1993 г. он фактически застыл.³¹⁹

Другим способом приватизации стала продажа акций через тендеры и прямые переговоры. Уже в первый год таким путем были проданы акции на 27,4 млрд. риалов. В течение 1992/93 г. эта цифра увеличилась до 198,3 млрд. риалов. Однако в следующем году, аналогично положению на Тегеранской фондовой бирже, произошел резкий спад продаж. За первую половину 1993/94 г. путем тендеров было продано акций всего на 36,2 млрд. риалов. Темпы проведения программы приватизации резко замедлились. На пути приватизации встали многие экономические и социальные проблемы, остававшиеся нерешенными; с ней стало связываться ухудшение экономической ситуации в стране. Под сомнение была поставлена стоимостная оценка некоторых приватизируемых предприятий, проданных по явно заниженным ценам. Одной из проблем, затруднявших проведение приватизации, было именно отсутствие механизма справедливой стоимостной оценки предприятий и определения цены акций. Не были обеспечены условия для работы независимых аудиторских компаний.

Новые владельцы, купившие предприятия на аукционах, не имели права сокращать численность наемного персонала, даже если она была выше, чем необходимо для работы предприятия. Затрудняло приватизацию и отсутствие четких правил относительно возможности покупки акций иностранными компаниями. Противоречия по вопросам приватизации между правительством и меджлисом, между меджлисом и Наблюдательным советом делали ее исход трудно прогнозируемым, усиливали страх перед ее новым витком.

Всего в 1991/92 г. частному сектору было продано акций на 3548,5 млрд. риалов. Но уже в 1993/94 г., несмотря на законодательное закрепление в законе о бюджете (примечания 43 и 49) объема продажи акций государственных компаний в 1050 млрд. риалов, было реализовано акций всего на 291,4 млрд. риалов.³²⁰

Лидером продаж акций в первые годы после начала приватизации была Организация реконструкции и развития. С 1989/90 г. по 1993/94 г., т. е. за 4 года, она реализовала акций на сумму 452,2 млрд. риалов. Несколько меньших результатов добились Организация Национальной промышленности (286,8 млрд. риалов) и Банк промышленности и рудников (197,8 млрд. риалов). Все другие государственные организации, в той или иной мере занимавшиеся приватизацией, в том числе коммерческие банки, не играли в этом процессе практически никакой роли.

Конечно, это крайне незначительные объемы продаж, свидетельствующие о том, что на пути приватизации возникали трудности, о том, что даже ее плановые цели не были достигнуты. Например, в 1993/94 г. Организация национальной промышленности и Промышленный банк продали акций на 10,1 млрд. риалов и на 10,5 млрд. риалов, что составляет соответственно 3,4% и 4,2% от плановых заданий, определенных в Законе о бюджете на 1993/94 г.

Поэтому правительство практически перенесло выполнение первоначальной программы приватизации на следующие пятилетние периоды.

При анализе процесса приватизации заслуживает внимания вопрос, к кому перешла собственность приватизированных объектов. К сожалению, точной статистики нет, тем не менее, данные об основных покупателях акций, полученные независимо друг от друга Тегеранской биржей и Министерством промышленности, идентичны, что делает их вполне корректными. Согласно этим данным, акции промышленных компаний, находившихся в ведении Организации национальной промышленности Министерства промышленности, были проданы :

33,4% – мелким частным собственникам, или, как принято говорить, «широкой публике»;

25,8% – оптовым компаниям;

24,1% – органам социального обеспечения;

9,5% – банкам;

6,3% – другим структурам.³²¹

В свою очередь, Промышленный банк сделал ставку на продажу большинства акций своих предприятий (60,6%) широкой публике.

Организация по реконструкции и развитию 71,8% своих дочерних фирм передала в частный сектор.

Министерство рудников и металлургии, которое не принимало активного участия в приватизации, большую часть акций своих компаний через посредство одной из своих

дочерних фирм, а именно, фирмы «Нордкавьян», передало в руки Организации по обеспечению общественной безопасности.³²²

Тегеранская фондовая биржа считала, что практически все акции приватизируемых компаний были куплены частным сектором – как отдельными лицами, так и частными компаниями. Но они, в свою очередь, стали их перепродавать банкам, которые в Иране вплоть до последнего времени были государственными (первый частный банк появился только в 2001 г.). В результате в руках коммерческих банков к началу 1994/95 г. оказалось акций на 195,6 млрд. риалов. Проследить дальнейшую судьбу продаваемых уже коммерческими банками акций сложно. В данном случае говорить о приватизации как о действительной передаче государственной собственности в частный сектор вряд ли правомочно, но вполне корректно можно вести речь о приватизации как о разгосударствлении и децентрализации собственности государства. Кроме того, коммерческие банки оперируют в основном с частными вкладчиками и компаниями, которые становятся участниками работы тех компаний, чьи акции приобретены этими банками, и с этой точки зрения покупку коммерческими банками акций государственных компаний также можно отнести к процессу приватизации.

В Иране проблеме действительного перехода государственной собственности в руки частного сектора придается принципиальное значение. Так как достоверная информация о том, какие из предприятий могут считаться частными, а какие лишь сменили собственника, которым могла стать другая государственная компания, отсутствует, в прессе часто говорится о кризисе приватизации. Аналитики газеты «Ресалят», органа консервативной Организации борющегося духовенства, подводя итоги приватизации в период деятельности первого правительства Рафсанджани (до 1994 г.), считали, что 33% проданных на Тегеранской бирже акций государственных компаний вновь купило государство.³²³ В первую очередь, это относится к деятельности банков и связанных с ними инвестиционных компаний. Покупка около 40 предприятий инвестиционной компанией социального страхования, по мнению «Ресалят», может считаться приватизацией.

Одной из причин такого кризиса иранские аналитики называли отсутствие четко проработанной программы приватизации и критериев перехода государственной собственности в частные руки. Составители первого пятилетнего плана развития ограничились лишь указанием о законности передачи акций государством в частный сектор. Исполнительные органы не несли конкретных обязательств по приватизации – определению числа объектов, стоимостной оценке и т. п. Отсутствовала полная информация о приватизируемых объектах, об их основных фондах, техническом

состоянии. Многие из предприятий продавались по ценам, которые были гораздо ниже их рыночной стоимости. Главным образом это касалось текстильных предприятий. При проведении приватизации не учитывалось то, что многие из крупных объектов имели значительную социальную инфраструктуру, включавшую жилищный фонд, учебные заведения и т. п. Разные промышленные министерства проводили разные курсы в отношении приватизации. Четкой программы приватизации не было разработано.

Поэтому с возникновением первых трудностей, связанных с отсутствием такой программы, механизм приватизации практически вышел из строя. Высказывались предложения о применении бесплатной ваучерной приватизации, чтобы соблюсти принцип социальной справедливости или установить льготные цены на государственную собственность.

Как мы видим, проведение приватизации в ИРИ, хотя компания по «расширению собственности» и продаже акций крупных частных и государственных компаний проводилась еще в шахский период, оказалось сопряженной с большими трудностями.

Экономический кризис, случившийся в конце действия Первого пятилетнего плана и совпавший с периодом разработки Второго пятилетнего плана, во многом повлиял на дальнейший ход приватизации, даже на мнение о ее целесообразности. Однако правительство Рафсанджани сумело перебороть эту тенденцию, пойдя на некоторые компромиссы при проведении приватизации. Так, в 1994 г. особенно острую критику в меджлисе вызвало включение в программу приватизации Metallургической компании («Санайе-е фелезие Иран»). Однако после того, как большую часть выставленных Организацией развития и реконструкции акций этой компании приобрела компания «Шеркете шахид», входящая в состав Фонда обездоленных, меджлис одобрил приватизацию этого объекта. При этом Фонду удалось добиться значительных льгот при покупке акций металлургической компании – он оплатил не 40% стоимости акций, как другие покупатели, а всего 10%, и получил право на рассрочку не на 3 года, а на 5 лет.³²⁴

Второй пятилетний план также назвал приватизацию одним из приоритетных направлений. Предполагалось, что к 2000г., т.е. после завершения Второго плана развития, государственная собственность будет составлять всего лишь 10%.³²⁵

Одним из главных противников широкой приватизации была Ассамблея борющегося духовенства, и когда один из ее лидеров – Мохаммад Хатами – стал в 1997 г. президентом страны, под сомнение была поставлена вся политика экономической либерализации. Однако правительство Хатами было сформировано в период, когда уже действовал закон о Втором плане развития, и оно не могло изменить законодательные основы экономического курса. В дальнейшем объективная необходимость повышения

эффективности экономики, и особенно государственного сектора, требовавшего все больших и больших бюджетных дотаций, сделали продолжение процесса приватизации одним из направлений курса нового президента страны.

В настоящее время основой проведения приватизации являются положения Третьего пятилетнего плана, в котором определены ее цели, задачи и направления. В нем также поставлена задача реорганизовать остающиеся в руках государства предприятия, чтобы повысить эффективность их работы.

Так, в статье 4 раздела 2 говорится, что государственные компании должны быть преобразованы в специальные холдинговые компании, работающие под наблюдением соответствующих министерств; при этом компании работают автономно, и их руководство самостоятельно в принятии решений.

В разделе 3 непосредственно говорится о приватизации государственных компаний. Статья 9 этого раздела гласит, что акции государственных компаний могут быть проданы частному сектору и кооперативам, при этом предпочтение отдается ветеранам войны. Согласно ст. 10, приватизация государственных компаний должна проводиться в рамках, установленных законом о Третьем пятилетнем плане, не противоречить Конституции страны, не угрожать национальной безопасности или суверенитету Ирана, не нарушать прав граждан и не приводить к созданию монополий, иметь целью улучшение работы предприятия и системы его управления, поощрять широкое участие граждан в проведении приватизации. Одобренные положения Четвертого плана социального и экономического развития продолжают эти тенденции, делая упор на создание условий для приватизации малорентабельных государственных предприятий. По состоянию на март 2004г. из проверенных Государственной аудиторской компанией 1705 государственных компаний, только 1006 получили прибыль, 116 компаний сумели покрыть свои расходы, а 583 компании, т.е. почти треть всех компаний, оказались убыточными,³²⁶ несмотря на благоприятное для Ирана финансовое положение из-за высоких цен на нефть.

В то же время государство, опираясь на конституционные нормы, выработанные сразу же после исламской революции, оставляет за собой право вынести за рамки приватизационных программ базовые отрасли, инфраструктурные объекты, предприятия оборонной промышленности.

Для большей координации процессом приватизации создана Приватизационная организация при Министерстве экономики и финансов, являющаяся юридически и экономически независимой.³²⁷

В программу приватизации включается все больше объектов, принадлежащих как государству, так и исламским фондам, усложняются ее формы. Так, в 1999 г. кабинет принял решение, которое должно было ускорить процесс приватизации, а именно о выплате компенсаций бывшим владельцам предприятий, национализированных после революции (пока речь шла только о крупных заводах). Предполагаемая сумма компенсаций составила 385 млрд. риалов, или 128 млн. долл. Выплаты должны были производиться с учетом 20-летней инфляции.³²⁸ Для реализации решения был создан специальный фонд, а также специальная правительственная организация, обязанная заняться проверкой претензий бывших собственников. Этот шаг иранского правительства мог инициировать возврат в страну бывших владельцев предприятий, а оставшихся на родине стимулировать к инвестированию.

Программа приватизации постепенно стала охватывать отрасли социальной инфраструктуры. В первую очередь это коснулось больниц, которые сначала были переведены на принцип самокупаемости, а затем стали продаваться страховым компаниям и частным лицам. В 2000 г. меджлис разрешил создание первого частного телевизионного канала.³²⁹

В 1980/81г. были закрыты все частные и иностранные школы. Но с 1985/86 учебного года стали открываться иностранные, а в 1988г. Высший Совет Культурной Революции разрешил создание частных школ. Деятельность этих школ, как и государственных, осуществляется в соответствии с правилами и под контролем Министерства образования. В частных школах в 2000-01 учебном году обучалось 8% всех учащихся³³⁰ Был снят запрет и на частные высшие учебные заведения.

Также получило одобрение со стороны законодательства создание первых частных банков, однако вопрос о приватизации ранее национализированных банков пока не поднимался.

К приватизации своих предприятий приступили исламские фонды, например, Фонд обездоленных. Этот фонд представляет собой холдинг компаний, национализированных после революции 1979 г. Считается, что по своим размерам фонд оценивается больше чем в половину не-нефтяной экономики Ирана. Он находится под прямым контролем духовного лидера Ирана, как и другие фонды, фактически освобожден от уплаты налогов. Когда Мохаммад Форузанде, бывший военный министр, принял руководство Фондом (после студенческих волнений лета 1999 г.), он заявил, что 80% из 350 его компаний являются убыточными, и что 250 компаний будут приватизированы. К середине 2001 г. приватизированными оказались лишь 37 компаний, включая и те, которые были проданы до осени 1999 г. В 2004г. руководители Фонда обездоленных, несмотря на победу на

выборах в меджлис консерваторов, заявили, что приватизация предприятий Фонда будет продолжена и что планируется ограничить число компаний с 400-500 до 50-60. Уже в ближайшее время предполагается выставить на продажу через тендеры 50 компаний Фонда обездоленных. Ход приватизации компаний фондов в миниатюре отразил особенности всего процесса иранской приватизации. Конечно, приватизация не только государственных компаний, но и предприятий исламских фондов идет трудно, так как распродаются, главным образом, нерентабельные предприятия.

Удачным примером приватизации стала покупка у Фонда обездоленных французской фирмой «Кастел» завода «Дамавенд», крупнейшего в Иране производителя минеральной воды.

Но более типичной, однако, была приватизация в 2000 г. текстильной фабрики в Рее, на юге Тегерана. По неофициальным данным, фабрика была продана всего за 2500 долл., но новый собственник согласился уплатить ее долг в 10 млн. долл. Через четыре месяца он заявил, что средств на выплату зарплаты и покупку сырья нет, и работа фабрики была остановлена. Этот случай не был единичным, в таком положении оказались несколько приватизированных объектов, особенно нерентабельные.

По словам Ираджа Надими, главы парламентского комитета по экономике 6-го меджлиса, некоторые новые собственники были больше заинтересованы в продаже машин и земли, чем в работе фабрик. Рабочие ранее приватизированных предприятий Фонда – обувной компании «Шаданпур» и текстильной «Джамко» из-за задержек зарплат и массовых увольнений потребовали от меджлиса признать недействительными акты приватизации и вернуть компании Фонду. Чтобы реабилитировать саму идею приватизации, правительство взяло на себя долги по выплате зарплаты и даже выдало кредиты новым владельцам.³³¹

Многие из предприятий, которые государство было готово приватизировать, даже несмотря на то, что они входят в число базовых, пока не находят покупателя. Исходя из информации, полученной в ходе неофициальных бесед с представителями деловых кругов, к таким предприятиям можно отнести, например, Исфаганский металлургический комбинат, построенный с помощью СССР. Даже ставить вопрос о его приватизации нелегко, так как он представляет собой не только производство, но и крупный социальный институт с развитой экономической и социальной инфраструктурой. Нет покупателей на предприятия энергетики, особенно в условиях контролируемых цен на электроэнергию. Подобные проблемы при проведении приватизации крупных объектов возникают во многих странах, в частности, в соседней Ирану Турции.

К настоящему времени основным способом приватизации стала продажа акций через Тегеранскую биржу³³² :

Год	Число компаний-эмитентов	Число акций, млн.	Стоимость акций, млрд. риалов
1986/87	37	0,74	1,7
1991/92	108	62,6	478,3
1994/95	151	149,2	793,4
1995/96	198	432,1	1880,6
1996/97	246	901,8	4381,6
1997/98	263	556,2	2017,6
1998/99	281	1202,7	3116,6
1999/00	295	1181,9	5243,8
2000/01	307	1681,5	9176,7

С 1991/92 г. по 2000/01 г., т. е. за 10 лет реформ, число государственных компаний, акции которых стали продаваться на фондовой бирже, увеличилось в 2,8 раза. При этом число акций, находящихся в обращении, выросло в 26,9 раза, а их стоимость – в 19,8 раза. Преобладающее положение на рынке ценных бумаг стали занимать акции с небольшой номинальной стоимостью; средняя стоимость акций уменьшилась с 7612 риалов в 1991/92 г. до 2591 риала в 2000/01 г. Это было связано и с тем, что продажи предприятий через тендеры стали сокращаться, и акции небольших предприятий также стали реализовываться через фондовую биржу.

С середины 90-х годов стала падать цена акций текстильных предприятий (до 2 – 3 тыс. риалов). Особенно тяжелой оказалась ситуация с продажей акций текстильных фабрик в Рее и Мазандеране («Насаджи Мазандеран»), несмотря на то, что их цена была практически символической – 100 и 150 риалов соответственно. При выпуске акций этих компаний на биржу номинальная их цена составляла более 1 тысячи риалов.³³³ Наиболее продаваемыми оказались акции компаний, национализированных после революции, так именно они до революции были наиболее рентабельными и хорошо оснащенными. Так, в десятку компаний с наиболее высоким уровнем капитализации в 1997 г. вошли крупнейшие до революции частные компании: «Иран ходро» (производство автомобилей), «Тоусиее санае Бехшахр» (многоотраслевая промышленная группа «Бехшахр»), «Сайпа» (автомобильная), «Парс электрик», «Полиакрил». Все десять компаний с наивысшим Р/Е (отношением рыночной стоимости акции к доходу) в 1996/97 г. – это компании,

национализированные после падения шахского режима.³³⁴ Среди 280 промышленных компаний – эмитентов биржи наиболее полно были представлены предприятия пищевой (40), химической (34) и цементной (32) промышленности.³³⁵

Активно в последние годы стала предоставлять на биржу акции своих компаний Организация развития и реконструкции. Часть предприятий продается ею через торги. В 2000/03 г. Организацией было продано акций на 900 млрд. риалов, а в 2003/04 г. она планирует реализовать акций своих компаний на 2000 млрд. риалов.³³⁶

После победы реформаторов на выборах в меджлис 6 созыва темпы приватизации ускорились. В 2001 г. правительство включило в список приватизируемых предприятий 532 государственные компании. Все они находились под контролем 53 управлений и министерств, четыре из которых относились к министерству нефти, пять – к министерству энергетики. 133 предприятия входили в состав Организации развития и реконструкции, 130 – Организации национальной промышленности. Часть предприятий находилась в ведении «Нефтегазовой компании Парс», «Парс газ компани», «Иран газ компани» и др. В приватизационный список были включены 10 нефтеперерабатывающих заводов, все нефтехимические предприятия и провинциальные газовые компании.³³⁷

Министр промышленности Эсхак Джахангир заявил о намерении приватизировать Табачную монополию,³³⁸ одну из старейших в стране государственных монополий, создание которой в 20-х годах XX века положило начало формированию государственного сектора.

Ускорение приватизации активизировало рынок капиталов. В бюджете на 2002/03 г. предусматривалась продажа акций государственных предприятий частному сектору на сумму в 6000 млрд. риалов (6 – 7 млрд. долл.), и хотя эти показатели не были достигнуты, тем не менее, по словам заместителя министра экономики и финансов Карбасиана, в руки частному сектору перешло акций на 3 млрд. долл.³³⁹ По отношению к частным инвестициям в экономику страны эта сумма превышает 4%, что может оказать стимулирующее воздействие на инвестиционный рост.

Политика приватизации в Иране сыграла огромную роль в процессе трансформации экономической системы монопольного типа, основанной как на монополии государства на нефтяную ренту, так и на исламских принципах приоритета общественных интересов над частными. Проведенная после революции национализация, которая не ограничилась единовременными акциями в 1979 г., а продолжалась в 80-е годы, конституционное обоснование монопольного права государства на владение важнейшими объектами экономики крайне сузили возможности развития в стране частного сектора.

В начальный период приватизации наибольшее значение придавалось таким ее результатам, как создание благоприятного инвестиционного климата и активизация деятельности частного сектора. В стране были опробованы разные способы и формы передачи государственных предприятий частному сектору. До сих пор она сопровождается достаточно сильными социальными гарантиями, особенно с точки зрения сохранения занятости. Наибольший акцент при осуществлении разгосударствления сделан в настоящее время на продажу акций через Тегеранскую фондовую биржу. Практика распределения акций между работниками предприятий фактически прекратилась как не оправдавшая себя экономически.

Несмотря на более чем десятилетний срок осуществления программ приватизации, госсектор сохраняет сильные позиции в экономике. Крупнейшие предприятия страны, в том числе включенные в программу приватизации, пока еще остаются в руках государства. Конечно, во многом это объясняется сохранением в руках государства нефтяной отрасли, от развития которой в наибольшей степени зависит развитие иранской экономики. В этой связи заявления правительства возможной передаче в руки частного сектора предприятий нефтегазовой отрасли несомненно свидетельствуют о смещении акцентов в экономическом развитии с государственного на частный сектор.

Для иранского общества, пережившего волну национализации и конфискации собственности, в том числе иностранной, сам курс на приватизацию имеет даже большее значение, чем ее результаты. Укрепляется уверенность частного сектора в безопасности его собственности, активизируется рынок капиталов. В конце 90-х – начале 2000-х гг. одной из основных целей приватизации стало создание условий, благоприятных для привлечения частных отечественных и, главное, иностранных инвестиций.

Одним из главных факторов социально-экономического развития Ирана в шахский период было широкое *использование иностранного капитала*, с помощью которого шахское правительство пыталось ускорить модернизацию экономики. Именно в этот период менялись формы и методы деятельности иностранного капитала в мире, широкое распространение получили ТНК. Международным монополиям в Иране был создан благоприятный инвестиционный режим, а после повышения цен на нефть интерес к Ирану еще более возрос как потенциальному покупателю высоких и дорогостоящих технологий.

Иран на короткое время стал как бы полигоном для новых мировых технологий, эффективность которых еще не была ясна для стран, их поставлявших. Западный и японский капитал стали активно осваивать нефтехимию, автомобилестроение, производство бытовой техники. Иранская экономическая система, включая трудовой ее фактор, оказались вполне способными освоить новые производства. Рейтинг Ирана на

мировых рынках с точки зрения его потенциальных возможностей закупки и освоения технологий повышался. ТНК стали завоевывать все более сильные позиции на иранском рынке, открывая совместные компании с иранскими предпринимателями, а чаще всего с государственными компаниями, имевшим доступ к государственным кредитам. Крупнейшей компаний страны являлась государственная Иранская Нефтяная Компания, которая после соглашения 1973г.с МНК, совместно с мировыми нефтяными компаниями, определяла стратегию нефтяной политики страны.. С 1970г. на базе нефтяной промышленности стала бурно развиваться нефтехимия, на долю которой в 1976/77г. пришлось 35,6% общего объема иностранных частных инвестиций.

Крупнейшие нефтехимические предприятия страны- смешанные компании, в которых помимо Нефтехимической компании были представлены американские “Гудрич”, “Амоко”, ”Эллайд кемикл”, японская “Мицуи” и др.

В 1975-1977гг. Иран заключил ряд соглашений между государственной Металлургической компанией, которой принадлежал Исфаганский комбинат, построенный СССР, и международными металлургическими концернами, на строительство заводов по прямому восстановлению железа(по разным технологиям, не получивших к этому времени заводского воплощения. Фактически в стране в середине 70-х годов не было ни одной крупной промышленной или торговой компании, не связанной с иностранным капиталом. С 70-х годов совершенно отчетливо становится стремление закупать прикладные технологии, связанные с производством и с организацией технологического процесса. В 1971г. принимается “Положение о классификации компаний, оказывающих технические услуги”, который предусматривал передачу иностранными компаниями опыта и научно-технической информации иранским компаниям в целях расширения собственных консультативных служб.

В 1974г. на правах министерства была создана Организация атомной энергии, программа деятельности которой предусматривала строительство 20 крупных реакторов, создание собственной сырьевой базы. В ядерную программу Ирана были подключены многие ведущие мировые компании, среди них и немецкая “Крафтверке Юнион”, и французская “Фрамагом”, и американская “Вестингауз”. Для облегчения доступа к сырью и ядерным технологиям Иран приобретает акции урановых концернов- ”Эвродиф” и “Коредиф”-соответственно 10% и 20% акций. Несмотря на явное желание приобрести технологии двойного использования, международные компании в этот период старались использовать возможности крупного покупателя. Инвестиционный рынок Ирана в более значительной степени работал на эффективность зарубежных компаний, чем внутреннего производства.

Основным каналом использования иностранного капитала стали банки. Иностраный капитал был представлен в 14 из 37 действовавших в стране банков. В системе коммерческих банков иностранному капиталу принадлежало 10% их оплаченного капитала.³⁴⁰ Большинство крупных иранских компаний было связано участием либо с международными компаниями, либо с крупными компаниями зарубежных стран. Именно приток иностранного капитала стал основным фактором ускоренной монополизации производства и рынка в Иране. Первые же компании, созданные с участием иностранного капитала в новых для страны отраслях при ограниченности иранского внутреннего рынка сразу же завоевали монопольные позиции. Иранское правительство пыталось изменить эту ситуацию, стараясь по мере укрепления национального капитала уменьшить долевое участие иностранного капитала в смешанных компаниях. Согласно указу 1972г. максимальная доля акций у иностранных инвесторов в текстильной и пищевой промышленности была установлена в 15%, в производстве строительного оборудования - в 20%, в нефтехимии, электронной и машиностроительной - в 25%. Для этих же отраслей, но при создании высокотехнологических производств, эта доля могла быть увеличена до 35%. Чтобы обойти эти ограничения, крупнейшие промышленные группы, возникшие в стране с помощью иностранного капитала и безраздельно господствовавшие на иранском рынке, создавали дочерние компании и получившее особенное распространение во второй половине 70-х годов инвестиционные компании. В них и направлялся иностранный капитал. В силу заинтересованности в зарубежных технологиях и иностранных специалистов, а также из-за теснейших связей шахской семьи с иностранными компаниями, контроль за деятельностью иностранного капитала не мог быть эффективным. Само по себе использование иностранного капитала стимулировало появление в Иране новых современных отраслей промышленности, хорошо оснащенных производств. Иранские студенты получали образование в Европе и США. Однако, содействуя формированию весьма узкого элитарного слоя, тесно связанного с шахским двором, иностранный капитал стал в глазах общества одной из причин монополизации рынка, роста цен, резкого «вымывания» из экономической жизни мелкого, особенно традиционного производства, что не компенсировалось расширением среднего предпринимательства. Разрыв между мелкими формами хозяйствами, в которых было занято большинство трудоспособного населения страны, и крупным, который представляли шахское окружение и иностранные компании, стал одной из причин революции, сломавшей шахскую модель развития.

После революции в ИРИ был введен конституционный запрет на использование иностранного капитала и иностранных специалистов, который означал отмену принятого

в шахский период закона о привлечении иностранного капитала. Одним из основных элементов экономической политики нового исламского режима стала национализация иностранной собственности. Еще недавно имевшая привлекательный для иностранных компаний инвестиционный климат, страна до минимума ограничила контакты с мировым финансовым рынком, сведя их к расчетам по импортно-экспортным операциям, контролируемым государством. Официально Иран перестал прибегать к внешним займам, использованию иностранных инвестиций, при этом продолжал погашать шахский внешний долг. Безусловно, в основе отказа от внешних источников финансирования лежали политические, а вернее идеологические принципы. Тем не менее, в условиях войны, хроническом бюджетном дефиците, больших военных расходах, падение валютных запасов из-за падения цен на нефть, Иран пытался найти источники финансирования у международных организаций и иностранных банков. Как уже упоминалось в параграфе 2, в конце июля 1984г. радиостанция «Седайе Неджате Иран» сообщила, что иранская делегация провела неофициальные переговоры с представителями ряда японских банков о получении займов на сумму около 1 млрд.долл., а в марте 1984г. была официально увеличена квота в Банке развития и реконструкции.³⁴¹ Иран, видимо, был готов пойти на использование иностранного капитала, но из-за ярко выраженных после революции «антиимпериалистических» заявлений и действий подход международных кредиторов к Ирану был настроенным. В 1990 г. сальдо движения прямых иностранных инвестиций было отрицательным, составив 392 млн. долл. Аналогичная ситуация была только в Анголе.³⁴²

Как говорилось выше, переход к либерализации экономики включил в себя постепенное изменение к использованию иностранного капитала. Законодательное одобрение использование иностранного капитала, фактически вступившее в противоречие с конституционной нормой, было сформулировано в Законе о Первом пятилетнем плане социально-экономического развития. В нем была предусмотрена возможность использования иностранного капитала для восстановления важнейших объектов, разрушенных в ходе ирано-иракской войны. Закон о Первом пятилетнем плане одобрил также создание первых свободных экономических зон, в которых разрешалось использование иностранных кредитов и прямых инвестиций иностранных компаний. Государство стало широко привлекать кредиты зарубежных компаний и международных финансовых организаций. Однако законодательная основа для использования и деятельности иностранного капитала отсутствовала, за исключением тех положений Первого плана, в которых разрешалось использование кредитов на условиях «бай-бэк» (buy-back). Условие «бай-бэк» предусматривает, что расчеты

иранской стороны с инвестором будут осуществляться либо прямыми поставками продукции, либо путем сбыта продукции какому-либо другому иностранному покупателю, который берет на себя обязательство произвести гарантированные платежи инвестору. Эти условия могли представить интерес главным образом для крупных компаний, обладающих значительными финансовыми возможностями и заинтересованных в реализации той продукции иранских предприятий, которая пользуется спросом на мировом рынке. Эта форма остается основной до сегодняшнего дня. В последние годы иностранный капитал используется на условиях «файнанс», при которых инвестор после ввода в эксплуатацию объекта получает платежи в валюте.

Правовые условия для прямых иностранных инвестиций, особенно долгосрочных, отсутствовали. Правительство Рафсанджани, заинтересованное в притоке иностранного капитала, признало действующим закон о деятельности иностранного капитала и о защите иностранных инвестиций, принятый в 1955 г., в который были внесены незначительные изменения. И сразу же стали появляться компании со смешанным капиталом. Иностранный капитал очень осторожно, но пошел в иранскую экономику.

Только за 1993/94 – 1995/96 г. в обрабатывающей промышленности доля прямых иностранных инвестиций в смешанных компаниях составила почти 70 млн. долл., а общее участие, включая выданные компаниям кредиты, – почти 350 млн. долл.³⁴³ В зависимости от отраслевой специализации компаний доля иностранного капитала была разной – от 30% до 50%, а немецкой компании «Кенаф» было дано разрешение на долю в 83%. Наиболее привлекательными для иностранного капитала были нефтехимия, производство красок, технических масел, изделий из резины и пластика, электротехника.

Однако с середины 90-х годов привлечение иностранного капитала столкнулось с рядом трудностей, связанных с образованием у страны внешнего долга и ужесточением позиции США по отношению к Ирану.

США ввели эмбарго на торговлю с Ираном, а затем и санкции (ILSA) против компаний, инвестирующих в нефтегазовую отрасль Ирана. Многие из ранее заключенных соглашений об организации совместных производств были расторгнуты. Тот потенциал экономического роста, который возник в результате либерализации внутреннего и внешнего рынка, а также проведения приватизации, в значительной мере был ограничен снижением заинтересованности иностранных компаний в иранском рынке. Для Ирана с его новыми экономическими приоритетами, в частности, целью создания экспортноориентированной промышленности, привлечение иностранного капитала было необходимо прежде всего для получения необходимых технологий. Кроме того, с

помощью одного лишь отечественного капитала оказалось невозможным добиться быстрого расширения промышленного производства, способного улучшить ситуацию на рынке труда. Из-за всплеска рождаемости в 80-е годы в Иране сложилась такая демографическая ситуация, при которой прирост лиц трудоспособного возраста значительно опережает возможности экономики по их трудоустройству. 90% членов меджлиса выразили убежденность, что решить проблему безработицы можно только с помощью иностранных инвестиций.³⁴⁴

Основное внимание правительство Мохаммада Хатами уделило созданию благоприятных условий для прямых иностранных инвестиций. Однако деятельность иностранных компаний была ограничена рядом условий, главным из которых является максимум долевого участия в смешанных компаниях до 50%. Сохранялась неопределенность в правовой защите иностранных инвестиций. Все это обусловило чрезвычайно низкий уровень чистого притока прямых иностранных инвестиций в иранскую экономику. Особенно острой после принятия Соединенными Штатами закона ILSA стала проблема притока иностранных инвестиций в нефтяную промышленность и в газовую отрасль, которую Иран надеялся с помощью иностранных компаний превратить в экспортную. Большое значение в прорыве инвестиционной блокады в нефтегазовую промышленность Ирана сыграло соглашение, подписанное в 1997 г. французской «Total», российским «Газпром» и малайзийской компанией «Petronas», о совместном вложении 2 млрд. долларов в разработку газового месторождения «Южный Парс» в Персидском заливе. Вашингтон оставил этот шаг без последствий, что позволило Ирану в дальнейшем заключить ряд контрактов с крупными европейскими компаниями. Тем не менее, до сих пор любая сделка Ирана с какой-либо иностранной компанией встречает со стороны США сильное противодействие.

Летом 2002 г. после двухлетнего обсуждения в меджлисе и Наблюдательном Совете был принят новый закон о привлечении иностранных инвестиций. 10 июня 2002г. он был окончательно утвержден Советом по определению целесообразности, и с 28 июля 2002г. вступил в силу. Конечно, новый закон еще не полностью удовлетворяет западным стандартам и условиям рыночной экономики. Но для исламской страны- это прогрессивный шаг в сторону привлечения в страну крупных капиталовложений. Принятие этого закона не отменило действие Закона 1975г. об создании Организации по инвестиционному, экономическому и технологическому содействию, а также положений закона 1931г., запрещающего иностранному инвестору иметь в собственности землю.

Как и ранее действующий, новый закон оставил довольно сложным для иностранных компаний порядок инвестирования в иранскую экономику. Действуют

несколько органов, занимающихся вопросами привлечения и использования иностранного капитала. Главным регулирующим органом является Министерство экономики и финансов. В его составе находится Организация по инвестициям, экономическому и техническому содействию (ОИЭТС), которую возглавляет заместитель министра экономики и финансов. Он же одновременно является председателем Комитета по привлечению и защите иностранных инвестиций. Комитет по привлечению иностранных инвестиций рассматривает инвестиционные проекты и передает их на утверждение правительству. Членами КПЗИИ являются: заместитель министра экономики и финансов (руководитель ОИЭТС), замминистра иностранных дел, замминистра промышленности, заместители глав Планово-бюджетной организации и Центрального банка, президент Торгово-промышленной палаты Ирана.

Разработка инвестиционной политики в Иране возложена на Высший Совет по инвестициям, членами которого являются главы ведущих экономических министерств страны – экономики и финансов, сельского хозяйства, промышленности, иностранных дел, Планово-бюджетной организации.

ОИЭТС считает приоритетными инвестиции, направляемые в экспортные производства. Она оказывает поддержку только тем инвесторам, проекты которых будут приносить доход в валюте. Для иностранных компаний поддержка ОИЭТС является определенной гарантией сохранности инвестиций, предусмотренных Законом о привлечении и защите иностранных инвестиций в Иране.

Иностранный партнер, готовый инвестировать в иранскую экономику, сначала должен найти себе иранского партнера. Затем иранский и иностранный участники совместного проекта получают в соответствующем министерстве «установочную» лицензию и заключают «базовое соглашение».

После этого проект, сопровождаемый рядом документов о финансовом положении инвесторов, предоставляется в ОИЭТС. ОИЭТС подготавливает подробный доклад для представления в КПЗИИ, Комитет в случае положительного решения и по согласованию с Министерством экономики и финансов готовит представление в Кабинет министров. И только постановление Кабинета министров является официальным разрешением для создания совместного предприятия.

Одним из основных условий для привлечения иностранного капитала, обеспечивающее инвестору разрешение на деятельность, является то, что инвестиции должны способствовать экономическому росту, повышению технологического уровня, увеличению занятости и росту экспорта. Наиболее приоритетными считаются инвестиции в экспорториентированные производства. Как и в других странах, иранское

законодательство в качестве одного из условий выдвигает отсутствие угрозы национальной безопасности, экологическую безопасность..

Сохранилось достаточно много ограничений на ввоз капитала. Иностранный капитал не может привлекаться в те отрасли народного хозяйства, в которых запрещена деятельность частных национальных компаний. Кроме того, иностранные инвестиции не должны стать препятствием национальному производству. Использование иностранного капитала не должно повлечь предоставление концессии, т.е. оно запрещено, если может привести к возникновению монопольного положения, получению особых прав и привилегий.

Запрещены прямые инвестиции иностранного правительства. В этом случае капитал подлежит выводу из экономической системы Ирана. Законодательство об иностранных инвестициях распространялось на компании только тех стран, в которых иранские компании имеют условия, одинаковые с национальными фирмами. Не разрешается привлечение иностранного капитала в сферу услуг и, в частности, в торговлю и банковскую систему.

Процентное соотношение продукции производимой с привлечением иностранного капитала не должен превышать 25% от общей продукции отрасли и 35% в каждой подотрасли. Но для инвестиций в экспортные производства эти нормы необязательны.

Форма и цель деятельности совместного предприятия не должны противоречить нормам ислама. Не разрешается также создание предприятий со 100-процентным иностранным капиталом. Разрешение споров, возникающих в связи с осуществлением иностранных инвестиций на территории Ирана, должно осуществляться в иранских судах.

В новом законе расширен раздел о правах иностранных инвесторов в ИРИ, гарантирована защита новых форм инвестирования, которые не предусматривались законом 1955г. Принципиально новым является положение о том, что закон обеспечивает равные гарантии всем инвесторам, а в случае национализации гарантирует компенсацию. Отличается и само понятие компенсаций. Если в законе 1955г. речь шла о «справедливой» выплате, которую каждая сторона могла (и понимала после революции) по-своему, то закон 2002г. гарантирует выплату компенсаций на основе реальной рыночной стоимости.

По новому закону перевод прибыли из Ирана осуществляется в твердой валюте. Если закон 1955г. разрешал перевод прибыли, полученной в результате экспорта продукции, произведенной на предприятии с участием иностранного капитала, хотя на практике осуществлялся и перевод прибыли, полученной от деятельности на внутреннем рынке. Новый закон возможность перевода такой прибыли через иранские банки сделал правовой нормой.

Изменен и порядок разрешения возникающих споров. Если раньше все споры разрешались только иранским судом, сейчас этим правом наделены арбитражные суды. Но такая возможность предоставляется только в том случае, если между Ираном и государством, которое представляет инвестор, подписано двухстороннее соглашение об иностранных инвестициях. И даже более того, право воспользоваться арбитражным судом реализуется только после разрешения иранского меджлиса.

По новому закону учитывается не гражданство инвестора, а то, какую страну он представляет. Особенно важно это положение для иранцев, эмигрировавших из Ирана.

Если предыдущий закон значительно ограничивал сферы приложения иностранного капитала, то новый этих специальных ограничений не содержит. Для иностранных инвестиций открыт, например, сектор услуг.

Под правовую норму введены новые формы привлечения иностранных инвестиций, в том числе «бай-бэк» и ВОТ(build-operate-trasfer).

ОИЭС оказывают правовую поддержку иностранным инвесторам в случае позитивного принятия решения об инвестировании. При этом иранское законодательство предусматривает равные права в отношении защиты как иностранных, так и отечественных инвестиций. Правовая защита предусматривается как для инвестиций в товарной, так и денежной форме. Если принимается решение о предоставлении иностранному инвестору правовой защиты, то его капитал не подлежит конфискации, за исключением случаев, затрагивающих национальные интересы.

Несмотря на то, что новый закон внес правовую определенность в процесс привлечения иностранного капитала, облегчил его использование, тем не менее многих ограничений на деятельность капитала он не снял. Громоздким и сложным остался процесс получения разрешений. Неопределенным остался вопрос об отраслевом долевом участии иностранного капитала, так как периодического статистического подсчета доли разных секторов- государственного, частного и иностранного, не налажено. По-прежнему для иностранных инвесторов остается закрытой нефтегазовая отрасль.

Хотя радикально изменить ситуацию с привлечением в экономику иностранных вложений не удалось, тем не менее, их приток стал увеличиваться еще накануне принятия нового закона. Растет уровень прямых иностранных инвестиций. В 1998 г. они составляли всего 24 млн. долл. (на уровне Непала, Монголии, Чада, Таджикистана). Но уже в 1999 г. приток чистых иностранных инвестиций увеличился до 85 млн. долл.³⁴⁵ В последующие годы объемы прямых иностранных инвестиций в Иране составляли: в 2000/1г.-400 млн.долл, в 2001/2г.-2,1 млрд.долл., в 2002/3г.-2 млрд.долл., в 2003/4г.-2,2 млрд. долл.³⁴⁶

Таким образом, приток прямых инвестиций в 2003/04 г. превысил их уровень в 1999/2000 г. более чем в 25 раз. Основной формой привлечения являются условия «бай-бэк»(соответственно 0,4:2,0;1,9 в 2,0 млрд.долл.).

Принятие нового закона, предоставившего больше прав и гарантий иностранным инвесторам, увеличил привлекательность иранского рынка. Интерес к инвестированию в иранскую экономику усилился также после того, как в Иране было законодательно разрешено создание частных банков. Показательным стало, например, решение от 19 декабря 2002 г. об участии базирующейся в Вашингтоне International Finance Corporation (IFC) в образовании смешанной лизинговой компании – «Карафарин лизинг». Это были первые за 28 лет инвестиции IFC в Иран. Главными инвесторами новой компании, предназначенной для финансирования услуг частного сектора, стали французский банк и первый частный банк Ирана – Карафарин³⁴⁷, который получил лицензию на деятельность в декабре 2001 г.

Правительство рассчитывает привлечь иностранные инвестиции в выполнение программ по развитию нефтехимии, автомобилестроения, металлургии, нефтегазовой промышленности, инфраструктурных отраслей. Безусловно, приток иностранного капитала сдерживается законодательно одобренной формой «бай-бэк»и «финанс». Для исламской республики, которая долгое время считала да и сейчас связывает принцип национального суверенитета с запретом на иностранную собственность, эти формы наиболее приемлемы, так как не дают иностранным компаниям право на собственность.

Предполагается привлечь иностранные фирмы к выполнению программы по развитию цементной промышленности, предусматривающей строительство до 2021 г. как минимум 17 новых заводов. В начале 2003 г. о заинтересованности в строительстве новых энергетических объектов заявили несколько иностранных компаний, при этом шесть из них будут строить электростанции на условиях ВОР (build – operate – transfer), шесть – на условиях ВОО (build-own-operate).³⁴⁸ Условия ВОР предполагают постепенную передачу объекта в собственность иранского заказчика по мере возмещения затрат инвестора. Условия ВОР долгое время были единственными, на которые соглашался меджлис при привлечении иностранного капитала в нефтегазовую промышленность, так как они оставляют за Ираном право на собственность. На условиях ВОО (строй – владей – действуй), которые лишь совсем недавно введены в практику использования иностранного капитала, объект строится как собственность инвестора.

Достаточно серьезным препятствием для деятельности иностранного капитала, для совместных инвестиционных проектов, является до сих пор существующий запрет на деятельность иностранных банков в Иране. Открыты лишь представительские филиалы

BNP Paribas, Credit Agricole Indosuez, Credit Lyonnais, Deutsche Bank, HSBS, Нурovereinsbank, Lloyds-TSB. Иностранные банки могут создаваться и действовать в свободных экономических зонах.

Наибольшее внимание Иран уделяет привлечению иностранных инвестиций из развитых стран мира, тем не менее, предпринимаются меры и по активизации инвестиционной деятельности в рамках Организации Экономического Сотрудничества. В феврале 2003 г. на острове Киш, являющемся свободной экономической зоной, был проведен первый инвестиционный семинар ОЭС. Помимо стран – членов ОЭС, в работе семинара приняли участие представители Исламского банка развития, Организации индустриального развития ООН (UNIDO), UNCTAD, ESCAP (Экономическая и социальная комиссия стран Азии и Дальнего Востока). Целью семинара являлось обсуждение вопросов, связанных с деятельностью Банка торговли и развития ОЭС, конкретных инвестиционных программ, в частности, связанных с послевоенным восстановлением Афганистана, инвестиционного климата, вопросов смягчения тарифов и создания условий свободной торговли стран – членов ОЭС.³⁴⁹

Но лидирующие позиции по инвестиционной активности в Иране занимают компании Германии, Италии, Франции, Великобритании. Немецкие компании ведут принимают активное участие в особой портовой зоне в Бендер Имам Хомейни, а также в расширении портового хозяйства на острове Кешм.

Английские компании наиболее активно действуют в энергетике, а также в автомобилестроении. Общая сумма инвестиций, которые британские фирмы в 1999 г. готовы были вложить только в топливно-энергетический комплекс, оценивалась в 8 млрд. долл. «Shell», «British Petroleum» участвуют в освоении газового месторождения Южный Парс. «British Petroleum» вместе с Иранской национальной нефтяной компанией создала совместную компанию NIOC LNG для разработки 11-го участка этого гигантского месторождения, в марте 2003 г. к ним присоединилась итальянская «Agip».³⁵⁰ «Agip» намерена продавать газ в Европу, «British Petroleum» – в Индию. «Shell» работает над проектом по разработке нефти в иранской части шельфа Каспийского моря.

Расширяется присутствие в Иране французского капитала. Главная сфера его деятельности – энергетические проекты, от разработки газовых и нефтяных месторождений до строительства электростанций и линий электропередач. В электроэнергетике наиболее сильно представлена французская «Альстом», среди нефтяных компаний – «Elf Aquitaine», среди газовых – «Total». Так, «Elf Aquitaine» совместно с итальянской «ENI» подписали в 1999 г. контракт с ИРИ на модернизацию нефтяного месторождения Доруд. Контракт заключен по схеме «бай-бэк», т. е. компании

получат право на часть добытой нефти, и путем ее продажи вернут вложенные средства. Также контракт предусматривал увеличение объема нефти, добываемой в Доруде, с 148,000 до 220,000 баррелей за день в течение следующих четырех лет. Доля «Elf Aquitaine» и «ENI» в контракте составляет 55% – 45%. В апреле 1999 г. «Elf Aquitaine» и канадская «Bow Valley», подписали с Ираном контракт на 300 млн. долларов на разработку Балальского нефтяного месторождения в Персидском заливе. Согласно контракту, франко-канадский консорциум будет возвращать вложенные средства посредством продажи добытой сырой нефти в течение 6 лет.

Итальянские фирмы, помимо энергетики, активно работают в металлургии. Итальянская «Даниэлли» имеет контракт на модернизацию и расширение Исфаганского металлургического завода, строительство металлургического комбината в Йезде. В июле 1998 г. тогдашний премьер-министр Италии Романо Проди посетил Тегеран, и вскоре после этого итальянские банки предоставили иранским кредитную линию в 1,2 млрд. долл.

В последние годы активность проявляют южно-корейский, японский, австрийский, швейцарский, шведский капиталы. С участием турецкой «Боташ» (строительство и эксплуатация трубопроводов) осуществлен проект по строительству газопровода между Ираном и Турцией (Табриз – Эрзерум), по которому уже с 2001 г. газ поставляется в Турцию. После подписания в 1996 г. контракта о строительстве этого газопровода США не стали применять санкции против «Боташ». В июле 2003г. заключено соглашение с Японией на разработку крупнейшего в мире нового месторождения Азадеган, запасы которого оцениваются почти в 30 млрд.баррелей. Со стороны Японии создан консорциум, лидерами которого являются компании «Джапекс» и «Инпекс», подписавший контракт на Азадеган в 2,8 млрд.долл. Контракт был заключен, несмотря на противодействие США.

После принятия Ираном нового закона о защите иностранных инвестиций у иностранных держав вырос интерес к совместным проектам не только в нефтегазовой, но и в других отраслях. Так, начиная с 1999 г. Национальная цинковая компания Ирана неоднократно объявляла тендер на строительство нового цинкового завода в Зенджане мощностью 100 тыс. тонн в год на базе месторождения Ангуран. Однако из-за неопределенности инвестиционного климата найти инвесторов не удавалось. Но уже в 2003 г. в тендерах участвовали несколько иностранных компаний, образовавших совместные компании с иранскими фирмами. Были заключены контракты с пятью такими компаниями, которые будут участвовать в финансировании, строительстве и эксплуатации завода. Одна из пяти групп образована иранской «Кейзон групп» и южно-африканской компанией «Bateman». В другую вошли иранская «Кахан роба» и немецкие «Lurgi» и

«Autocolombus», в третью – иранская «Уритек», немецкая «Ferostaal» и испанская «Tecnicas Reunidas», в четвертую – иранская государственная компания «Тоулиде гостар» и австралийская «BHP Group», и в пятую – иранская «Намзаран» и канадская «SNC Lavalin»³⁵¹.

Несколько европейских компаний в мае 2003 г. выиграли тендер на участие в строительстве крупного цементного завода в Зенджане (2 тыс. тонн в день).³⁵² В 2003 г. заключен контракт с Индией, которая будет участвовать в строительстве металлургического завода в Ширазе производительностью 130 тыс. тонн стали в год.³⁵³

Однако основной сферой интересов иностранного капитала продолжают оставаться энергетические проекты. Постепенный допуск национального частного капитала в отрасли, связанные с добычей, транспортировкой и реализацией нефти и газа, дает иностранным компаниям более широкие возможности для участия в этих отраслях. Если в начале процесса либерализации использование иностранного капитала ограничивалось условиями «бай-бэк» и ВОР, то согласно последним тендерам формы привлечения инвестиций могут быть разными, включая создание совместных акционерных компаний. Иностранный капитал начал участвовать в программе приватизации – как через покупку акций на Тегеранской фондовой бирже, так и через систему торгов. Так как рынок государственных ценных бумаг находится в стадии становления, портфельные инвестиции не приобрели сколько-нибудь значительного влияния на развитие иранской экономики. Наибольшее внимание уделяется увеличению притока прямых частных иностранных инвестиций.

Таким образом, за период реформ, продолжавшийся немногим более десяти лет, иранский режим кардинально изменил свое отношение к возможности использования иностранного капитала, пройдя путь от полного его запрещения до привлечения. Несмотря на противодействие консервативного духовенства, рассматривающего политику использования иностранного капитала как возврат к шахским временам, правительству удалось не только провозгласить курс на поощрение иностранных капиталовложений, но и добиться принятия закона о поддержке и гарантиях иностранных инвестиций. Рост прямых иностранных инвестиций в 2000/01 – 2003/04 гг. до 6,2 млрд. долл. в значительной мере был следствием оптимальных для иранской экономики условий, связанных с высокими ценами на энергоресурсы. Инвестиционный климат в стране продолжает оставаться нестабильным, кредитно-финансовая система находится в руках государства, деятельность банковской системы ограничена исламскими принципами, что снижает заинтересованность иностранных компаний в иранском рынке капитала. Особенностью деятельности иностранного капитала в Иране является также то, что он

чаще участвует в совместных проектах с иранскими государственными компаниями, чем с частными. В условиях, когда политическая ситуация в стране является нестабильной, а экономические постановления, решения и законы противоречивы, такое сотрудничество облегчает иностранному инвестору получение необходимых лицензий, обеспечивает гарантии защиты капитала. Поэтому наиболее активно иностранный капитал, помимо нефтегазовых проектов, действует *в свободных экономических зонах*.

Создание свободных зон, представляющих хозяйственные анклавов, которые связаны с государственной территорией лишь финансовыми и товарными потоками, представляется для государств с централизованной экономикой наиболее безболезненным способом апробации рыночных принципов ведения хозяйства. Вопрос о необходимости создания свободных зон поднимался в Иране еще в 80-х годах, когда еще господствовали принципы «тоухидной экономики», условия военного времени усиливали потребность в усиленном государственном вмешательстве в экономику, но они же заставляли правительство искать пути более тесного взаимодействия с мировым рынком, с иностранным капиталом. В качестве наиболее оптимального рассматривался вариант создания свободных зон на островах, что обеспечивало бы им территориально анклавный характер. Однако эти попытки правительства А.Мусави были фактически лишь заявлениями о намерениях. Реальное осуществление планов по организации свободных зон началось с начала 90-х годов, т.е. с переходом к политике экономической либерализации. Программа создания свободных зон была включена в текст Первого пятилетнего плана. Он предусматривал организацию трех свободных зон – на островах Киш и Кешм и в районе порта Чахбахар, расположенного на восточном берегу Оманского залива.

В настоящее время разработана программа организации 15 – 20 свободных зон различного типа. Это и свободные экономические зоны, и особые портовые свободные зоны, и специальные экономические зоны, специализирующиеся на производстве определенного вида продукции и торговле ею. Особые экономические зоны, главным образом, отличаются от свободных зон меньшим набором налоговых льгот.³⁵⁴

Деятельность свободных экономических зон в Иране осуществляется на основании Закона о свободных коммерческо-индустриальных зонах, принятого еще на начальном этапе либерализации- в августе 1993 г.

Согласно этому закону, физические и юридические лица, занятые в зоне различными видами экономической деятельности, освобождаются от уплаты налогов на срок до 15 лет со дня получения лицензии на деятельность (статья 13). Экспорт товаров, произведенных в свободной зоне, в другие районы страны может по решению правительства

освобождаться полностью или частично от уплаты таможенных сборов и налога на прибыль. Импорт товаров полностью освобождается от уплаты пошлин и налогов на прибыль. Ввоз и вывоз капиталов и доходов, полученных от экономической деятельности в каждой из зон, являются свободными (статья 20). Статья 18, разрешает создание в зонах частных банков и отделений иностранных банков, но требует, чтобы деятельность банков придерживалась исламских норм.³⁵⁵ Однако прямых ссылок на банковский закон 1983 г. о деятельности «без рибана» закон о свободных зонах не содержит. И уже в 1999 г. Центральный банк Ирана принял постановление, разрешающее деятельность в свободных зонах иностранных банков и страховых компаний со 100%-ным иностранным капиталом без каких-либо ограничений деятельности.

Лимит основного капитала, требуемого для открытия банка, был установлен в 10 млн. долл., а для создания кредитно-финансовой компании – 5 млн. долл. Все расчеты в свободных зонах должны производиться в твердой валюте, наличные валютные средства могут ввозиться и вывозиться из зон свободно, но не в Иран.³⁵⁶

Вслед за первыми тремя свободными зонами стали организовываться особые экономические зоны. В последние годы стали создаваться специальные экономические зоны (новые, либо на базе существовавших свободных зон), имеющие профилирующую товарную специфику.

В 2000 г. в Иране активно функционировало восемь зон, из них наиболее эффективно работающей является СЭЗ «Кешм», расположенная на самом большом иранском острове в Персидском заливе. В развитие этой СЭЗ вложено 1,5 млрд. долл., 30% от этой суммы составляют частные инвестиции. 50% капиталовложений направлено в промышленный сектор, 30% – в инфраструктуру и сервис, 20% – в торговлю. Предприятия Кешма производят и экспортируют около 147 видов промышленной продукции. Действуют предприятия: по производству водяных насосов (120 тыс. штук в год), по производству изделий из хрусталя и многослойных труб (совместно с Чехией), китайско-иранское предприятие по производству анодной и катодной меди (3 млн. тонн в год). На Кешме изготавливаются также осветительные приборы, видеокассеты, нагревательные и кухонные приборы, часы и т. д. Кешм располагает современной транспортно-складской инфраструктурой. Ряд крупных зарубежных компаний, например, «Тойота», имеют здесь свои перевалочные склады, через которые продукция сбывается не только в Иран, но и в арабские и европейские страны. В 1998 году в эксплуатацию введен аэропорт, действует собственная авиакомпания.

На острове началось строительство первого частного нефтеперерабатывающего завода с участием компаний Южной Кореи и Сингапура. Продукция завода

ориентирована на экспорт, этот крупный проект (уже инвестирован 1 млрд. долл.)³⁵⁷ стал первым примером прямых частных иностранных инвестиций в нефтеперерабатывающую отрасль Ирана. В 1996 г. глава СЭЗ Кешма заявил, что объем прямых инвестиций составил 4 млрд. долл., а число иностранных инвесторов достигло 541.³⁵⁸ В 1997 г. на острове началось строительство с участием иностранных компаний и частной иранской компании, зарегистрированной в Англии, первого в Иране частного алюминиевого завода первоначальной мощностью в 150 тыс. тонн алюминия в год. Государственный завод в Араке имеет мощность в 120 тыс. в год, второй завод около Бендер-Аббаса – 110 тыс. тонн.

Ограничения на поставки в Иран товаров из свободных зон, которые меджлис ввел в 1993 г., снизили обороты торговли СЭЗ, в том числе через Кешм, с остальными районами страны более чем в три раза. В 1993 г. из Кешма в Иран было вывезено товаров менее чем на 100 млн. долл. Несмотря на постепенный отход от этих ограничений, объемы продаж через Кешм не велики – порядка 300 – 400 млн. долл., что, видимо, можно объяснить тем, что основная продукция предприятий этой СЭЗ экспортируется.

Идея превращения в свободную зону небольшого острова Киш в Персидском заливе начала реализовываться еще в период шахского режима. Центром беспошлинной торговли и финансовых сделок он не стал, но успел превратиться в центр отдыха и развлечений. Именно этот остров Мир Хосейн Мусави и предлагал сделать свободной зоной. Разработан генеральный план развития «Киш», утвержденный в 1994 г. и рассчитанный на 20 лет. Предполагается, что за этот период постоянное население острова увеличится на 200 тысяч человек, что потребует развития соответствующей экономической и социальной инфраструктуры и обеспечения занятости. В плане предусмотрено, что из-за ограниченности земельных площадей, на острове необходимо использовать самые эффективные методы земледелия, а при жилищном строительстве – принцип наибольшей концентрации жилья. Главными центрами жилищной застройки предполагается сделать городки Сафин и Садаф. Одной из главных целей СЭЗ является привлечение туристов, поэтому соотношение сектора услуг и сектора промышленности должно быть оптимальным для развития и этих отраслей. Для промышленной деятельности выделено три промышленные зоны. Приоритетным направлением деятельности в СЭЗ признано предоставление высокотехнологических услуг (создание медицинских центров высокого уровня, инженерно-строительные услуги, менеджмент, страхование, компьютерное обучение и т. п.).³⁵⁹

В СЭЗ «Киш» зарегистрированы и работают около 500 иранских и иностранных компаний, большинство из них заняты в сфере торговли и услуг. На острове действует

более 45 гостиниц, парки, аквапарк, спортивные комплексы, более 20 торговых центров и т. п. Остров располагает аэропортом международного класса, имеет свою авиакомпанию, паромное сообщение с материком. В последнее время здесь начали действовать иностранные и иранские промышленные компании. На Кише выпускаются: прессы для машиностроения, электротовары, текстиль, электроника, продукты питания, напитки, рыбная продукция, медицинское оборудование, фармацевтическая продукция, различные виды упаковок, спортивные товары, игрушки, бытовая техника. Реализуется совместный с французской автомобильной компанией «Рено» проект по сборке пяти тысяч легковых автомобилей марки «Синад» в год. Инвестиционные капиталовложения составляют 52 млн. долл. 60% комплектующих частей и узлов ввозятся из Ирана, 40% – из Франции.

Свободная зона «Чахбехар» расположена вокруг порта Чахбехар (Оманский залив), который предполагается превратить в крупный промышленно-транзитный узел. Площадь этой СЭЗ составляет 14 тыс. га.³⁶⁰ Эта экономическая зона располагает портовыми и докерными мощностями, способными обслуживать суда водоизмещением от 25 до 45 тыс. тонн. В год здесь можно осуществлять погрузку и разгрузку 2 млн. тонн грузов. Имеется аэропорт. К 2000 г. число иностранных инвесторов, действующих в этой свободной зоне и вложивших средства в промышленное производство, достигло 11. В области торговли почти все компании являются смешанными.³⁶¹ Половина всех инвестиций, вложенных во все проекты по освоению зоны «Чахбехар», – это инвестиции частного сектора. В зоне, например, налажено производство телевизоров, которые продаются как в Иран, так и в другие страны. 50% деталей телевизоров производится в Иране и в СЭЗ «Чахбехар». Начав деятельность в СЭЗ, южнокорейская компания «Нийа», производящая телевизоры, открыла в Ширазе завод по производству видеомагнитофонов и стиральных машин.³⁶² СЭЗ «Чахбехар» – единственная иранская свободная экономическая зона, которая посредством 1900-километрового шоссе соединяет Туркменистан и 300-миллионный среднеазиатский рынок с Индийским океаном.

В соответствии со Вторым планом социально-экономического и культурного развития особой экономической зоной был объявлен порт Бушехр. Как и в Энзели, зона состоит из двух частей – свободной торговой зоны и особой портовой зоны. Особая портовая зона (площадью 41 га) находится под юрисдикцией Организации портов и судоходства. Руководство этой зоны имеет право после получения разрешения Центрального банка Ирана выдавать сертификаты происхождения товара и warrants распределительных складов для совершения сделок в целях открытия аккредитива для импорта товаров в Иран. Портовая зона таким образом берет на себя обязанности расчетов во всех банках, и после таможенной очистки товары поставляются на рынок. Кроме того,

важнейшей задачей особой портовой зоны «Бушехр» является создание условий для промышленной доработки товаров. Поэтому в зоне создаются предприятия по переработке или сборке, при использовании как местных, так и импортных полуфабрикатов. Полученные таким образом товары не попадают под налогообложение. В настоящее время в зоне «Бушехр» строится фабрика по производству технических масел с привлечением частного отечественного и иностранного капитала.³⁶³ Свободная торговая зона «Бушехр», расположенная недалеко от строящейся с помощью России АЭС, находится в 10 км от особой портовой зоны, занимает площадь в 2 тыс. га, имеет транспортную и складскую инфраструктуру и действует как самостоятельная свободная торговая зона.

Все большее значение начинает уделяться в Иране созданию особых специальных зон. Наиболее активно развивается сейчас специальная зона «Ассалуйе» (или «Парс»), специализирующаяся на добыче нефти и газа. Развитие этой зоны осуществляется под патронажем Иранской национальной нефтяной компании. В качестве основных инвесторов привлекаются иностранные компании. Эта зона может рассматриваться как перспективная для российских газовых компаний, особенно участников разработки газового месторождения «Южный Парс».

Зоной, специализирующейся на добыче, переработке и экспорте полезных ископаемых, становится порт Шахид Раджаи. Специализированной нефтехимической зоной является порт Бендер Имам Хомейни, расположенный в Персидском заливе.

В 2000 г. было заявлено об открытии еще трех специализированных зон. Это зона электронной промышленности «Шираз» (в Ширазе), текстильная «Йезд» и кораблестроительная «Халидже Фарс», созданная для привлечения инвестиций в строительство судов.³⁶⁴

Некоторые иранские порты превращены в особые портовые свободные зоны. На Каспийском море это порты Энзели и Амирабад, в Персидском заливе – Бушехр, Хорремшехр и Шахид Раджаи, являющийся частью порта Бендер Имам Хомейни.

Несмотря на то, что политика в отношении свободных зон претерпевала изменения, которые характеризовались в отдельные периоды (особенно в кризисные годы) возвратом к ужесточению контроля над деятельностью иностранных и частных компаний, в целом преобладала тенденция к созданию наиболее либеральных условий для функционирования СЭЗ. На свободных зонах фактически отработывалась практика использования единого валютного курса. Уже в 1996 г. меджлис принял решение о введении в них единого экспортного курса в 3000 риалов, разрешил свободный вывоз из свободных зон валютных средств – как в другие страны, так и в Иран. Под

правительственным контролем, чтобы ограничить утечку капитала, были оставлены валютные трансферты из страны в свободные зоны.³⁶⁵

Несмотря на увеличение числа свободных экономических зон и диверсификацию их деятельности, появление разных типов свободных зон, они еще не стали «локомотивом» экономического развития, подобно тому, как это было в других странах. Хотя нормы экономической деятельности в свободных зонах более либеральны по сравнению с нормами, действующими на территории страны, они все же содержат значительные ограничения. Поэтому свободные экономические и портовые зоны Ирана свободными можно считать лишь условно. С момента принятия закона 1993 г. идет постоянная борьба за его изменение, внесение в него таких поправок, которые сделают возможной деятельность иностранных компаний без необходимого партнерства с местными компаниями, открытие иностранных банков со 100%-ным иностранным капиталом и т. п. Законодательная база свободных зон является основным тормозом их развития, причиной того, что приведенные результаты деятельности СЭЗ не соответствуют не только возложенным на них задачам, но и тем затратам, которые несет государство, обустривая их.

Тем не менее, для современного Ирана, где сохраняются ограничения деятельности частного и иностранного капитала, свободные экономические зоны остаются наиболее приемлемой формой рыночного развития, которая демонстрирует свою эффективность и постепенно распространяется на всю страну. Иностранные инвесторы наиболее охотно вкладывают деньги в СЭЗ, с их помощью построены (и строятся) несколько современных высокотехнологичных предприятий. Продукция этих предприятий в значительной мере ориентирована на экспорт, что отвечает одной из главных целей новой экономической политики страны – увеличению не-нефтяного экспорта и ослаблению валютно-финансовой зависимости от экспорта сырой нефти.

Если иностранные компании стран Европы и Азии с каждым годом увеличивают свое присутствие в свободных зонах, участие российских компаний крайне ограничено. Иранская сторона пытается активизировать капитал России и других своих северных соседей путем организации свободных зон не только на южном побережье, но и Каспии, на границах или вблизи границ со странами СНГ.

Так, в настоящее время созданы или находятся в стадии обустройства особые экономические зоны «Серахс» (на границе с Туркменией), «Сирджан» (в остане Керман), «Энзели» (в Гиляне), «Хузистан» (в Хузистане), «Солефчеган» (в Центральном остане), «Джюльфа» (Восточный Азербайджан), «Орге Джадид» (остан Систан, около границы с Афганистаном), «Бушехр» (около Бушехра).³⁶⁶

Основной целью создания свободной зоны «Энзели» было усиление экономического присутствия Ирана в прикаспийском регионе. Иран стремился превратить этот порт в центр международной торговли прикаспийских стран, государств Закавказья и Центральной Азии. В транспортном коридоре «Север – Юг» этой свободной зоне также отводится одно из ключевых мест. В зоне создана необходимая для торговли инфраструктура, включая выставочные павильоны, склады, оборудован порт, в Реште, находящемся поблизости от Энзели, расположен международный аэропорт. Современными терминалами оснащается Амирабад, с пуском железной дороги Мешхед – Серахс – Теджен в крупный транспортный узел превратился Серахс. Через Туркменскую железную дорогу Иран соединился с сетью железных дорог Средней Азии, а в условиях, когда было заблокировано железнодорожное сообщение через Джульфу, – и с Россией. Строительство дороги Мешхед – Серахс – Теджен было осуществлено в рамках транспортной программы ОЭС, главным образом за счет инвестиций Ирана. Между Энзели, Ноушахром и Астраханью организовано паромное сообщение, что также профинансировано Ираном. Помимо свободных портовых зон, Иран активно развивает транспортную структуру на побережье Каспийского моря. С середины 1998 г. стал работать азербайджанский паром по маршруту Махачкала – Баку – Ноушахр (Иран).³⁶⁷ К портам на Каспии подводятся новые автомобильные дороги, трубопроводы, воздвигаются различные объекты экономической и социальной инфраструктуры, с тем чтобы способствовать не только развитию экономического сотрудничества стран Каспийского региона, но и превращению этого региона в полноправного участника регионального и мирового рынков. Сотрудничеству со странами Каспийского региона, Центральной Азии и Кавказа Иран придает особое значение в связи с планами превращения своей страны в мировой транзитный коридор, включая систему трубопроводов.

Особая экономическая зона «Сирджан» расположена на пересечении магистральных дорог, связывающих разные районы Ирана, поэтому основная цель ее создания – развитие торговли с новыми республиками Центральной Азии и Кавказа, Пакистаном и Афганистаном. Пока зона все еще находится в стадии обустройства, так как в Сирджане завершается строительство международного аэропорта, а также высокоскоростного шоссе до Бендер-Аббаса.

Таким образом, за прошедшие пятнадцать лет не только увеличилось количество свободных зон, но значительно диверсифицирована их структура, что облегчает привлечение частного и иностранного капитала в экспортные отрасли производства. Начав с выделения в качестве свободных экономических зон анклавных территорий, иранское руководство перешло к практике их создания в наиболее важных для

экономического развития районах, являющихся транспортными узлами, центрами провинций и т. п. Инфраструктурное обустройство большинства СЭЗ к концу 90-х годов завершилось, их деятельность начала быстро расширяться, они стали превращаться в центры экспорториентированного производства, экспортной, а также транзитной торговли, деятельности прямых частных отечественных и иностранных инвестиций в экономику Ирана.

6. ОСНОВНЫЕ ИТОГИ ПОЛИТИКИ ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ

Переход к политике экономической либерализации позволил стране выйти из затяжного экономического кризиса, повысить темпы экономического роста, увеличить норму валового накопления. Значительно повысились индексы промышленного производства, промышленного экспорта, уровня образования населения.

Динамика ВВП, хотя и отличалась значительными колебаниями, в целом была положительной, и среднегодовой темп прироста за десять лет реформ, с 1990/91г. по 1999/2000г.(в постоянных ценах) составил 5,7%.³⁶⁸ :

Годы	ВВП, всего	ВВП, без нефти	Население
1989/90г.	103,0	101,9	102,5
1990/91г.	112,1	110,2	102,4
1991/92г.	110,9	110,8	102,2
1992/93г.	105,5	106,6	102,0
1993/94г.	118,1	121,9	101,7
1994/95г.	101,6	103,2	101,6
1995/96г.	103,2	103,6	101,5
1996/97г.	104,8	105,3	101,4
1997/98г.	103,1	104,7	101,4
1998/99г.	102,1	102,6	101,4
1999/00г.	102,4	103,0	101,4
2000/01г.	105,9	105,6	101,4
Среднегодовой темп роста, %	105,7	106,3	101,5

До начала проведения политики либерализации, в 1979/80-1988/89г, среднегодовой темп прироста ВВП)был равен всего 0,75%. Таким образом, в рамках общего понижательного тренда ВВП в исламский период по сравнению с шахским(в 1966/67-1976/77г. среднегодовой темп прироста ВВП составил 9,6%), изменение темпов роста было весьма значительным.

При этом темпы роста ВВП, взятого без нефти, опережали темпы роста общего ВВП. Без нефтяной промышленности среднегодовые темпы прироста с 1989/90г. по 2000/01г. составили 6,3%, т.е. были выше общего роста ВВП на 0,6%. За период проведения либеральных реформ рост ВВП ни разу не опускался ниже темпа роста населения. С начала 90-х годов правительство отказалось от поощрения роста

рождаемости и начало постепенно вводить меры, сдерживающие рост населения. К числу таких мер, прежде всего, относится сокращение социальных выплат при рождении детей, дополнительных оплачиваемых отпусков и т.п. Благодаря этому, удалось снизить среднегодовые темпы прироста населения с 3,1% в 1988/89г.- 1986/87г. до 2,4% в 1986/87г.-1991/92г., до 1,5% в 1991/92г.-1996/97г. и до 1,5% в 1996/97г.-2000/1г.³⁶⁹

Несмотря на положительную динамику ВВП, степень ее нестабильности осталась весьма высокой. Главным фактором, влияющим на колебания трендов ВВП, продолжал оставаться нефтяной. Траектории изменения темпов роста общего ВВП и ВВП без нефти в 1988/69г.-2000/01г. практически совпадают, даже в периоды резких колебаний в трендах роста. Однако такое совпадение не означает, что Ирану удалось ослабить зависимость экономического развития от нефтяного фактора. В отраслевой структуре ВВП доля нефтяной промышленности не превышает 20%, однако значимость нефтяного сектора в экономике значительно превосходит его долю в ВВП. Структура иранской экономики в значительной мере диверсифицирована, однако нефтяная отрасль занимает монопольное положение в получении валютных доходов. За счет экспорта нефти обеспечивается более 80% всех валютных поступлений и почти половина всех бюджетных доходов.

Колебания цен на нефть на мировом рынке почти одновременно отражаются на объемах валютных поступлений от экспорта нефти, и с небольшим временным лагом (в год-полтора) это отражается на размерах импорта.(в процентах к предыдущему году)³⁷⁰ :

годы	ВВП	Цена на нефть	Доход от экспорта нефти	Импорт
1988/89г.	78,6	77,8	89,8	88,3
1989/90г.	103,0	121,0	157,9	127,3
1990/91г.	112,1	128,7	150,0	135,6
1991/92г.	110,9	84,0	88,9	137,7
1992/93г.	105,5	102,5	105,6	92,5
1993/94г.	118,1	84,7	84,6	82,8
1994/95г.	101,6	98,7	102,1	65,3
1995/96г.	103,2	111,7	103,4	101,6
1996/97г.	104,8	114,6	127,8	117,2
1997/98г.	103,1	95,8	80,3	94,0
1998/99г.	102,1	65,6	63,9	101,4
1999/00г.	102,4	223,0	172,7	93,7
2000/01г.	105,9	98,4	141,5	113,4

При уменьшении валютных поступлений от нефти правительство начинает резко ограничивать импорт, свыше 80% которого составляют товары производственного спроса – оборудование и полуфабрикаты для промышленности.³⁷¹

Сокращение импорта сужает потребительский и производственный рынок, ведет к замедлению промышленного производства, сокращению товарооборота и объема финансовых операций. Поэтому влияние цен на нефть на амплитуду колебаний ВВП продолжает оставаться решающим.

При всей значимости нефтяного фактора в экономическом развитии Ирана, решающую роль играет проводимая государством экономическая политика, влияющая, в том числе, и на перераспределение доходов от нефти. Конъюнктура на мировом рынке нефти в 90-е годы была менее благоприятной, чем в 80-е годы. Тем не менее, благодаря потенциалу роста, полученному в результате либеральных реформ, удалось довольно быстро преодолеть тенденцию спада ВВП в 1994/95г. и 1998/99г. Падение цен на нефть в 1997/98г. и особенно значительное в 1998/99г. (почти вдвое) сопровождалось почти адекватным сокращением валютных поступлений и импорта, в результате чего рост ВВП замедлился. Сказалось также влияние азиатского кризиса 1998-1999 гг. Но спада ВВП до отрицательных величин не произошло. Представляется, что смягчить воздействие кризиса и быстро выйти из назревавшей кризисной ситуации в Иране помогли произошедшие в результате либерализации структурные сдвиги, главным образом, расширение деятельности частного сектора и ослабление государственного вмешательства в процессы ценообразования, внутреннюю и внешнюю торговлю. Особенно показательным было преодоление негативного воздействия падения цен на нефть в 1998/99г. В результате снижения цены на иранскую нефть до 90,3% по сравнению с предыдущим годом (с 18,2 долл. за барр. до 11,97 долл. за барр.) резко сократились валютные поступления от экспорта нефти – с 19,3 млрд. долл. в 1996/97г. и 15,5 млрд. долл. в 1997/98г. до 9,9 в 1998/99г. (до 63,9% к 1997/98г. и 51,3% к 1996/97г.) Однако сокращение импорта было уже не столь значительным (94%), как в период кризиса 1993/94г.-1994/95г., когда он уменьшился почти вдвое (с 23,3 до 12,6 млрд. долл.). Замедление роста ВВП в 1989/99г. не превысило одного пункта – с 103,1% до 102,1%. Уже в 1999/00 г. ВВП вырос на 2,4%, а в 2000/01 г. – на 5,9%.

Более показательным, чем общий объем ВВП, является его размер в валютном эквиваленте и расчет на душу населения. Но следует сказать, что для Ирана определение размеров ВВП в целом и на душу населения в долларовом эквиваленте крайне затруднено из-за нестабильности валютного курса и из-за действия различных курсов риала. Хотя в бюджеты, начиная с 2000/01 г. закладывается единый, рыночный курс риала, тем не

менее, оставшийся де-факто «субсидиальный» курс, используемый при расчетах за значительную часть импорта, делает до сих пор подсчеты ВВП в долларовом исчислении весьма приблизительными (в сторону уменьшения). Так, размер национального дохода на душу населения на 2001/02 г. по данным ЦБ Ирана составлял 8526 тыс. риалов (в текущих ценах). Из расчета рыночного курса (7924 риала за 1 долл.) ВВП на душу населения составил 1076 долл., а по «субсидиальному» курсу (1752 риала) - 4942 долл.³⁷²

Оценки разных авторов размеров ВВП Ирана отличаются из-за использования разного валютного курса, к сожалению, национальная статистика не всегда дает расчеты долларового эквивалента ВВП и по паритету покупательной способности (ППС).

По оценкам Всемирного банка в 1992г. ВВП Ирана составил 131,1 млрд. долл., а по ППС (с учетом покупательной способности риала на внутреннем рынке) - в 302,5 млрд. долл. Таким образом, размер ВВП на душу населения (2050 долл.) достиг в 1992г. дореволюционного уровня. В 1999 г. объем ВВП на душу населения по ППС составил в Иране 5163 долл., приблизившись к среднемировому (6490 долл.).³⁷³ В 2002 г. объем ВВП составил 456 млрд. долл. по ППС (паритету покупательной способности), или 7000 долл. на душу населения (как и в Турции).³⁷⁴

Таким образом, за последние десять лет проведения программы экономической либерализации подушевой валовой внутренний продукт по ППС вырос в 1,3 раза. Стали расти и реальные доходы населения, которое в условиях военного времени находилось фактически на грани выживания. Средний доход на одного жителя в период 1981-1988гг. составлял 24% от среднедушевого дохода (в долларовом эквиваленте) 1974-1977гг. В начальный период проведения либерализации, т.е. при правительстве Рафсанджани в первый срок его пребывания на посту президента (1989/90г.-1992/93г.) этот показатель в сравнении с военным периодом вырос в 1,6 раза, однако не превысил 38,5% от дореволюционного уровня. В 1993/94-1996/97г. доходы населения в расчете на одного жителя достигли 49%, а в период пребывания у власти правительства Мохаммада Хатами (1997/98г.-2001/02г.) - 60,5% дореволюционного уровня.³⁷⁵ Средняя месячная заработная плата в 1998/99г. составляла 46 долл., в 1999/00г.-42 долл., в 2000/01г.- около 60 долл.³⁷⁶

Несмотря на невысокий в среднем уровень доходов, внедрение рыночных принципов хозяйствования ускорило расслоение общества. Особенно заметно оно проявилось в начальный период проведения либерализации, о чем говорилось выше при анализе деятельности правительства Рафсанджани. Необходимо отметить, что после исламской революции распределение доходов населения стало более равномерным. Если в 1974-1977гг. коэффициент Джини равнялся 0,514, то в 1979-1980гг.- снизился до 0,441, а

в период деятельности правительства Мусави(1981-1988гг.)-до 0,438.³⁷⁷ Однако, уже на второй год либеральных реформ, когда началась приватизация и было отменено регулирование цен на большинство товаров, коэффициент Джини вырос до 0,486.³⁷⁸ Правительству, стремящемуся не допустить роста социальной напряженности, удалось предотвратить тенденцию углубления неравномерности распределения доходов. Среднегодовой коэффициент Джини в 1989/90-1996/97г. не превысил 0,435. В период кризиса 1998/99г. коэффициент Джини уменьшился до 0,42, однако в последние годы происходит медленное, но постоянное усиление концентрации доходов в руках отдельных групп населения(до 0,45).

В значительной мере сдерживать расслоение общества правительству удается за счет увеличения государственных расходов, что находит свое отражение в структуре конечного использования валового внутреннего продукта (расчет на базе текущих цен).

Доля частного потребления с 1990/91г. по 2000/01г. снизилась в общем объеме потребительских расходов с 85,8% до 75,9%, т.е. почти на 10 пунктов³⁷⁹.

Годы	Расходы всего, млрд.риалов	Государств., млрд.риалов	Частные, млрд.риалов	Доля частных расходов, %
1978/79г.	3,75	1,25	2,5	66,7
1988/89г.	18,1	3,2	14,9	82,3
1989/90г.	21,7	3,3	18,4	84,8
1990/91г.	28,1	4,0	24,1	85,8
1991/92г.	37,0	5,4	31,6	85,4
1992/93г.	48,1	6,9	41,2	85,6
1993/94г.	65,3	13,6	51,7	79,2
1994/95г.	88,1	16,2	71,9	81,6
1995/96г.	132,6	23,3	109,3	82,4
1996/97г.	146,5	33,9	112,6	76,9
1997/98г.	180,5	40,5	140,0	77,6
1998/99г.	230,8	50,5	180,3	78,1
1999/00г.	290,5	65,4	225,1	77,5
2000/01г.	347,7	83,8	263,9	75,9

В 1978/79г., т.е. накануне исламской революции, доля частного потребления была еще меньше(66,7%), отражая особенность шахской модели развития с ее высокой долей государства в экономике. Сохранение и даже увеличение доли государства в валовых потребительских расходах в тот период в значительной мере обусловлено поддержанием

избыточной занятости на государственных предприятиях. В 70-х годах другим важнейшим инструментом перераспределения общественного продукта являлось поддержание цен на важнейшие потребительские товары и система льготных закупочных цен. Нужно сказать, что в шахской модели для увеличения емкости внутреннего рынка расширение государственного потребления широко использовалось. Кроме того, именно в во второй половине 70-х годов началось осуществление многих широкомасштабных трудоемких и капиталоемких проектов в рамках государственного сектора, определивших повышение доли государства в конечном использовании валового внутреннего продукта. Тем не менее, несмотря на рост государственных расходов, в 90-е годы удалось добиться сокращения размеров бюджетного дефицита, особенно по сравнению с периодом 80-х годов, когда даже минимальный размер бюджетного дефицита (по отношению к общим бюджетным расходам) составлял 21%.

В период либерализации, т.е. 90-е годы, бюджетный дефицит характеризовался следующими данными(в процентах):³⁸⁰

	к сумме бюджетных расходов	к ВВП
1990/91г.-	11,0	1,12
1991/92г.-	13,4	2,17
1992/93г.-	10,0	1,29
1993/94г.-	2,5	0,57
1994/95г.-	0,9	0,21
1995/96г.-	0,3	0,06
1996/97г.-	0,9	0,23
1997/98г.-	1,0	0,24
1998/99г.-	10,0	2,17
1999/00г.-	0,9	0,2
2000/01г.-	3,4	0,63

Структура как доходной, так и расходной части бюджета не претерпела сколько-нибудь существенных изменений. По-прежнему, основная часть доходов обеспечивается за счет поступлений от экспорта нефти, включая продажу валюты(в 2000/01г.- 56,8%).

Налоговые поступления не превышают трети всех бюджетных поступлений и 6-7% к ВВП. В структуре налогообложения преобладает тенденция постепенного повышения доли прямых налогов, проявившая себя еще в шахский период. В настоящее время их доля в общей сумме налогов составляет 69-65%. Треть всех налоговых поступлений обеспечивают частные компании. Однако расценивать это как успех политики либерализации, способствовавшей финансовому укреплению частного сектора,

у нас нет оснований. Расчеты показывают, что доля налоговых поступлений от частных компаний в общей сумме налогов, уплаченных компаниями, была практически неизменной, начиная с 80-х годов.³⁸¹

Улучшение экономической ситуации в 90-е годы, особенно во внешнеэкономической сфере, привели к сокращению внешней задолженности. Внешний долг с 23 млрд. долл. в 1992/93г. снизился до 7,2 млрд.долл. в 2001/2г., до 2,2 в 2002/3г. и 1,4 млрд.долл. в 2003/04г.³⁸², задолженностей по выплатам долга Иран не имеет. Снижение доли частных потребительских расходов в ВВП сопровождалось повышением доли частного сектора в структуре валовых внутренних накоплений.

За время проведения либеральных реформ норма валовых накоплений с 11,0% в 1989/90г. поднялась до 17% в 2000/01г. (в постоянных ценах), или с 12,4% до 26,5% (в текущих ценах).³⁸³

Одним из главных результатов политики либерализации можно считать то, что в повышении нормы народнохозяйственных капиталовложений основную роль сыграло увеличение частных инвестиций:

1978/79г.	1560	1060	500	32,1
1988/89г.	2960	1200	1760	59,4
1990/91 г.	5660	2610	3050	53,9
1993/94 г.	20658	9971	10687	51,7
1994/95г.	29850	13300	16550	55,4
1996/97 г.	60535	27040	33495	55,3
1998/99г.	96300	29700	66600	69,2
1999/00 г.	121300	40400	80900	66,7
2000/01 г.	171980	46695	125285	72,8

В 1978/79г. доля частных инвестиций составляла 32,1%, накануне либерализации, в 1988/89г.-59,4%, а за десятилетие рыночных реформ, с 1990/91г. по 2000/01г., вклад частного сектора в общенациональные инвестиции увеличился с 53,9% до 72,8%.³⁸⁴

Таким образом, в последние годы частный сектор стал определять динамику инвестиционного процесса и его объемы. Более того, именно в кризисные годы удельный вес частных инвестиций заметно увеличивался, создавая основу для преодоления спада экономического развития. Анализ структуры инвестиций свидетельствует о том, что самым позитивным сдвигом в росте частных инвестиций было то, что наиболее быстро увеличивались капиталовложения в оборудование, определяя технологический прогресс в

экономическом развитии. Так, рост инвестиций частного сектора в оборудование только с 1998/99 г. по 2001/02 г. составил 235,7%, в то время как государственного сектора – 161,7%.³⁸⁵

Рост инвестиций частного сектора стал одним из факторов, способствовавших ускорению промышленного развития. За время реформ доля промышленности в ВВП (без нефтяной отрасли, в постоянных ценах) с 15,1% поднялась до 20,6% в 2000/01г.³⁸⁶ Многие из действовавших предприятий реконструированы, построен ряд высокотехнологичных предприятий в области электроники, нефтехимии, энергетики.

Одним из важнейших результатов новой экономической политики стало постепенное увеличение экспорта не нефтяных товаров. За период с 1989/90г. по 2000/01г. не нефтяной экспорт вырос с 1,0 млрд. долл. до 4,1 млрд.долл.³⁸⁷, т.е. в 4,1 раза. Этот прирост в значительной мере был обеспечен за счет увеличения экспорта продукции обрабатывающей промышленности. Только с 1996/97г. по 2000/01г. доля промышленных товаров в не нефтяном экспорте (продукции нефтехимии, металлургии, одежды, обуви, бытовых приборов) возросла с 45,5% до 59,1%.³⁸⁸ Конечно, в общем объеме экспорта, включая нефтяной, доля продукции обрабатывающей промышленности невелика, но тенденция к ее росту отчетливо прослеживается- с 6,3% в 1996/97г. до 7,3% в 2000/01г. При этом в годы с неблагоприятной конъюнктурой на нефтяном рынке, экспорт продукции обрабатывающих отраслей увеличивался, несмотря на сокращение импорта промышленных полуфабрикатов, росла соответственно и доля промышленного экспорта в общем объеме экспортных поступлений. Так, в 1998/99г., когда экспорт сырой нефти сократился до 9,9 млрд. долл., доля продукции обрабатывающей промышленности в общем экспорте поднялась до 12,1%.³⁸⁹

Отмеченная тенденция отражает ориентированность новой экономической политики Ирана на создание экспорториентированной индустрии, на уменьшение зависимости экономики от экспорта нефти.

Обобщающим макроэкономическим показателем, дающим представление о соотношении государственного и частного секторов в воспроизводственном процессе, является соотношение секторов в ВВП(на базе текущих цен) :

Годы	Доля частного сектора	Доля государственного сектора
1978/79г.	56,6	43,4
1988/89г.	74,9	25,1
1989/90г.	74,5	25,5
1990/91г.	74,3	25,7

1991/92г.	76,2	23,8
1992/93г.	74,9	25,1
1993/94г.	66,7	33,3
1994/95г.	68,9	31,1
1995/96г.	72,6	27,4
1996/97г.	62,9	37,1
1997/98г.	68,4	31,6
1998/99г.	77,9	22,1
1999/00г.	71,8	28,2
2000/01г.	63,8	36,2

Государство за время либеральных реформ в целом не утратило своих позиций в распределении валового внутреннего продукта. Доля государства в ВВП в 1978/79г. составляла 43,4%, в 2000/01г.-36,2%.³⁹⁰

Тем не менее, государство стало утрачивать свои монопольные позиции в экономической деятельности, а в области регулирования начало все больше использовать рыночные методы. Отмеченное сохранение доли государства в ВВП отражает как использование государственного вмешательства для решения проблем занятости, для корректировки ценообразования, так и распространение рыночных методов хозяйствования в государственном секторе, остающимся важнейшим сегментом экономической структуры.

Одной из главных целей либерализации является укрепление позиций частного предпринимательства и постепенный отказ государства от прямого владения и регулирования отраслей национальной экономики. Поэтому характеристика участия государства в основных отраслях экономики может дополнить представление о степени либерализации иранской экономики.

После более десяти лет проведения политики либерализации государство продолжает сохранять ведущую роль в ряде производственных отраслей экономики. Прежде всего, это конечно нефтяная промышленность, в которую частный капитал стал допускаться в самые последние годы. При этом, частный капитал пока стремится лишь в смежные с добычей нефти сферы, особенно связанные с реализацией нефти и нефтепродуктов как на внешнем, так и на внутреннем рынке. Несмотря на попытки приватизации инфраструктурных отраслей, все они остаются пока в руках государства. Преимущественно государственной является банковская система страны, несмотря на разрешение открыть три частных банка. Закон о Третьем пятилетнем плане предписал

Центральному банку подготовить законодательные условия для деятельности частных банков и частных кредитных организаций на территории страны³⁹¹.

С начала 2000-х годов начали работать три частных банка. В 2001г. Центральный банк Ирана одобрил создание первого частного банка "Карафарин", акционерами которого являются 700 человек. В 2002г. принято решение еще о двух банках(с участием государственных организаций)-"Парсиан" и "Эктесаде новин"-Modern Economic Bank. Создание частных банков, идущее вразрез с конституционной нормой, еще раз показало способность исламского режима применить те нормы, которые являются оптимальными с точки зрения государственного интереса. Но эти банки, также как и иностранные банки в свободных зонах, обязаны соблюдать Закон 1983г., т.е. использовать исламские принципы деятельности.

Представление о структуре банковских кредитов дают данные о кредитах частному сектору.³⁹²

Виды кредитов	1990/91г.	1997/98г.
Продажа в рассрочку	46,7	56,0
Мозараба*	9,6	6,4
Мошарекат(индивид. партнерство)	17,7	11,6
Мошарекат(партнерство с юрид. лицами)	4,8	4,7
Гард-аль-хасане	4,2	4,6
Аренда с условием последующей передачи в собственность(эджаре)	1,4	0,8
Салаф**	4,9	5,3
Прямые инвестиции	1,3	2,5
Джоале***	7,0	1,6
Продажа в кредит	0,1	0,0
Прочие	2,3	6,5
Итого	100,0	100,0

*-мозараба или «модараба» предусматривает прямое или косвенное участие банка в торговых сделках, либо в производстве. Аналогичные операции в садоводстве называются «мосагат», в земледелии-«мозарее». При «мозарабе» банк лишь предоставляет кредит, а клиент организует производство. Прибыль делится, исходя из соотношения «капитал-труд».Для импортных операций сотрудничество банков с частным сектором на условиях «мозарабе» запрещено.

**.- сделка по купле-продаже товара(урожая, продукции предприятия) с оплатой авансом до сбора урожая или до выпуска продукции и получения прибыли.

***-подрядное соглашение на работу в производстве или сфере услуг.

«Аренда с условием последующей передачи в собственность» и «прямые инвестиции» аналогичны «мозарабе»³⁹³

Участие в операциях по типу «мошарекат» означает для банка не только кредитование, но и прямое инвестирование, и предприятия, в которые банки инвестируют средства, попадают под действие Коммерческого кодекса и рассматриваются как один из видов компаний (шеркетов).

Постепенная адаптация исламских банков к потребностям экономики, особенно в связи с проводимой в стране политикой либерализации, несомненно, ведет к постепенному размыванию исламских начал, их переосмыслению, обоснованию возможности использования общемировых принципов работы. Так, банками стали разрабатываться финансовые инструментари, однотипные с казначейскими векселями. Это, прежде всего, так называемые «бумаги участия», которые в объемах, утверждаемых бюджетным законом (2-2,5 млрд.риалов), выпускаются Центральным банком и распространяются через систему коммерческих банков и Тегеранскую фондовую биржу.³⁹⁴

Центральный банк Ирана в своей деятельности практически абстрагируется от исламских норм, используя для регулирования движения капитала, главным образом, уровень ставок по депозитам и кредитам. В 2001/02г. годовая ставка по кредитам в сельское хозяйство была самой низкой-14-15%, в промышленность-16-18%, для кредитования экспорта-18%, а в торговлю- минимум 23%.³⁹⁵

Хотя одной из главных целей перевода банковской системы на исламские принципы являлось максимальное привлечение денежных средств населения на производственные нужды, эту задачу нельзя считать выполненной. Доля промышленности в сумме кредитов частному сектору с 40% в 1996/97г. сократилась до 26,2% в 2000/01г., в то время как доля сферы услуг повысилась в это время с 19,1% до 24,0%.³⁹⁶ Исламские принципы работы банков не привели к мобилизации капитала, способного обеспечить активизацию предпринимательской деятельности. Исламские нормы затрудняют также сотрудничество с иностранными банками и инвестиционными компаниями. Фактически иранские банки превращены в холдинги государственных предприятий, заняты обслуживанием государственных структур, при банках созданы инвестиционные компании, которые в последние годы активно покупают акции приватизируемых предприятий. Возник ряд очень влиятельных, централизованных финансовых институтов, что усиливает тенденцию к монополизации экономики. В августе 1999г. газета "Хордад" писала о том, что всего 83 компании-частные и государственные – сосредоточили в своих руках

большую часть капитала страны, но об их деятельности общество не имеет достаточной информации.³⁹⁷

Налоговая система продолжает функционировать как государственная, религиозные налоги не используются для бюджетного наполнения. Более того, норма бюджетного обложения за время реформ возросла. С 2001г. минимальная ставка прямых налогов была повышена до 15%, при этом для государственных служащих оставлена в размере 10%.

Продолжают оставаться сильными позиции государства в горнодобывающей промышленности, выделяемой в Иране в отдельную от нефтяной промышленности отрасль. При этом растет как число частных предприятий, так и государственных. К сожалению, результатами полной переписи промышленных предприятий мы не располагаем, а сведения, которые приводятся в ежегодном статистическом обзоре Статистического центра Ирана, касаются только числа предприятий. Тем не менее, опосредованное представление о соотношении частных и государственных предприятий в горнодобывающей промышленности эти данные дают. К числу государственных предприятий иранская статистика относит предприятия, капитал которых на 50% принадлежит государственным компаниям и учреждениям. Национальная статистика дает данные как по числу зарегистрированных, так и работающих предприятий горной промышленности. На наш взгляд, более полно отражающими реальное положение в отрасли являются цифры по работающим предприятиям.³⁹⁸

Год	Всего	Государств.	Частные
1986/87 г.	718	282	436
1990/91 г.	1920	527	1393
1993/94 г.	2328	614	1714
1994/95 г.	2423	593	1830
1995/96 г.	2400	478	1922
1996/97 г.	2704	567	2137
1997/98 г.	2575	473	2102
1998/99 г.	2436	409	2027
1999/2000 г.	2507	450	2057

Таким образом, число государственных шахт выросло за эти годы на 67,7%, а частных в 4,8 раза. В основном, это предприятия по добыче строительных материалов, но

частный сектор укрепил позиции и таких традиционно государственных производствах, как добыча угля и металлических руд.

Деятельность горнорудных и металлургических предприятий в Иране находится в ведении Министерства горнорудных дел и металлургии. После революции практически все шахты и рудники, как и металлургические заводы, были переданы в руки государства. Закон 1983 г. подтвердил это положение. Однако уже с 1985 г. в него стали вноситься изменения, расширявшие возможности участия частного сектора в производстве. Разрешения на открытие горнорудных предприятий стали выдаваться сначала кооперативным организациям, а затем и частным компаниям. После перехода с 1990 г. к политике либерализации и создания рыночной экономики тенденция к передаче в целом неэффективной отрасли в руки частного сектора усилилась. Министерство горнодобывающей промышленности и металлургии через свои организации приступило к проведению программы приватизации.

В 1988 г. действовало 780 шахт и рудников. Кроме того, довольно значительная часть горнодобывающих объектов не функционировала. В 1991г. было выдано 870 лицензий на эксплуатацию новых или открытие ранее бездействовавших предприятий, часть которых была реализована. В 1995 г. правительство Ирана приняло решение о приватизации более чем 1000 предприятий горнодобывающей промышленности, оставив в государственной собственности треть наиболее крупных рудников и шахт, требующих крупных капиталовложений. Однако эта программа пока полностью не реализована. В руках государства остаются 11 крупнейших угольных шахт (из 41), 5 рудников по добыче железной руды (из 20), 4 из 10 рудников по добыче свинцово-цинковых руд, два из трех медных рудников в Сарчешме, относящимся к крупнейшим в мире, два из четырех рудников по добыче бокситов. Кроме того, продолжают действовать уже созданные кооперативы. Кооперативная форма деятельности настолько удачно проявила себя в отношении организации производства на мелких добывающих предприятиях, особенно при добыче строительных материалов, что кооперативы создаются не только как объединения самостоятельных собственников или желающих организовать производство, но и для реализации программы приватизации. Местные власти, особенно разделяющие взгляды на сохранение решающих прав за государством и обществом в целом, более охотно санкционируют переход государственной собственности в руки кооперативов, нежели частных лиц.

В 1991/92г.-2000/1г. под контролем Министерства горнодобывающей промышленности число кооперативов постоянно увеличивалось:

Год	количество	Число членов	занято	Капитал, млн. риалов.
1991/92 г.	386	4386	7649	12634
1996/97 г.	730	8926	14093	19957
1997/98 г.	782	9072	14093	26491
1998/99 г.	814	9728	15711	34888
1999/00 г.	832	12042	20499	39279
2000/01 г.	818	11420	17780	38525

Кооперативы широко используют наемный труд, и число занятых на этих кооперативных предприятиях возросло с 7,6 тысяч до 38,5 тысяч.³⁹⁹

Количество действующих кооперативов за время периода либерализации увеличилось более чем вдвое, почти втрое увеличился капитал этих организаций. Количество поданных заявок на регистрацию горнодобывающих кооперативов увеличивается с каждым годом, так в стадии становления в 2000/01 г. находилось почти 300 кооперативов с числом заявленных членов в 3,3 тыс. чел. Возможно, что, поощряя создание кооперативов, государство пытается не только найти разные формы разгосударствления, но и решить проблему занятости, так как эти организации – небольшие по числу занятых и по объему капитала. Наибольшее число кооперативов в горнодобывающей отрасли действуют в Восточном Азербайджане, остане Тегеран, в Исфагане.

В количестве предприятий обрабатывающей промышленности, второй после нефтяной важнейшей отраслью экономики, решающие позиции занимает частный сектор, тем не менее, роль государственных компаний, несмотря на проводимую приватизацию, остается весьма и весьма значительной, особенно в крупной промышленности, к которой иранская статистика относит предприятия с числом занятых 10 человек и выше. Промышленные переписи охватывают заведения разного размера по числу занятых, кроме того, ведется ежегодный учет крупных предприятий. Мы приводим данные и тех, и других переписей, так они дают представление о структуре иранской промышленности в целом, а не только о соотношении секторов.⁴⁰⁰ :

Годы	статус	Всего	1-9чел.	10-49	50-99	100 и выше
1994/95г.	частные	362 971	351 049	10451	859	612
1994/95г.	государств.	2296	984	534	194	584
1995/96г.	частные	11886	-	10308	872	706
1995/96г.	государств.	1101	-	442	146	513
1996/97г.	частные	319 889	307 657	10492	954	786
1996/97г.	государств.	1436	297	446	150	543
1997/98г.	частные	12797	-	10957	1006	834
1997/98г.	государств.	1107	-	446	143	518
1998/99г.	государств.	1062	-	449	142	497
1998/99г.	частные	13201	-	11316	989	896
1999/00г.	государств.	915	-	303	133	479
1999/00г.	частные	10087	-	8059	1031	997

Обращает на себя внимание, что подавляющее большинство предприятий – мелкие. Причем, переписи по занятым в городском хозяйстве показывают, что среди этих мелких преобладают мельчайшие, с числом занятых 1-2 человека.

Разница в соотношении частных и государственных предприятий наиболее значительно сокращается в группе предприятий с числом занятых 100 чел. и выше. Но и здесь заметна тенденция к преобладанию частных предприятий. Если соотношение частных и государственных предприятий в 1994/95 г. составляло 1: 1,05, то уже в 1997/98 г. – 1:1,61.

В руках государства в 2000 г. находилось все производство табачной продукции, 22 металлургических завода, 17 заводов по выпуску автомашин и частей к ним, более 100 текстильных фабрик, из них 64 с числом занятых более 100 человек, 200 предприятий пищевой промышленности, в том числе крупные мукомольные и сахарные заводы. Число государственных предприятий с 1995/96г. по 1999/2000г. уменьшилось на 186, или на 16,9%. Таким образом, проводимая приватизация не привела к резкому сокращению государственной собственности в обрабатывающих отраслях промышленности. Доля государственных предприятий в их общем количестве в 1995/96 г. составляла 8,5%, а в 1999/2000г.- 8,3%., что свидетельствует о замедленности тенденции к сокращению числа государственных предприятий. В соседней Турции, также проходящей нелегкий и противоречивый путь приватизации, темпы сокращения численности государственных компаний в обрабатывающей промышленности были выше.⁴⁰¹

В руках государства остается и оборонная промышленность, превратившаяся за последние полтора десятка лет в одну из наиболее мощных на Среднем Востоке. Более 40 заводов оборонного значения находятся в ведении государственной Организации оборонной промышленности, а часть - в непосредственном подчинении Корпуса Стражей Исламской Революции (КСИР).

Часть промышленных предприятий, как говорилось выше, принадлежит исламским фондам. Статистически эти предприятия объединяются с государственными и относятся по категории собственности либо к государственным, либо к общественным. Однако фонды, представляя самостоятельные хозяйственные образования, конечно, не могут быть безоговорочно отнесены к государственному сектору. Они являются корпоративной собственностью духовенства и в рамках исламского государства до начала политики либерализации они достаточно органично вписывались в понятие государственного сектора. В настоящее время фонды представляют довольно значительный барьер для проведения политики приватизации, сами стали объектом приватизации, но включение объектов фондов в приватизацию больше продиктовано не столько необходимостью их разгосударствления (они и всегда действовали как самостоятельные хозяйственные холдинги), а возможностью для правительства сделать их деятельность более открытой и подчиненной общим правилам рынка. Сами фонды стараются включать в программу приватизации наиболее убыточные предприятия.

Государственными остается транспортная структура Ирана, хотя разрешено создавать частные судоходные и авиационные компании, не говоря уже об автомобильных компаниях. Принято решение о допуске частного сектора на внутренние распределительные линии трубопроводов- нефтепродуктов и газа. Пока этим воспользовались муниципальные компании, сведений о сколько-нибудь крупных частных компаниях в области поставок нефти и газа, в прессе нет.

В первые годы после революции исламское государство в качестве наиболее желательной альтернативы государственному сектору рассматривала кооперативный. В «здоровой» конкуренции этих секторов режим видел стимул для экономического развития. Принцип исламской экономики - сочетание государственного и кооперативного сектора, а также дополняющего их частного сектора, был введен в Конституцию. Развитие кооперативов рассматривалось в качестве приоритетного направления экономической политики. Однако, «здоровой» конкуренции государственному сектору, и тем более частному, кооперативы не составили, и приоритетным направлением экономической политики стало развитие частного предпринимательства. Однако кооперативы продолжают пользоваться организационной, налоговой, кредитной поддержкой

государства, но и контролируются им. Кооперативное движение еще в шахский период находилось под жестким контролем государства, особенно развитие кооперации на селе. Фактически сельская кооперация сохранила в исламский период все свои функции - и экономические, и социальные, - которые имела до революции; она развивается в тех же формах и в том же направлении. Не изменилась и организационная структура сельской кооперации. Вся она организационно структурирована, сельские кооперативы объединены в союзы кооперативов, союзы кооперативов – в Центральную организацию сельских кооперативов. В свою очередь Центральная организация сельских кооперативов действует под контролем Министерства кооперативов.

Таким образом, кооперативную систему в Иране можно рассматривать как сегмент экономики, в котором исключительно сильны позиции государства. Членами сельских кооперативов в 2000/01 г. являлись 4,4 млн.чел., т.е. 77,2% от общего числа занятых на селе. Для сельской многоцелевой кооперации характерно постепенное сокращение числа мелких обществ в результате их слияния с более крупными. Общее количество многоцелевых сельских кооперативов с 1991/92 г. по 2000/01 г. сократилось с 3102 до 2948,⁴⁰² однако число их членов даже выросло- с 4367 тысяч до 4423 тысяч.

Помимо широкой сети сельских кооперативов, объединяющих практически все сельское население страны, и которые по своим функциям являются многоцелевыми (хотя их основные функции - предоставление кредитов, обеспечение семенами и организация сбыта продукции), в исламский период стали создаваться производственные сельскохозяйственные кооперативы. Эти кооперативы также находятся в ведении Центральной организации сельских кооперативов.

Количество производственных кооперативов сельского населения с 1986/87г. по 1998/99г. возросло с 404 до 1376, а число их членов с 107,3 до 881,3 тысяч. Значительно вырос и капитал: ⁴⁰³ :

Год	Количество кооперативов	Число членов (тысяч)	Капитал (млн.риалов)
1986/87 г.	404	107,3	...
1991/92 г.	1192	603,6	1885
1994/95 г.	1236	645,8	40469
1995/96 г.	1462	869,4	85350
1996/97 г.	1507	847,3	135887
1997/98 г.	1532	847,3	135887

Из 1376 кооперативов 223 являлись кооперативами по производству птицы с числом членов 22,3 тыс.чел., 330 с числом членов 403,3 тыс. чел. - животноводческими хозяйствами, 188 – это кооперативы производителей зерна, 11 - производителей сахарной свеклы, в 113 кооператива объединились 49,1 тыс. механизаторов и др.

Политика поощрения кооперации привела к созданию значительного по масштабам кооперативного сектора в промышленности.⁴⁰⁴ :

Год	Количество кооперативов	Число членов	Число занятых	Занято в одном кооперативе	Капитал(млн.риалов)
1991/92г.
1994/95г.	955	16089	13022
1995/96г.	1164	22199	29636	25,5	26192
1996/97г.	1450	19920	31690	21,9	62944
1997/98г.	1698	25411	39316	23,2	101237
1998/99г.	2360	45303	65716	27,8	175717
1999/2000	2756	47007	72653	26,4	235684
2000/2001	2932	45209	72553	24,7	285999

Это только действующие кооперативы, число зарегистрированных кооперативов – вдвое больше. Только за три года количество производственных кооперативов, увеличилось в 2,5 раза, а число их членов в 2,8 раза. Капитал этих кооперативов вырос в 13,5 раза. В среднем каждый кооператив объединял 15 человек. Кроме того, производственные кооперативы использовали наемный труд, т.е. фактически действовали как промышленные компании. Среднее число наемных рабочих в расчете на одно кооперативное предприятие, как показывают расчеты, приведенные в таблице, составляет от 22 до 25 человек (не считая членов кооперативов), что позволяет отнести их согласно по иранской классификации к крупным предприятиям.

Кроме них, быстро росло число кооперативов ковроделов и ручного ткачества. В 1994/95 г. таких кооперативов насчитывалось 173 с числом членов 161 тысяч, в 1995/96 г. – уже 318 с числом членов 161,9 тыс., в 1995/96 г. их действовало 504 с числом членов 172,9 тыс. В 1996/97 г. при увеличении числа кооперативов до 534 членство в них сократилось до 137,1 тыс., эта же тенденция сохранилась и в последующие годы; особенно заметным было сокращение числа членов в 1997/98 г. (количество действующих кооперативов увеличилось до 552, а численность членов упала до 119,7 тысяч⁴⁰⁵). Несмотря на

уменьшение числа членов кооперативов при росте количества самих кооперативов, каждый из них объединял свыше 200 человек. В кооперации ковроделов и ручных ткачей совмещены элементы как совместного производства, так и домашней промышленности. Деятельность кооперативов этой отрасли находится под особым контролем государства, так как иранские ковры ручной работы являются одной из существенных статей иранского экспорта. Основными покупателями иранских ковров являются страны Европы. Улучшение торговых отношений со странами ЕС с начала 2000г. сразу же отразилось и на расширении сети кооперативов и их членов- до 591 с числом членов 126 тысяч.⁴⁰⁶

Кооперативы действуют в разных отраслях хозяйства. Общее представление о структуре кооперативной системы дают данные о количестве отраслевых союзов кооперативов и о числе кооперативов, являющихся членами этих союзов. Так, в 1998/99 г. в Иране активно действовало 230 союзов кооперативов, членами которых состояли 8601 кооперативов, хотя не все кооперативы объединены в крупные союзы. Из этого количества союзов 36 были сельскохозяйственными, 7 действовали в области горнодобывающей промышленности, 17 объединяли кооперативы ручных ткачей (главным образом, Йезда), 37- жилищные кооперативы, 13 –промышленные. В 66 потребительских союзов входило около 3 тысяч кооперативов, 25 союзов объединяли 637 транспортных кооперативов и т.д.⁴⁰⁷

Кооперативный сектор экономики в Иране, особенно в промышленности и сельском хозяйстве, имеет довольно жесткую организационную структуру, контролируемую государством, и фактически превратился в своеобразную форму государственного сектора. Поэтому, роль государства в промышленном производстве выходит за рамки непосредственно государственного сектора, включая в себя меры по прямому регулированию производства в рамках кооперативного сектора.

Наиболее динамично развивающейся отраслью, в которой за годы реформ заметно укрепились позиции частного сектора, является строительство. Строительство, особенно такая его составляющая, как жилищное строительство, со времени создания исламского государства рассматривалось в качестве приоритетной отрасли, способной улучшить положение «обездоленных» слоев населения. После революции многие строительные компании были национализированы, и государство заняло прочные позиции в этой отрасли. Массовое городское строительство, особенно муниципального жилья, ведут государственные компании. Однако после окончания войны с Ираком, когда необходимо было восстанавливать и расширять жилищный фонд, государство стало активно привлекать в строительство частный капитал. Повышение жизненного уровня населения вызвало потребность в расширении индивидуального строительства, элитной застройки,

которые, например, в Тегеране в последние пять лет стали одним из своеобразных символов «иранской перестройки».

В этой отрасли абсолютно преобладает частный бизнес. Из 198 тысяч новых строительных объектов в 1998/99г. 169 тыс.- были частными, 24 тыс.– кооперативными, и лишь 5 тыс. –государственными.⁴⁰⁸:

Год	всего	частные	Госуд.	Коопер.
1991/92 г.	170	149	6	15
1994/95 г.	177	157	3	17
1995/96 г.	200	170	7	23
1996/97 г.	198	163	4	31
1997/98 г.	187	156	6	25
1998/99 г.	198	169	5	24

Тем не менее, и государство, и жилищно-строительные кооперативы, кредитуемые государственным Ипотечным банком, активно участвуют в этом бизнесе. Имевшие место в последние годы крупные коррупционные скандалы были связаны с получением выгодных муниципальных заказов как государственными, так и частными компаниями.

Государственный сектор продолжает играть значительную роль в обеспечении занятости населения. В предыдущих разделах говорилось о демографической проблеме Ирана, о резком изменении состава населения в пользу лиц молодой возрастной группы. В 1986г., согласно переписи, группа лиц в возрасте от 15 до 49 лет составляла 43,1%, в 1996г.-49,1%. В 1996г. группа лиц от 11 до 24 лет составляла 32,5% населения. К сегодняшнему дню вся эта группа пополнит трудоспособное население.⁴⁰⁹ Обеспечение занятости со второй половины 90-х годов превратилось в одну из актуальнейших социальных и экономических проблем современного Ирана. По данным промежуточной переписи 1991/92г. в стране насчитывалось 13,1 млн. занятых, из которых 8,53 млн. работали в частном секторе. Следовательно, в начале перехода к рыночной экономике государственный сектор обеспечивал 24,9% всей занятости. Согласно переписи 1996 г. в частном секторе было занято 67,1% всего занятого населения.⁴¹⁰ Таким образом, за пять лет либерализации доля государственного сектора в обеспечении занятости не только не сократилась, но и увеличилась с 24,9% до 32,9%.

Даже общее представление о соотношении частного и государственных секторов в экономике Ирана как в целом, так и по отдельным отраслям хозяйства, позволяет говорить о том, что иранская экономика по своему типу приближается к странам с переходной экономикой. Процесс государственного регулирования в первое десятилетие

режима был достаточно глубоким и имел своим итогом создание модели, сходной с административно-командной.

Либерализация экономической системы не привела пока к коренному ее изменению. Государство продолжает сохранять решающие позиции в экономике страны как через прямое участие в важнейших производственных отраслях, так и путем жесткого контроля над кооперативным сектором. В тоже время, поддерживая кооперативный сектор, государство пытается стимулировать конкуренцию на внутреннем рынке в качестве необходимого условия функционирования рыночной экономики.

Проблема безработицы в также в значительной мере решается за счет увеличения занятости в государственном секторе.

Следует отметить, что сами государственные предприятия в значительной мере трансформируются, начиная все больше использовать в своей деятельности рыночные механизмы. Несмотря на это, эффективность государственного сектора остается низкой, а выплачиваемые из бюджета дотации государственным предприятиям содействуют сохранению монопольного характера внутреннего рынка. Значительный сегмент в экономике представляют исламские фонды, статистически попадающие в государственный сектор. Представляя собой наиболее закрытые структуры, пользующиеся различными льготами, эти экономические исламские организации в значительной мере тормозят создание здоровой конкурентной среды, сдерживая активность частного предпринимательства.

* * * * *

Опыт экономического развития Ирана в условиях исламского правления оказался весьма неоднозначным. Конечно четверть века это небольшой по историческим меркам срок, тем более, что треть этого срока экономика страны функционировала в условиях войны. Тем не менее, вполне корректно можно говорить о результатах экономического развития, прежде всего как об отражении экономической политики новой власти. Установив исламскую форму государственности во главе с религиозным лидером, духовенство взяло на себя ответственность за состояние экономического потенциала страны и за жизненный уровень каждого члена своей уммы. Наличие республиканских органов власти несколько размывает степень ответственности высшего духовенства, но и не снимает ее. Заявив об уникальности нового строя, в том числе и экономического, исламский режим попытался ограничить контакты с западным миром, сделав акцент на поощрение мелких производителей. На исламские нормы была была переведена

банковская система. Государство, даже в отсутствие законодательной базы, стало главным дирижером экономического процесса. Доходы от нефти давали государству в определенной мере такую возможность, особенно во время войны, когда потребности населения ограничивались минимальным набором продуктов питания. После десяти лет, прошедших со дня падения монархии, стало совершенно очевидно, что в результате революционных событий, практики «тоухидной экономики» и войны были надолго утрачены те темпы роста, которые показывала страна в предшествующие пятнадцать лет в условиях вестернизированной модернизации. Ускорение экономического развития потребовало сужения применения исламских экономических принципов, или вернее, их толкования в первые послереволюционные годы.

Принципиально новым моментом в экономической политике стал переход к использованию тех экономических инструментов, которые приняты в большинстве стран мира и которые наиболее адекватно отвечают потребностям современного этапа мирового развития.

Конечно, либеральные реформы идут очень сложно, так как, с одной стороны, подталкиваются объективным состоянием экономики, а с другой, требуют для своего проведения не просто законодательного, сколько исламского обоснования. Сами итоги либерализации оказались весьма неоднозначными. С одной стороны среднегодовые темпы прироста валового внутреннего продукта составили 4-5%, возросла открытость иранской экономики, которая в первые послереволюционные годы испытывала давление принципов автаркического характера. Стало постепенно сокращаться влияние исламских принципов как в проведении государственной экономической политики, так и в повсеместной экономической жизни. Наиболее значимыми вехами на пути проведения политики либерализации стали приватизация и привлечение иностранного капитала. Обращение именно к этим формам либерализации позволяет говорить об окончательном отходе от «тоухидной» экономики. Оживилась предпринимательская деятельность, ускорилось создание технологически новых производств, ориентированных, главным образом на экспорт. В корне изменилась промышленная политика, переориентированная с импортзамещения на выпуск экспортной продукции. Это, в свою очередь, усилило тенденцию к либерализации валютной политики, к необходимости создания условий для привлечения и деятельности иностранного капитала.

Однако само проведение политики либерализации отличается крайней неустойчивостью и даже противоречивостью. Отказавшись от варианта «шоковой терапии», государство не смогло разработать комплексного плана либерализации, обеспечивающего поступательное движение либеральных реформ. Наиболее уязвимым

звеном либерализации остаются государственные финансы, банковско-кредитная система. Ограниченность банковской деятельности рамками исламской банковской (беспроцентной) системой, отсутствие банковского законодательства, разрешающего функционирование частных банков, безусловно, тормозят внедрение рыночных методов хозяйственности.

Одним из негативных последствий либерализации внешнеэкономического курса стало возникновение внешнего долга, выплаты по которому приобретают особое значение в условиях падения мировых цен на нефть и в ситуации экономической блокады Ирана со стороны США.

Несмотря на стремление перейти к экспортоориентированному типу индустриализации, Иран остается страной, в значительной мере зависимой от мирового нефтяного рынка, что приобретает значение чрезвычайности в поступлении валютных ресурсов. Из-за технической и моральной изношенности оборудования, разрушений во время ирано-иракской войны, особенно шельфовых месторождений, технические возможности добычи находятся в пределах 4-5 млн. барр./сут. Нефтяная отрасль требует модернизации, невозможной без участия иностранных компаний. Поэтому Иран заинтересован в привлечении иностранного капитала, отмены США санкций по ILSA. Эффективное функционирование сложившейся экономической структуры Ирана зависит во многом от использования иностранных инвестиций. Несмотря на политику их привлечения, сфера деятельности иностранного капитала на иранском рынке крайне ограничена - как в форме прямых, так и портфельных инвестиций.

Разработка и реализация программ приватизации идет крайне неравномерно. Значительной преградой являются конституционные нормы, по которым к государственной собственности отнесены важнейшие отрасли. Ограничено участие иностранного капитала в процессе приватизации.

Одной из самых острых проблем, с которыми Иран вступил в XXI век, и которая, с одной стороны, тормозит внедрение рыночных отношений, а с другой, требует ускорения экономической либерализации, является проблема занятости. Безработица, в том числе и за счет проводимой приватизации, достигла в 2000 г. 16,1%. При этом режим продолжает проводить политику сохранения социальной защищенности занятого населения, в том числе на частных предприятиях. Необходима скорейшая модернизация всей экономики, обеспечение свободы предпринимательской деятельности, изменение действующего банковского законодательства. Без этого экономика не получит стимулов для экономического скачка, способного выдержать демографическое давление.

«Исламская экономика», по существу все больше и больше становится рыночной, а исламские принципы позволяют лишь корректировать негативные социальные последствия переходного периода. Ирану не удалось, используя исламские экономические механизмы, выработать экономическую модель, более привлекательную для стран с мусульманским населением, чем доказавшие свою эффективность модели европейских стран. В отличие от европейских моделей, которые нацелены на повышение производительности, в исламской модели акценты смещены на вопросы перераспределения. Сущность происходящих сейчас в Исламской республике экономических изменений состоит в попытке совместить эти разные модели, придав неизбежным процессам либерализации более щадящий общество характер.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Опыт экономического развития Ирана и Турции в условиях исламского (происламского) правления свидетельствует, прежде всего, как о значительных межнациональных различиях, так и значительной степени изменчивости национальных вариантов экономической модели под влиянием объективных потребностей экономического развития, что позволяет говорить об ее высокой эластичности.

Если поставить во главу анализа отношение к трем основным принципам в исламской экономической традиции: праву собственности, в рамках которого должно соблюдаться справедливое соотношение между интересами индивида и мусульманской общины, а государство выполняет роль механизма, который обеспечивает этого соотношение, запрету на использование ссудного (банковского) процента и обязательной уплате религиозных налогов, то пример Ирана дает значительный разброс степени последовательности в их соблюдении на протяжении рассматриваемого периода.

Модель «тоухидной экономики», разработанная в первый год после исламской революции, была жестко ориентирована на осуществление права собственности в интересах мусульманской общины в целом. При этом исламское государство рассматривалось как инструмент реализации данного права. Поэтому важнейшим направлением экономической политики после революции стала национализация как крупной национальной частной собственности, так и иностранной, причем на конфискационных принципах. Конституция Ирана от 1979 г. признавала оптимальным для исламского государства приоритет общественной собственности. При этом духовенство отчетливо выражало неодобрение крупной частной собственности. Усиление института государственной собственности стало базой широкого применения государственного регулирования цен.

К концу 80-х годов снижение показателей экономического развития страны и падение жизненного уровня населения заставило руководство страны усомниться в правомерности усиления государственного дирижирования экономикой на базе расширения института государственной собственности. Сохраняя риторическую приверженность идеологическим установкам по толкованию экономических принципов исламского общества, руководство Ирана пошло на изменение экономической политики, решившись на такие диаметрально противоположные прежнему курсу шаги, как приватизация и отказ от широкомасштабного диктата государства в сфере ценообразования. При этом наиболее эффективным способом трансформации

непримиримых идеологов исламской экономики в сторонников реформ оказался, как это следует из опыта Ирана, их переход в категорию действовавших политиков, стоявших во главе исполнительной власти. Так, являвшийся в период, когда имам Хомейни был рахбаром страны, председателем меджлиса Али Акбар Хашеми Рафсанджани объявил национализацию одним из наиболее важных достижений революции и твердо выступил в начале 1980-х годов против попыток приватизации. Однако, став в 1989 г. президентом с полномочиями премьер-министра, он не только инициировал приватизацию, но и сумел избрать особую тактику принятия первого пятилетнего плана - поэтапную, что ускорило начало его реализации, включая и передачу частному сектору госпредприятий. Подобным же образом, Мохаммад Хатами, прежде чем в 1997 г. стать президентом страны, являлся одним из лидеров Ассамблеи борющегося духовенства, которая являлась одним из главных противников широкой приватизации. Поэтому в начале президентства Хатами под сомнение была поставлена вся политика либерализации. Но в дальнейшем необходимость освободить бюджет от финансового прессинга убыточных госпредприятий сделала приватизацию одним из направлений экономического курса нового президента.

В 1984 г. вступил в силу закон, согласно которому все банки Ирана работают на беспроцентной основе. И хотя до сего дня деятельность кредитно-банковской системы ограничена исламскими принципами, наметившаяся адаптация исламских банков к потребностям экономики, особенно в связи с проводимой в стране политикой либерализации, ведет к постепенному размыванию исламских начал, обоснованию возможности использования общемировых принципов работы.

Несмотря на то, что после исламской революции религиозные налоги в Иране не были введены в систему налогового законодательства, они уплачивались параллельно со светскими налогами. Когда в 1984-85 гг. в разгар Ирано-Иракской войны государство испытывало острую нужду в дополнительных средствах и вынесло на обсуждение в меджлис проект закона, предусматривавшего повышение отдельных видов светских налогов, в обществе разгорелась дискуссия о правомерности широкомасштабного применения неисламских налогов в ущерб способности граждан вносить религиозные налоги. Тем не менее, ныне налоговая система страны продолжает функционировать как государственная, то есть религиозные налоги не используются для бюджетного наполнения, одновременно ставка налогообложения за период реформ возросла.

Особенности трактовки вопроса собственности в исламе тесно связаны с характерной для него подчеркнутой значимостью социального аспекта, общественного блага. Именно этим фактом, по-видимому, следует объяснять сохранение довольно сильной государственной социальной политики в контексте различных экономических

моделей, что убедительно демонстрирует пример Ирана. Иными словами, активная социальная политика, направленная на смягчение имущественной дифференциации в обществе, представляется наиболее устойчивым, имманентным аспектом экономической деятельности мусульманской элиты. Одним из аспектов этой политики можно считать поддержку мелкого предпринимательства.

После революции в Иране была создана довольно эффективная система социальной защиты, которая ассоциировалась у населения с исламскими принципами. С началом политики либерализации после избрания на пост президента страны Али Акбара Рафсанджани государство продолжало проводить довольно сильную социальную политику, сохраняя высокую степень защищенности занятого населения даже ценой замедления приватизации и внедрения трудосберегающих технологий. Одновременно осуществлялся контроль над индексацией заработной платы в соответствии с индексом потребительских цен. Правительство Рафсанджани было вынуждено ослабить активность своей социальной политики, в частности, пойти по пути постепенного отказа от государственного регулирования цен через систему субсидий. Тем не менее, и оно отказалось от «шокового» повышения цен, ограничившись поэтапным сокращением разницы между дотационными и розничными ценами. Правительство Мохаммада Хатами, хотя и продолжило курс на уменьшение субсидий, проводило его в еще более щадящем режиме, чем правительство Рафсанджани, ограничивая темпы прироста цен. При этом изменения в государственном регулировании цен практически не коснулись системы закупок сельскохозяйственной продукции, хотя субсидирование цен на пшеницу обходилось государству дороже импорта. Процесс приватизации в Иране также сопровождается предоставлением значительных социальных гарантий, особенно в сфере сохранения занятости. В целом в условиях ускорившегося в результате внедрения рыночных принципов хозяйствования расслоения общества государство в Иране, сохраняя высокую долю в структуре использования ВВП, во многом подчиняет структуру своих расходов цели сдерживания социальной дифференциации.

Хотя принцип ограничения использования внешних источников финансирования напрямую не канонизирован исламом, тем не менее, элита в Иране в качестве одного из важных направлений своей экономической политики избрала явно негативное отношение к их привлечению. Принятая в декабре 1979 г. после провозглашения Ирана исламской республикой конституция страны объявляла одной из экономических целей «предотвращение иностранного экономического господства над экономикой страны». Исламская власть запретила регистрацию иностранных компаний, использование иностранного капитала и иностранных специалистов. Широко распространялись

заявления о том, что страна не должна прибегать к внешним займам. Однако уже в первые годы существования режим должен был действовать, исходя не столько из идеологических установок, сколько из практической необходимости. Война, хронический бюджетный дефицит, значительные военные расходы, падение цен на нефть предопределили неизбежность развития определенных формы взаимоотношений с иностранным капиталом, которые не только сохранились, но и расширились.

С началом политики либерализации Рафсанджани удалось добиться официального согласия меджлиса на привлечение иностранных кредитов посредством принятия соответствующей статьи Первого пятилетнего плана. Но согласие данной меры с принципами конституции было обеспечено через применение ограничений на формы использования иностранных кредитов: допускалось использование только схемы «бай-бэк», которая исключала возникновение собственности иностранных компаний. Данная схема предусматривает, что расчеты иранской стороны с инвестором будут осуществляться либо прямыми поставками продукции, либо путем ее сбыта иностранному покупателю, который берет на себя погашение долга инвестору. Противники рыночных реформ расценивали появление внешнего долга как плату за новый экономический курс и аргументировали этим фактом необходимость приостановки реформ. Тем не менее, правительство Рафсанджани признало действующим закон 1955 г. о деятельности иностранного капитала и о защите иностранных инвестиций. Еще более непримиримым противником автаркии как курса несовместимого с сохранением способности страны к экономическому росту стал Мохаммад Хатами. Его правительство уделило особое внимание созданию благоприятных условий для прямых иностранных инвестиций. В 2002 г. был принят новый закон о привлечении иностранных инвестиций. И хотя он сохранил ряд ограничений в отношении иностранного капитала (громоздкую процедуру получения разрешений на инвестиции, запрет на создание предприятий со 100-процентным иностранным капиталом, допуск иностранных инвесторов лишь на определенных финансовых условиях, как-то «бай-бэк» и «финанс», соблюдение условия об отсутствии противоречия между формой и целью деятельности совместного предприятия и нормами ислама, запрет на деятельность в ряде отраслей и др.), сам факт его принятия позволил заключить, что за период реформ иранский режим кардинально изменил свое отношение к возможности использования иностранного капитала - от полного его запрещения до активного привлечения. Последней цели служит и создание свободных экономических зон, связанных с основной государственной территорией лишь финансовыми и товарными потоками.

Таким образом, опыт экономического развития Ирана в последние десятилетия может рассматриваться как опыт смягчения и постепенного снижения актуальности основополагающих принципов ислама в сфере экономики под влиянием либерализации, вызванной к жизни задачами ускорения экономического роста и повышения благосостояния общества.

Опыт Турции демонстрирует достаточно индифферентное отношение исламских (происламских) властей к трем упомянутым выше основополагающим принципам в исламской экономической традиции. Светский характер республики, подкрепленный несколькими десятилетиями развития в условиях притеснения ислама властями, значительно ослабил и юридические, и исторические предпосылки их полномасштабного возрождения. Тем не менее, приход к власти Партии благоденствия повысил ожидания, связанные с замедлением процесса приватизации. И действительно, программные положения партии содержали некоторые «изъятия» из процесса передачи государственной собственности в частные руки, например, государственные банки или предприятия, которые обеспечивали государству монопольное положение в отрасли. Но программные положения Партии справедливости и развития характеризовались более решительным настроем в отношении приватизации, которая рассматривалась как важное средство формирования рациональной экономической структуры и повышения эффективности экономики посредством создания полноценной конкурентной среды. В реальной экономической деятельности правительства и первой, и второй партии приватизация заняла значительное место.

Ни правительство ПБ, ни правительство ПСР не ставили вопроса - будь то программные документы или экономическая политика, проводившаяся ими в качестве партии власти - о включении в систему государственных налогов традиционных мусульманских налогов или же замене первых вторыми. Практически никакого отражения в программных заявлениях и экономической деятельности не нашло и не находит стремление перевести деятельность национальной финансовой (банковской) системы на беспроцентную основу. Следует сказать, что в Турции существуют финансовые учреждения, осуществляющие свою деятельность на исламских принципах, то есть беспроцентной основе. Это так называемые специальные финансовые организации (Özel Finans Kurumları). Но возникли они еще в первой половине 80-х годов, то есть задолго до прихода к власти исламских (происламских) партий. Основная цель их возникновения заключалась в более активном привлечении в Турцию капитала из мусульманских стран. Роль специальных финансовых организаций в общем объеме деятельности банковской

системы Турции незначительна - на них приходится немногим более 2% от суммарных активов национальных банков⁴¹¹.

Если обратиться к такой отмеченной выше отличительной особенности исламской экономической концепции, как значимость социального аспекта или деятельности власти по смягчению имущественной дифференциации в обществе, то данное положение заняло важное место как в системе партийных взглядов, так и экономической политике правительств, сформированных исламскими (происламскими) лидерами Турции. В программных документах особый акцент делался на поддержку мелкого предпринимательства, справедливую систему налогообложения. Правда, если говорить о деятельности ПБ в качестве партии власти, то социальный аспект ее деятельности проявился, скорее, как псевдосоциальный, воспрепятствовав последовательному проведению непопулярной политики фискального сдерживания и толкнув правительство на путь повышения реальной заработной платы в государственном секторе. В качестве «социального» программного заявления следует расценивать и предвыборное выступление А.Гюля, в котором он заявил о намерении партии снизить предлагавшиеся МВФ размеры профицита первичного бюджета в пользу увеличения социальных расходов правительства. В период пребывания у власти Партии справедливости и развития социальный аспект и тесно связанная с ним налоговая политика стали основными пунктами разногласий с МВФ по концепции проведения стабилизационных мероприятий. При чем, по названным пунктам турецкая сторона проявляла наибольшую неуступчивость. В итоге представители Фонда в середине 2003 г. констатировали свою озабоченность недостаточными размерами первичного профицита бюджета, которые они объясняли объявлением правительством неожиданных инициатив в налоговой сфере и в вопросах использования государственных средств. Последующая тактика турецкой элиты состояла в продолжении и даже введении дополнительных социальных программ, хотя и довольно ограниченных, но при компенсации их введения дополнительными налогами и сборами и, в итоге, - при выполнении задачи по обеспечению запланированных масштабов профицита первичного бюджета. При этом в качестве способа разрядить ситуацию в налоговой сфере правительство к большому неудовольствию МВФ использовало инструмент налоговой амнистии, однако позицию Фонда не позволила сделать эту практику систематической. Иными словами тактику правительства можно определить как тактику социального маневрирования.

Отношение исламских (происламских) партий Турции к использованию внешних источников финансирования весьма близко к негативной в целом позиции иранской исламской элиты. хотя и в этом вопросе следует учитывать разные исторические

традиции. Поэтому в своей предвыборной риторике турецкие политики использовали более мягкий лозунг мобилизации или поиска новых (дополнительных) источников в национальной экономике. Но по существу это означало призыв к отказу от использования внешних источников финансирования и попытке перейти к развитию на собственной основе. При этом следует отметить, что подобная позиция в Турции поддерживается не только сторонниками исламских или происламских партий, но и довольно многочисленными лево-демократическими кругами страны. Одна из главных неудач экономической политики коалиционного правительства с участием ПБ состояла в крайне незначительном объеме дополнительных бюджетных доходов, «мобилизованных» в недрах национальной экономики. Поэтому, исходя из наличия у турецкого государства задолженности, размеры которой делают неотвратимым использование новых займов для обслуживания и погашения ранее осуществленных, лидеры ПСР от программных заявлений «о создании новых или дополнительных источников» переориентировались на неизбежное продолжение кредитного сотрудничества с МВФ и на развитие финансового сотрудничества со своими западными союзниками, в первую очередь, США. Но следует отметить, что новое правительство, приняв условия МВФ, тем самым, согласилось, по всей видимости, с оптимальным для Турции вариантом урегулирования вопроса о долговой зависимости посредством ее последовательного и планомерного снижения за счет ограничения объема новых займов. Очевидно, данный мотив предопределил и заключение нового соглашения с Фондом о стабилизационном кредите.

Значительная разница общественно-исторических предпосылок, определяющих специфику «вынужденного» взаимодействия с иностранным капиталом, убедительно проявляются при сопоставлении положений новых законов о частных иностранных инвестициях, принятых в период исламского (происламского) правления в Иране и Турции. Если закон, принятый иранскими властями, определяет различные формы смягчения контроля и ограничений в отношении иностранного капитала, то закон турецкой стороны, являясь итогом проводимой в последние десятилетия политики открытости, основной акцент делает на устранении практически всех форм контроля и ограничении функций государства мониторингом процесса.

Таким образом, происламская партия Справедливости и развития в качестве партии власти также проявила высокую эластичность своей экономической политики, то есть способность видоизменять и пересматривать ее принципы в соответствии с требованиями финансовой стабилизации и экономического развития, отказываясь от догматического консерватизма. Убедительно доказывает готовность правительства откликнуться на требования экономической конъюнктуры, например, то обстоятельство,

что государственный министр А. Шенер объяснил заключение с МВФ нового соглашения тем, что этого желал рынок. К этому следует добавить, что эксперты происламского Общества независимых предпринимателей характеризовали программу действий правительства не как оригинальную, подготовленную соответствии с политическими и общественными предпочтениями ПСР, а как вынужденный продукт тяжелых условий, в которых развивалась турецкая экономика, после 1991 г., оказавшись заключенной в порочный круг, созданный высоким государственным долгом и необходимостью осуществлять значительные процентные выплаты по его обслуживанию.

Высокая степень подвижности, изменчивости моделей экономического роста, применявшихся исламскими (происламскими) элитами в Иране и Турции, в том числе, обусловленная влиянием мирового опыта или рекомендаций Запада, объясняет возможность их отождествления или передачи их сути в разные моменты времени через весьма различные по своему содержанию и направленности модели, известные в мировой, в первую очередь, западной практике. Так, за исследуемый период исламская экономическая модель в Иране характеризовалась как сочетание свободного предпринимательства с государственным монополизмом; как жестко централизованная модель; как «иранский капитализм»; как модель, нацеленная на построение «японского капитализма» или «китайского варианта» развития, что означает «рынок» для внешних аспектов деятельности и сохранение идеологических начал во внутриэкономической практике; как построение «своей рыночной экономики»; наконец, как все более рыночная. Что касается экономической политики правительства ПСР в Турции, то ее следует характеризовать как последовательное в целом, при весьма незначительных отступлениях, исполнение стабилизационной программы, согласованной с МВФ.

Отмеченная способность ислама, а в данном случае - проводимой исламскими (происламскими) лидерами экономической политики - к изменению, адаптации к современным условиям, признается многими учеными и мусульманскими духовными деятелями. «Ислам как вероучение - неизменен... Однако ислам как культурное, социальное, экономическое воплощение предвечной истины в материальном и временном мире может и даже должен изменяться, находя адекватный ответ тем вызовам, которые приносит с собой поток времени. Эти изменения (читай: «модернизация») «плоти» ислама как раз и призваны сохранить в нетронутости его духовный стержень» - отмечает исследователь Р. Шукуров⁴¹². В пользу приведенного тезиса свидетельствует и отмеченная выше в работе условность деления политических сил в Иране на «консерваторов» и «реформистов», так как первые, считая на определенном этапе

приоритетными принципами авторитарного теократического правления, позже в ряде случаев начинали бороться за реформирование защищавшейся ими системы, за ограничение прерогатив исламской власти.

Но тогда с учетом как значительной подвижности национальной исламской экономической модели, так и существенных межнациональных различий при ее воплощении, итогом которых является сколь угодно значительное дистанцирование от теоретических принципов исламской экономики вполне убедительным представляется тезис об отсутствии конкретного наполнения самого понятия «исламская экономика» или же его утопичности, в том случае, если речь идет о реальной экономической практике. Иными словами, приходится усомниться в возможности существования в экономической действительности исламской экономической модели как некой самостоятельной, альтернативной западным, модели экономического развития.

Данный вывод можно было бы считать окончательным, если бы не выявленные в рамках проведенного исследования некоторые совпадающие приоритеты при построении национальных моделей экономики. Речь идет, во-первых, о настойчивом стремлении исламских (происламских) элит к сохранению социального направления экономической политики. Опыт Ирана, где исламская экономика становится все более рыночной, но исламские принципы используются для корректировки негативных социальных последствий экономических реформ посредством смещения акцента на процессы перераспределения, или же сохранение в качестве наиболее важного пункта противоречий между происламским правительством Турции и МВФ именно вопросов социальной политики подтверждают то обстоятельство, что ислам является наиболее «социальной» религией, а «борьба за социальную справедливость под лозунгами ислама, попытка построить какие-то социальные модели на основе ислама – это все очень понятно и характерно для исламской традиции, исламской цивилизации»⁴¹³. Во-вторых, общей особенностью для Турции и Ирана, является, правда, с трудом реализуемое на практике, стремление исламских (происламских) элит ограничить зависимость национальной экономики от внешних, в первую очередь, западных источников финансирования.

Справедливости ради, следует признать, что отмеченные особенности хотя и объективно присущи экономической модели, реализуемой в условиях исламского/происламского правления, не могут быть признаны сугубо ее специфическими или уникальными особенностями. «Поскольку человек выступает доверительным управляющим Аллаха, то переданные ему ресурсы и производимая с их помощью добавленная стоимость должны служить достижению целей, установленных Аллахом. Предполагается, таким образом, что чем больше богатство/ресурс имеется в

распоряжении конкретного лица, тем выше его *ответственность* как уполномоченного всевышнего, в том числе, *за обеспечение роста благосостояния как своего, так и общества»,* - писал А.Ю.Журавлев, комментируя тесно связанный с социальными функциями государства вопрос о трактовке собственности в исламе. При этом он добавляет, что сходные установки были характерны для русского купечества, в большей своей части придерживавшегося старообрядчества⁴¹⁴. Одновременно можно вспомнить и популярную в 60-70-е годы среди развивающихся стран, далеко не только мусульманских, теорию импортзамещающего развития, основная цель которой состояла в ослаблении их импортной, а, следовательно, и финансовой зависимости от стран Запада.

Проецируя итоги проведенного исследования на российскую действительность, можно попытаться смоделировать определенные особенности экономической политики, вероятность проявления которых в мусульманских регионах РФ в случае более или менее самостоятельного формирования ее направлений местными элитами достаточно высока. Во-первых, особое внимание будет обращено на выделение в комплексе экономических мер взвешенной и достаточно активной социальной политики, проведение которой будет наиболее ожидаемо от местной власти, во-вторых, вероятно стремление к своего рода экономической самодостаточности, что может обусловить попытки создания хозяйственно автономных структур. Последний принцип требует определенной осторожности при своем воплощении, однако по мере стабилизации ситуации в России, по-видимому, могут обнаружиться определенные возможности для его применения. Наиболее вероятным в реальной перспективе представляются попытки создания финансовых учреждений исламского типа, что является наиболее простым путем удовлетворения интереса к использованию исламских экономических принципов.

¹ www.latief.org

² A.Iqbal. Islamic economy remains undefined: US report – www.dawn.com

³ А.Ю.Журавлев. Теория и практика исламского банковского дела. М., 2002, с. 31.

⁴ Там же, с.41-42.

⁵ А.Ю.Журавлев. Теория и практика исламского банковского дела, с.64.

⁶ Современный ислам: между политикой и традицией (Интервью с профессором Московского государственного института международных отношений МИД РФ Алексеем Малашенко).- Россия и мусульманский мир. 2003, № 5, с.39.

⁷ Здесь и далее курсив наш.

⁸ Известия, 09.06.2003.

⁹ Информационное агентство «Татар-информ» -www.tatinfo.ru

¹⁰ Известия, 09.06.2003.

¹¹ Помимо основного бюджета она включает присоединенный бюджет, бюджеты государственных предприятий нефинансового профиля. До их упразднения в конце 90-х годов в эту систему входили и бюджеты внебюджетных фондов.

¹² R.T. Prime Ministry Undersecretariat of Treasury. Selected Economic Indicators. Ankara, 1998, Table 1.

¹³ Для оценки инфляции использован показатель дефлятора ВВП: См. там же.

- ¹⁴ DİE.Dış Ticaret İstatistikleri 1995. Ankara, 1997, с.11.
- ¹⁵ Подсчитано по: Türkiye İstatistik yıllığı 1995. Ankara, 1996, с.668.
- ¹⁶ См. Турецкая республика. Справочник. М., 1990, с.373, Таблица1. При осуществлении подсчетов в текущих ценах в отраслевой структуре ВВП стоимость промышленной продукции несколько опережала стоимость продукции сельского хозяйства уже и в 1980 г.
- ¹⁷ Подсчитано на основании данных о значении дефлятора ВВП. См.: R.T. Prime Ministry Undersecretariat of Treasury. Selected Economic Indicators. Ankara, 1998, Table 1.
- ¹⁸ The Oxford Business Group. Emerging Turkey 1999. Istanbul, 1999, с.67.
- ¹⁹ Подсчитано по: Türkiye İstatistik yıllığı 1995, с.668.
- ²⁰ См.: R.T.Prime Ministry Undersecretariat of Treasury. Selected Economic Indicators. Ankara,1998, Table 3.
- ²¹ Там же.
- ²² Измерением инфляции выступает дефлятор ВВП. См. там же, Table 1, Table 3.
- ²³ Подсчитано по: DİE. Dış Ticaret İstatistikleri 1995. Ankara, 1997, с.11.
- ²⁴ См. Глава «Внешняя торговля Турции в условиях перехода к «открытой экономике», табл 3.
- ²⁵ Подробнее по данной пороблеме см. Глава «Внешняя торговля».
- ²⁶ Z. Öniş. The political economy of export-oriented industrialization in Turkey. – Turkey: political, social and economic challenges in the 1990s. Leiden, 1995, с.117-118.
- ²⁷ См.: R.T.Prime Ministry Undersecretariat of Treasury. Selected Economic Indicators. Ankara,1998, Table 3.
- ²⁷ Там же, Table 1, Table 3.
- ²⁸ См., например, Э.Дж.Долан. Деньги, банки и денежно-кредитная политика.С-Петербург, 1994, гл.17.
- ²⁹ DTM. Başlıca Ekonomik Göstergeler. Aralık 1996, с.79, 83.
- ³⁰ Kazgan G. Yeni ekonomik düzen’de Türkiyenin yeri. İstanbul,1994, s.201.
- ³¹ Подсчитано по: Dış Ticaret statistikleri 1995, с.11; Ekonomik Rapor 99. Ankara, 2000, с.97.
- ³² DTM. Başlıca Ekonomik Göstergeler. Aralık 1996, с.95.
- ³³ İ.Parasız. Kriz Ekonomisi. Hiper Enflasyon ve Yüksek Enflasyonla Mücadelede Ünlü İstikrar Politikaları ve 5 Nisan 1994 kararları. Bursa, 1996, с.242.
- ³⁴ См. подробнее: Ульченко Н.Ю.Экономика Турции в условиях либерализации. М., 2002, с. 41.
- ³⁵ UCSET.Economic raporpt 1998. Ankara, 1999, с.92.
- ³⁶ İstanbul ticaret odası. Türkiye Ekonomisinin 80 yılı. Istanbul, с.110, 112.
- ³⁷ UCSET. Economic report 1995. Ankara, 1996, с.17, 50, 68.
- ³⁸ WB.Celasun O. The 1994 Currency Crisis in Turkey, с.24.
- ³⁹ UCSET. Economic Report 1994. Ankara, 1995, с.93.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ М.Бруно. Глубокие кризисы и реформа (Инфляция, внешняя задолженность и кризисы роста). – «Вопросы экономики». 1997, февраль.
- ⁴² Finansal Forum, 22.10.1997, с.73.
- ⁴³ The Oxford Business Group.Emerging Turkey 1999. Istanbul, 1999.
- ⁴⁴ DTM.Başlıca Ekonomik Göstergeler. Temmuz 1999, с.1.
- ⁴⁵ См. подробнее главу «Госфинансы Турции».
- ⁴⁶ Harun Bulut, Onur Ozgur, Sevfi Recberoglu, Engin Volkan, Ebru Voyvoda, and Erinc Yeldan. Dynamics of Growth, Accumulation and Distribution in the post 1980 Turkish economy:A Kaldorian General Equilibrium Interpretation. Ankara, 1998, с.4-8.
- ⁴⁷ Kivilcim Metin Ozcan, Ebru Voyvoda and Erinc Yeldan. Dynamics of Macroeconomic Adjustment in a Globalized Developing Economy: Growth, Accumulation and Distribution, Turkey 1969-1998.
- ⁴⁸ Para, 5-11.07.1998.
- ⁴⁹ Capital. 1999, Nisan, с.48.
- ⁵⁰ Başlıca ekonomik göstergeler. Mart-Nisan 2000. Ankara, 2000, с.1, 87.
- ⁵¹ Подсчитано по: там же, с.87.
- ⁵² Там же, с.1
- ⁵³ Milliyet, 04.04.1999.
- ⁵⁴ Finansal Forum, 01.12.1999, Capital, Kasim 1999, с. 45.
- ⁵⁵ Подсчитано по: Capital Infocard, Mart 2000.
- ⁵⁶ Capital, Kasim 1999, с. 45.
- ⁵⁷ Ekonomist, 19-25 Aralik 1999, с.40.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ Capital, 06.1999, с.66.
- ⁶⁰ Capital, 06.2000, с.45.
- ⁶¹ Там же, с.22.
- ⁶² TOBB. Ekonomik rapor 2000. Ankara, 2001, с.10.
- ⁶³ Capital, 11.1999, с.45; Capital, 06.2001, с.37.
- ⁶⁴ Capital, 06.2001, с.37.
- ⁶⁵ Türkiyenin güçlü ekonomiye geçiş programı.- <http://www.tcmb.gov.tr>

- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ Там же.
- ⁶⁸ Ekonomik Rapor 2002. Ankara, 2003, с.16, 53.
- ⁶⁹ Milliyet, 09.04.2001.
- ⁷⁰ www. tcmb.gov.tr
- ⁷¹ TÜSİAD. Türkiye ekonomisi 2003.- www.tusiad.org.tr
- ⁷² İstanbul ticaret odası. Türkiye Ekonomisinin 80 yılı. İstanbul, с.110, 112.
- ⁷³ TOBB. Ekonomik Rapor 2002. Ankara, 2003, с.58.
- ⁷⁴ Н.Ю.Ульченко. Экономика Турции в условиях либерализации. М., 2002, с.78.
- ⁷⁵ Ibid., с. 77, 82.
- ⁷⁶ Ibid, с. 78.
- ⁷⁷ Letter of Intention.18.12.2000.- <http://www.tcmb.gov.tr>.
- ⁷⁸ Letter of Intention. 09.12.1999.- <http://www.tcmb.gov.tr>.
- ⁷⁹ Finansal Forum, 31.08.2000.
- ⁸⁰ Banks in Turkey 2002. Ist., с.П-10.
- ⁸¹ Первая в истории Турецкой Республики исламистская партия – Партия национального порядка была легально создана в 1970 г. Ее основателем и руководителем стал Неджметин Эрбакан. Он же возглавлял и появившиеся впоследствии партии-преемницы, в том числе, с 1987 г. - Партию благоденствия.
В 70-е годы возглавлявшимся Н.Эрбаканом партиям удавалось дважды войти в состав правительственных коалиций, но лишь в 1996 г. ему впервые удалось занять пост премьер-министра. Поэтому есть основания считать, что исламистская партия Эрбакана впервые проявила себя более или менее полно в качестве партии власти, в том числе, в сфере экономической политики, в 1996-1997 гг.
- ⁸² Е.И.Уразова. К оценке роли исламских идей и капиталов в турецкой экономике. – Ближний Восток и современность. Выпуск 9. М.,2000, с.228.
- ⁸³ В Турции Казначейство традиционно выполняет функцию аккумуляции государственных доходов и осуществления расходов от имени государства. Поэтому именно оно выступает ответственным за несбалансированность государственных доходов и расходов и госдефицит.
- ⁸⁴ С соответствующим заявлением Турция выступила в 1987 г.
- ⁸⁵ S. Öngider. Homopolitikus.Lider biograflerindeki Türkiye.Istanbul, 2001.
- ⁸⁶ Соглашение об образовании таможенного Союза было подписано в марте 1995 г. и вступило в силу в январе 1996 г.
- ⁸⁷ Economist, 07.07.1996, с.12.
- ⁸⁸ Т.С. Başbakanlık. Kadının statüsü ve Sorunları Genel Müdürlüğü. Türkiyede kadınlara Ait Girişimlerin Desteklenmesi. Ankara, 2000.
- ⁸⁹ Составлено по: Türkiye İstatistik Yıllığı 1998. Ankara 1999, с.337.
- ⁹⁰ См.Тürkiye İstatistik yıllığı 1995. Ankara, 1996, с.377, 379.
- ⁹¹ Economist, 07.07.1996, с.12.
- ⁹² Türk Dış Politikası. Kurtuluş savaşından bugüne olgular, belgeler, yorumlar. İstanbul, 2002, С. II, s. 219.
- ⁹³ См. подробнее: Н.Г.Киреев. Кризис политического ислама в Турции: раскол движения Милли горюш. – Ближний Восток и современность.Выпуск 20. М., 2004, с.271-272.
- ⁹⁴ ПС – правившая на тот момент светская Партия справедливости.
- ⁹⁵ Н.Г.Киреев. Кризис политического ислама в Турции: раскол движения Милли горюш. – Ближний Восток и современность.Выпуск 20. М., 2004, с.272.
- ⁹⁶ См., например, Economist, 07.07.1996, с.14.
- ⁹⁷ Ibid, s.16.
- ⁹⁸ G. Kazgan. Tanzimattan21.Yüzyıla Türkiye Ekonomisi. Onikinci Bölüm. «Ulus Devlet Politikalarıyla Küreselleşme Politikaları arasında Bir Karşılaştırma». İstanbul, 2002.
- ⁹⁹ Там же, с. 377.
- ¹⁰⁰ Там же, с. 380.
- ¹⁰¹ Речь идет о финансовом крахе Османской империи и так называемой проблеме Османского долга, которую удалось урегулировать ценой введения внешнего контроля над финансами империи. В результате удалось обеспечить регулярное погашение Османской империей своих долгов, выплата которых завершилась уже на третьем десятилетии существования Турецкой республики.
- ¹⁰² Там же, с. 405.
- ¹⁰³ См. внешнеэкономические связи османской империи в новое время (конец ХУШ-начало ХХ в.) М., с.207.
- ¹⁰⁴ Подробнее об этом см. главу 1.
- ¹⁰⁵ Economist, 07.07. 1996, с.17.
- ¹⁰⁶ Ibid.
- ¹⁰⁷ Ibid.
- ¹⁰⁸ Подробнее о ее деятельности см. Главу ...
- ¹⁰⁹ Н.Г.Киреев. Турецкая деловая элита о турецко-российских отношениях. –Ближний Восток и современность. Сборник статей. Выпуск 9. Москва, 2000, с.70.

- ¹¹⁰ MÜSİAD. The Turkish Economy 1997. Istanbul, 1997, с.22-23.
- ¹¹¹ Ibid.
- ¹¹² Ibid.
- ¹¹³ Ibid, с.62.
- ¹¹⁴ Ibid.
- ¹¹⁵ Türkiye, 07.08.1996.
- ¹¹⁶ MÜSİAD. The Turkish Economy 1997. Istanbul, 1997, с.11.
- ¹¹⁷ UCSET. Economic Report 1998. Ankara, 1999, с.126-127.
- ¹¹⁸ MÜSİAD. The Turkish Economy 1997. Istanbul, 1997, с.61.
- ¹¹⁹ Подсчитано по: MÜSİAD. The Turkish Economy 1997, с.67.
- ¹²⁰ MÜSİAD. The Turkish Economy 1997. Istanbul, 1997, с.61.
- ¹²¹ UCSET. Economic Report 1997. Ankara, 1998, с.68.
- ¹²² Е.И.Уразова. К оценке роли исламских идей и капиталов в турецкой экономике. – Ближний Восток и современность. Выпуск 9. М., 2000, с.230.
- ¹²³ Ibid., с.231.
- ¹²⁴ MÜSİAD. The Turkish Economy 1997, с.63.
- ¹²⁵ UCSET. Economic Report 1997. Ankara, 1998, с.13; UCSET. Economic Report 1998, с.20.
- ¹²⁶ О теории и практике исламского правления в странах Среднего Востока (Иран, Афганистан, Турция). – Ислам и политика (взаимодействие ислама и политики в странах Ближнего и Среднего Востока, на Кавказе и в Центральной Азии), М., 2001, с.65.
- ¹²⁷ Ibid.
- ¹²⁸ UCSET. Economic Report 1998, с.115.
- ¹²⁹ См. подробнее: Н.Г.Киреев. Кризис политического ислама в Турции: раскол движения *Милли Герюш*. – Ближний Восток и современность, №20. М., 2003, с. 267.
- ¹³⁰ На базе оставшейся верной консервативным партийным взглядам части Партии добродетели была сформирована также новая партия – Партия счастья (Saadet Partisi).
- ¹³¹ См. там же, с. 281-282.
- ¹³² Posta, 23.08.2002.
- ¹³³ Star, 24.08.02.
- ¹³⁴ V. Fertekliġil. The new government and the economy. – Turkish policy Quarterly. Spring 2003, с.88.
- ¹³⁵ См. текст программы: www.akparti.org.tr
- ¹³⁶ См. текст письма на интернет-сайте Центрального банка Турецкой Республики: www.tcmb.gov.tr
- ¹³⁷ Finansal Forum, 13.11.2002.
- ¹³⁸ Кредитное сотрудничество МВФ и Турции было прервано в 1984 г. по причине несоблюдения турецкой стороной принятых на себя в сфере финансовой политики обязательств.
- ¹³⁹ Finansal Forum, 13.11.2002.
- ¹⁴⁰ Finansal Forum, 29.11.2002.
- ¹⁴¹ MÜSİAD Araştırma raporları: 39. Türkiye Ekonomisi 2002. 2001 yılı deġerlendirmesi. 2002 yılı beklentileri.
- ¹⁴² Там же, с.17, 85.
- ¹⁴³ Там же, с.77.
- ¹⁴⁴ DPT. Temel ekonomik göstergeler. Ocak 2002. Ankara, 2002, с.11, 54.
- ¹⁴⁵ MÜSİAD Araştırma raporları: 39. Türkiye Ekonomisi 2002..., с.81.
- ¹⁴⁶ Там же.
- ¹⁴⁷ Milliyet, 12.10.2002.
- ¹⁴⁸ См. текст правительственной программы на интернет-сайте Аппарата Премьер-Министра: www.basbakanlik.gov.tr
- ¹⁴⁹ Мустафа Кемаль Ататюрк – первый президент Турецкой Республики, провозгласивший принцип светскости, то есть отделения религиозных институтов от государства.
- ¹⁵⁰ Dünya, 25.11.2002.
- ¹⁵¹ Ü. Kumcuoġlu. A review of economic developments: what are AKP's plans.- Turkish policy quarterly. Spring 2003, с.98-99.
- ¹⁵² V. Fertekliġil. The new government and the economy. – Turkish policy Quarterly. Spring 2003, с.89.
- ¹⁵³ Али Бабаджан – государственный министр, контролирующий деятельность Казначейства Турции, которое в системе управления экономикой страны занимает промежуточное положение между Министерством финансов и Центральным банком Турецкой Республики. Именно Казначейство отвечает за проведение эффективной экономической политики, контролируя денежные потоки, поступающие в распоряжение исполнительной власти.
- Для лучшего понимания экономических воззрений Али Бабаджана, который является одним из основателей Партии справедливости и развития, следует упомянуть некоторые факты его биографии. В 1989 г. он с высшим баллом окончил Средневосточный технический университет, являющийся высшим учебным заведением прозападно й направленности. С 1990 г., получив стипендию Fulbright, продолжил образование в США, где в 1992 г. получил степень Мастера делового администрирования (МВА). В 1992-94

гг. работал в одной из американских консалтинговых компаний, предоставлявшей услуги руководителям высшего звена. С 1994 по 2002 гг. Али Бабджан занимался частным бизнесом в Анкаре. В 2001 г. Стал членом учредительного совета Партии справедливости и развития.

¹⁵⁴ Milliyet, 17.03.2003.

¹⁵⁵ Finansal Forum, 04.03.03.

¹⁵⁶ Dünya, 04.03.03.

¹⁵⁷ Finansal Forum, 04.03.03.

¹⁵⁸ Коммерсант, 04.03.03.

¹⁵⁹ Finansal Forum, 04.03.03.

¹⁶⁰ Ibid.

¹⁶¹ Milliyet, 26.03.03.

¹⁶² Milliyet, 02.04.03.

¹⁶³ Ü. Kumcuoğlu. A review of economic developments. - What are AKP's plans? – Turkish Policy Quarterly. Spring 2003. Ankara, 2003, с.100.

¹⁶⁴ См.: 4.Gözden Geçirmeye İlişkin Niyet Mektubu - www.hazine.gov.tr

¹⁶⁵ Ibid.

¹⁶⁶ См.: 5.Gözden Geçirmeye İlişkin Niyet Mektubu – www.hazine.gov.tr

¹⁶⁷ До последнего времени в Турции действовал Закон о поощрении иностранного капитала (№ 6224), который был принят в 1954 г. и носил весьма либеральный характер по сравнению с аналогичным законодательством ряда стран ОЭСР. Слово «поощрение» в названии закона было связано своим появлением закрепленными им правами иностранных инвесторов, которые в то время расценивались как действительные поощрения или льготы, а именно, правом свободного перевода денежных средств инвестора из страны, а также уравниванием в правах с местными предпринимателями. Однако быстро меняющиеся реалии обусловили необходимость принятия нового закона. Новый закон № 4875 формирует базовые элементы либерального инвестиционного климата в Турции, четко определяя права и обязанности международных инвесторов.

Новый закон разделяет понятие «прямые иностранные инвестиции» и «иностранная инвестиция», трактуя их в соответствии с международными стандартами. Первые определяются как инвестиции, осуществляемые с целью создания новой компании или же отделения иностранной компании или же обеспечивающие долевое участие, как не через инструменты рынка капитала, или же через их посредство. В последнем случае доля иностранного инвестора должна составлять более 10% акций.

Закон отменяет систему разрешений на осуществление иностранных инвестиций, которые ранее предоставлялись Главным управлением по иностранным инвестициям. Процедура учреждения компания с иностранным капиталом отныне такова же, как и при создании компании местными инвесторами. Статус и ответственность как первых, так и вторых регулируется Коммерческим кодексом Турции. Закон обеспечивает иностранным инвесторам следующие права: равный с местными компаниями статус; защиту от экспроприации, кроме случаев, предусмотренных Конституцией и Законом об экспроприации; право свободного перевода за пределы Турции всех видов доходов от использования капитала в любой форме, а также средств, вырученных при продаже или ликвидации; право на приобретение недвижимости (для юридических лиц с участием иностранного капитала), право обращаться для разрешения возникших споров не только в местный гражданский суд, но и местный и международный арбитражный суды, право найма иностранного персонала.

Основной акцент в политике Турции в отношении иностранных инвестиций смещается с контроля на мониторинг, цель которого - оценка динамики иностранных инвестиций и соответствующая корректировка государственной политики.

¹⁶⁸ Star, 27.07.03.

¹⁶⁹ См. текст отчета – www.hazine.gov.tr/imf_standby.htm

¹⁷⁰ См.: 6.Gözden Geçirmeye İlişkin Niyet Mektubu – www.hazine.gov.tr

¹⁷¹ TÜSİAD. Türkiye Ekonomisi 2003. İst., 2003, с.9 – www.tusiad.org.tr

¹⁷² Ibid., с.11.

¹⁷³ Ibid, с.17.

¹⁷⁴ Finansal Forum, 27.10.2003.

¹⁷⁵ Hükümetin Performansı (Kasım 2002 - Aralık 2003). Araştırma Raporları: 44. İst., 2003. – www.musiad.org.tr

¹⁷⁶ Ibid, с.20.

¹⁷⁷ Ibid, с.18.

¹⁷⁸ Ibid, с.23.

¹⁷⁹ См.: 6.Gözden Geçirmeye İlişkin Niyet Mektubu – www.hazine.gov.tr

¹⁸⁰ Изначально в программе ПСР фигурировал тезис о создании новых источников, который в исследовании МЮСИАД интерпретирован как «трансформация в дополнительные доходы государственных активов». Исходя из анализа экономической практики правительства, эксперты МЮСИАД расширили инструментарий создания дополнительных доходов налоговыми амнистиями.

¹⁸¹ Capital, 2003, №10.

- ¹⁸² В результате на момент начала работы над седьмым отчетом турецкая сторона была вынуждена запросить права отказа от соблюдения критерия по первичному профициту госсектора.
- ¹⁸³ Yeni Stand-by Düzenlenmesi 2002-2004. 18 Ocak 2002 tarihli Niyet Mektubu.- www.hazine.gov.tr
- ¹⁸⁴ MÜSİAD Research reports. The Turkish Economy 2004: Evaluation and Proposals for Restructing. Istanbul, 2004, с 9.
- ¹⁸⁵ The Oxford Business Group. Emerging Turkey 2004. London, 2004, с.47.
- ¹⁸⁶ Окончательное решение по данному вопросу должно быть принято в декабре 2004 г.
- ¹⁸⁷ Milliyet, 15.07.2004.
- ¹⁸⁸ См., например, Vatan, 29.04.2004.
- ¹⁸⁹ Hürriyet, 29.04.2004.
- ¹⁹⁰ Hürriyet, 29.05.2004.
- ¹⁹¹ MÜSİAD Research reports. The Turkish Economy 2004: Evaluation and Proposals for Restructing. Istanbul, 2004.
- ¹⁹² Devlet Bakanı Sayın Ali Babacan'ın IMF ile Yapılan 8. Gözden Geçirme Çalışmalarının tamamlanmasına ilişkin basıntoplantısı (Ankara, 22 Haziran 2004) - www.hazine.gov.tr
- ¹⁹³ Milliyet, 08.07.2004.
- ¹⁹⁴ Ibid, 28.07.2004.
- ¹⁹⁵ Ibid, 03.08.2004.
- ¹⁹⁶ Одной из основных проблем в экономическом развитии Турции на протяжении 2004 г. стал резкий рост дефицита по счету текущих операций платежного баланса: за первые шесть месяцев он достиг почти 10 млрд. долл., что соответствовало росту на 95% по сравнению с аналогичным периодом 2003 г. Основными причинами его роста стали повышение доступности потребительских кредитов, что следует связывать с принятым правительством решением о расширении денежной базы, а также ослаблением доллара. В результате резко возросли темпы роста импорта, что, с одной стороны, создало предпосылки для выхода по итогам года на более высокий, чем планировалось, уровень экономического роста, но с другой – создало определенную угрозу для сдерживания инфляции. По данным Государственной плановой организации Турции, во втором квартале рост ВВП, рассчитанный в постоянных ценах 1987 г., составил 14%. В то же время, если рост потребительских цен в августе 2003 г. составил 0,2%, то в августе 2004 – 0,6%. Однако правительство изъявило готовность принять меры для того, чтобы по итогам года дефицит по текущим операциям не превысил 10,8 млрд. долл. Поэтому в случае, если внутренний спрос будет расти и во второй половине года, правительство выразило готовность перейти к еще более жесткой фискальной политике.
- ¹⁹⁷ Ibid, 30.07.2004.
- ¹⁹⁸ Ibid.
- ¹⁹⁹ Milliyet, 20.08.2004.
- ²⁰⁰ Milliyet, 26.08.2004.
- ²⁰¹ Milliyet, 26.10.2004.
- ²⁰² Turkey's Justice and Development Party: A model for Democratic Islam. - Middle East Intelligence Bulletin, June/July, 2004.
- ²⁰³ Ali Rahnama, Farhad Nomani. Crisis of an Islamic State.- в сборнике «Iran after Revolution», Лондон, 1996. С.67-89.
- ²⁰⁴ A.K.Lambton. The Persian Land Reform 1962-1966, Oxford. 1969, p.51-52.
- ²⁰⁵ Расчет по «Сальнаме-е амарие кешвар сале 2536», Тегеран, 1977/78. С. 658.
- ²⁰⁶ Н.М.Мамедова. Иран в XX веке. Роль государства в экономическом развитии. М.1977.С.59.
- ²⁰⁷ Е. А. Дорошенко. Шиитское духовенство в двух революциях 1905 - 1911 и 1978 – 1979 гг. М., 1998. С. 182.
- ²⁰⁸ Эттелаат. Экономическое приложение, 1365(1986/87г.), с.6-7.
- ²⁰⁹ Сеййед Хосейн Наср. Молодой мусульманин в современном мире, М, 1997, стр.64-65.
- ²¹⁰ Имам Хомейни. Религиозное и политическое завещание, М., 1999, с.92.
- ²¹¹ «Джомхури-е эслами», 28.03-28.03.1981.
- ²¹² Н.М.Мамедова. Иран в XX веке. Роль государства в экономическом развитии. М., 1999, стр.91.
- ²¹³ The Economist, 18.01.1997
- ²¹⁴ Н.Мамедова. Исламские фонды и предпринимательская деятельность иранского духовенства.- журнал «Мировая экономика и международные отношения», 1997, N7.
- ²¹⁵ Полное название-Ассамблея по определению государственной целесообразности- The Expediency Council, или The Expediency Discernment Council of the System.
- ²¹⁶ The Economist, 21.07.2001, с.56.
- ²¹⁷ Islamic Banking. Edited and translated by Habib Shirazi. Head, English Department, Banking Training Centre, Central Bank of Islamic Republic of Iran. 1990, с.29.
- ²¹⁸ Примечание к статье 9 Закона о банковских операциях. Приоритет в кредитовании на условиях «мозаребе» имеют кооперативы.

- ²¹⁹ Статья 26 Закона о банковских операциях без риба.
- ²²⁰ Государственный комитет ССС по внешним экономическим связям. Валютно-финансовое положение и перспективы платежеспособности Ирана. М.1985,с.13.
- ²²¹ С 1989г. по 1997г.-президент, начавший проведение рыночных реформ, с 1997г.- аятолла, глава Ассамблеи по определению целесообразности, которая выступает арбитром между меджлисом и Наблюдательным Советом.
- ²²² The Middle East, 1985,N126, с. 51-53.
- ²²³ После смерти Хомейни с 1979г. является рахбаром страны.
- ²²⁴ Н. М. Мамедова. Иран в XX веке. Роль государства в экономическом развитии. М., 1997. С. 67 - 77.
- ²²⁵ Iran Statistical Yearbook 1389 (1990/1991), Tehran, 1390.
- ²²⁶ Н. М. Мамедова. Иран в XX веке. Роль государства в экономическом развитии. С. 84.
- ²²⁷ Расчет по: Сальнаме-е амари-е кешвар дар сале 1372. С. 172.
- ²²⁸ Сальнаме-е амари-е Иран 1362. С. 435.
- ²²⁹ Н. М. Мамедова. Иран в XX веке. Роль государства в экономическом развитии. С. 87.
- ²³⁰ Сохранившиеся со времен средневековья организации ремесленников и торговцев.
- ²³¹ И. Раззаки. С. 226.
- ²³² P. Clawson. Islamic Iran's Economic Politics and Prospects. Middle East Journal. 42, № 3, Summer 1988. С. 380.
- ²³³ Iran Times, 11.09.1987. Меджлис также одобрил этот законопроект, но он был заблокирован Наблюдательным Советом. Patrick Clawson. Islamic Iran's Economic politics and prospects. // The Middle East Journal. 1988, N 3. С. 380.
- ²³⁴ Iran Times. 4.03.1987. Проблема эффективности субсидий и купонной системы распределения широко освещалась в иранской прессе летом 1987 г.
- ²³⁵ Сальнаме-е амари-е кешвар дар сале 1372. С. 578.
- ²³⁶ Там же.
- ²³⁷ Рассчитано по: Сальнаме-йе амари-е кешвар 1362, 1372.
- ²³⁸ Н. М. Мамедова. Роль государства... С. 82.
- ²³⁹ Iran Times, 15.05.1987.
- ²⁴⁰ Хафте наме,1992,№ 5,с.40.
- ²⁴¹ Сальнаме-е амари-е кешвар 1372 (1993/94). Central Bank of IRI. Economic Report and Balance Sheet 1364, Tehran, 1985/86.
- ²⁴² Central Bank of the IRI. Economic Report and Balance Sheet 1361 (1982/83). P. 144..
- ²⁴³ Подсчитано по данным: 2000 World Development Indicators CD-ROM, World Bank.
- ²⁴⁴ В. П. Цуканов. О влиянии нефтяных шоков на исполнение бюджетов и финансовую политику Ирана в 60 - 90-х годах. // Ближний Восток и современность. 2001, № 11. С. 321.
- ²⁴⁵ 2000 World Development Indicators CD-ROM, World Bank.
- ²⁴⁶ Расчет по: Central Bank of the IRI. Iran in Figures, 1997. Central Bank of the IRI. Annual Review, 1371 (1992/1993),
- ²⁴⁷ EIU Country Profile 1996 – 1997. P. 36.
- ²⁴⁸ IMF, Islamic Republic Iran, 1999.
- ²⁴⁹ Расчет по: Central Bank of IRI. Iran in Figures. 1997.
- ²⁵⁰ Сальнаме-е амари-е кешвар 1372 (1993/94). С. 173, Сальнаме-е амари-е кешвар 1377 (1998/99 г.). С. 256 - 261.
- ²⁵¹ EIU Iran Country Profile 1996 – 1997. P. 48.
- ²⁵² Исламская республика Иран. М.,1998. С. 12.
- ²⁵³ Подсчет по 2000 World Development Indicators,CD-ROM.
- ²⁵⁴ Там же. С. 13.
- ²⁵⁵ Исламская революция в Иране: прошлое, настоящее, будущее. С. 81.
- ²⁵⁶ Islamic Republic Iran. Plan and Budget Organization. Several Politics, Strategies and Coals of the Second Five-year economic, social and cultural Development Plan of the Islamic Republic of Iran (1995-1999), 1396. P. 83.
- ²⁵⁷ В. П. Цуканов. О влиянии нефтяных шоков на исполнение бюджетов и финансовую политику Ирана в 60-х-90-х годах. // Ближний Восток и современность. 2001, № 11. С. 329.
- ²⁵⁸ А. З. Арабаджян. Исламская республика Иран. Экономический потенциал. С. 266.
- ²⁵⁹ Н. М. Мамедова. Опыт социально-экономического развития в условиях исламского правления. // Сб. Исламская революция в Иране: прошлое, настоящее, будущее. М.,1999. С. 60.
- ²⁶⁰ IMF, табл. 9.
- ²⁶¹ В. П. Цуканов. О некоторых экономических аспектах диалога цивилизаций. // Иран: диалог цивилизаций. М., 2003. С. 60.
- ²⁶² Сальнаме-е амари-е кешвар1377. С. 856, Annual Review 1379 (2000/2001). P. 64.
- ²⁶³ Annual Review 1379 (2000/2001). P. 60.
- ²⁶⁴ Н. М. Мамедова. Политико-экономический аспект диалога цивилизаций. // Иран: Диалог цивилизаций. М., 2003. С. 21.

- ²⁶⁵ Central Bank of IRI. Trend's N29, 1381 (2002/2003), Appendix 3.
- ²⁶⁶ А. З. Арабаджян. Исламская республика Иран. Экономический потенциал. С. 379.
- ²⁶⁷ Приложение 3.
- ²⁶⁸ Central Bank of IRI. Trend's N29, 1381 (2002/2003), Appendix 3.
- ²⁶⁹ Iran, Daily Newspaper, N2865, Jul. 28th, 2004. <http://www.netiran.10.08.2004>
- ²⁷⁰ <http://www.netiran.com/Htdocs/ICS> Not Seeking Power.
- ²⁷¹ Fourth Plan a realistic step towards Iran's Economic Development. Iran Exports and Imports. March 2004, N70, p. 10-13. www.netiran.com.
- ²⁷² Ибрагим Раззаки. Ашенаи ба эктесаде Иран. Тегеран, 1996, с. 256.
- ²⁷³ В. Перепелкин. К вопросу о традиционных формах землевладения и землеиспользования в эволюции правового регулирования аграрных отношений в Иране. В сб. «Иранский сборник». МГУ им. М. В. Ломоносова. ИСАА. М. 2004. С. 48-62.
- ²⁷⁴ Там же. С. 59.
- ²⁷⁵ Там же. С. 59.
- ²⁷⁶ Эттелаат, 6.06.1984.
- ²⁷⁷ The Middle East Journal. 1988. N 3. P. 384.
- ²⁷⁸ Iran Times, 16.05.1986.
- ²⁷⁹ В. И. Рогов. Внешняя торговля ИРИ и ее регулирование. // Коринф. 2000. № 26. С. 10.
- ²⁸⁰ Iran News, 16.03.2003.
- ²⁸¹ Туман равняется 10 риалам. Туман не является официальной денежной единицей, но широко используется в торговой практике.
- ²⁸² Hossein Farzin. The Political Economy of Exchange Reform. // Iran after the Revolution. Crisis of an Islamic State. Edited by Saeed Rahnama and Sohrab Behdad. Tauris Publishers. London-New York. P. 177 – 178.
- ²⁸³ Hossein Farzin. The Political Economy of Exchange Reform. // Iran after the Revolution. Crisis of an Islamic State. Edited by Saeed Rahnama and Sohrab Behdad. Tauris Publishers. London-New York. P. 175.
- ²⁸⁴ The Middle East and North Africa. 1994. P. 418.
- ²⁸⁵ The Middle East and North Africa. 1994. P. 422.
- ²⁸⁶ Iran after the Revolution. Crisis of an Islamic State. P. 121.
- ²⁸⁷ Ганун барнаме-е деввом тоусие-е эктесади, эджтема-и ва фарханги джомхурие эслами-е Иран (1378 – 1374). 1374. С. 59 – 60.
- ²⁸⁸ Islamic Republic of Iran. Plan and Budget Organization. General Policies, Strategies and Goals of the Second Five-year Economic, Social and Cultural Development Plan of Islamic Republic of Iran (1995-1999).
- ²⁸⁹ Подсчет по данным: Annual Review 1379. P. 19.
- ²⁹⁰ The Middle East and North Africa. 2000. P. 523.
- ²⁹¹ По некоторым оценкам, субсидии на электроэнергию в 2001/02 г. составили 15,75 млрд. долл., или 14% ВВП. (The Middle East. 2003. July. P. 48.)
- ²⁹² Iran Daily, 4.12.2002.
- ²⁹³ Iran News, 16.03.2003.
- ²⁹⁴ Iran News, 12.04.2003.
- ²⁹⁵ Iran News, 16.03.2003 (цена 1л обычного бензина – 650 риалов, сорта «люкс» – 900 риалов).
- ²⁹⁶ <http://www.netiran.com>
- ²⁹⁷ International Monetary Fund. 1999 Tab. 2, 29.
- ²⁹⁸ International Monetary Fund. 1999. P. 32.
- ²⁹⁹ International Monetary Fund. 1999. P. 35. Графы 2, 3 и 4 – полностью субсидируемые товары, графы 5, 6 и 7 – товары, частично субсидируемые через льготный валютный курс.
- ³⁰⁰ International Monetary Fund. 1999. P. 35.
- ³⁰¹ Iran Daily, 19.04.2003.
- ³⁰² Джомхурие ислами, 04.05.2003. Закупочная цена за 1 кг зеленого чайного листа высшего сорта – 4680 риалов, 1 сорта – 2450 риалов, 2 сорта – 1300 риалов.
- ³⁰³ The Middle East Economic Digest, 2.02.2001.
- ³⁰⁴ Расчет по данным Annual Review. 1379. P. 79.
- ³⁰⁵ Сиясате хареджи (перс.). Тегеран, 2000. С. 198.
- ³⁰⁶ The Middle East. 2003. July. P. 48.
- ³⁰⁷ Tehran Times, 5.11.2002.
- ³⁰⁸ Iran Yearbook. Bonn, 1996. P. 242; Третий взгляд. 1993. № 12. С. 12.
- ³⁰⁹ The Middle East. 1985. April. P. 51-53.
- ³¹⁰ Middle East Economic Digest. 1985. September 7. P. 13.
- ³¹¹ Iran Focus. 1991. N11. p. 3.
- ³¹² Бахман Арман. Приватизация: усталость в начале пути. – Сб. «Маджлес ва пажухеш». № 7, 2 год издания, 1995. С. 28 – 29.
- ³¹³ Н. М. Мамедова. Иран в XX веке. Роль государства в экономическом развитии. М., 1997. С. 102.

- ³¹⁴ MEED Money, 14 April, 1995. P. 13.
- ³¹⁵ Iran Focus. 1992. N 2. P. 14.
- ³¹⁶ Н. М. Мамедова. Иран в XX веке. Роль государства в экономическом развитии. М., 1997. С. 103.
- ³¹⁷ Бахман Арман. Приватизация: усталость в начале пути. –Сб.» Маджлес ва пажухеш». № 7, 2 год издания , 1995. С. 28 – 29.
- ³¹⁸ Там же. С. 29.
- ³¹⁹ Там же. С. 28.
- ³²⁰ Там же. С. 31.
- ³²¹ Там же. С. 36.
- ³²² Там же. С. 36.
- ³²³ Третий взгляд [издание посольства ИРИ в Москве].1993,N19.С.19-20.
- ³²⁴ Третий взгляд. 1996. № 43. С. 20.
- ³²⁵ Мохсен Ренани.Базар ийа набазар?.(Рынок или не рынок?)С.174.
- ³²⁶ Iran, Daily Newspaper,N2865,Jul.28th,2004.<http://www.netiran.10.08.2004>
- ³²⁷ Central Bank of the I RI. Bulletin. 2000/02. Vol. 42. N. 181 – 182. P. 11.
- ³²⁸ Известия, 25.06.1999.
- ³²⁹ Discourse. 2000. Number 2. P. 195.
- ³³⁰ Iran Media Guide.2003.Tehran.p.33.
- ³³¹ The Economist, 21.07.2001. P. 57.
- ³³² Сальнаме-йе амарие кешвар 1377.С.519.Сальнаме-йе амарие кешвар 1379.С.434.
- ³³³ Tehran Stock Exchange. Monthly Bulletin. 1997. N 10. P. 15.
- ³³⁴ Там же. С. 11.
- ³³⁵ Сальнаме-е амарие кешвар. 1379 (2000/01). С. 520.
- ³³⁶ Джомхурие ислами, 07.04.2003.
- ³³⁷ Iran Focus. 2001. N 8. P. 10.
- ³³⁸ Там же. С. 10.
- ³³⁹ Iran News, 12.04.2003.
- ³⁴⁰ Н.М.Мамедова.Концентрация производства и капитала в Иране в 60-70-е годы.М.1982.С.18.
- ³⁴¹ Валютно-финансовое положение и перспективы платежеспособности Ирана.М.1985.С.30.
- ³⁴² World Development Report. 2002. P. 238.
- ³⁴³ Подсчитано по данным *табл. 8*.
- ³⁴⁴ Tehran Times, 19.06.2002.
- ³⁴⁵ World Development Report. 2002. P. 238.
- ³⁴⁶ The Middle East. 2003. July. P. 49.
- ³⁴⁷ The Middle East Economic Digest. 2003. N 1. P. 8.
- ³⁴⁸ The Middle East Economic Digest. 2003. N 6. P. 30.
- ³⁴⁹ Tehran Times, 19.02.2003.
- ³⁵⁰ 50% акций у ИННК, по 25% – у ВР и «Agip». (Middle East Economic Digest. 2003. N 20. P. 10.)
- ³⁵¹ Middle East Economic Digest. 2003. N. 31. P. 17.
- ³⁵² Middle East Economic Digest. 2003. N. 20. P. 23.
- ³⁵³ Джахане этгесад, 19.03.2003.
- ³⁵⁴ Новые рынки. 2001. № 5. С. 28.
- ³⁵⁵ Маджмуэ-йе гаванин ва могоаратат: сармаегозарихай-йе хареджи дар Иран, сармаегозарихайе Иран дар харедж, садератехадamate фанни ва мохандеси, монатега азад ва виже-йе таджари-йе Иран. Тегеран, 1377; Собрание законов и постановлений ИРИ. Тегеран, 1999. С. 100 – 113.
- ³⁵⁶ Discourse. 2000. N 2. P. 239 – 240.
- ³⁵⁷ The Middle East and North Africa. 2000. P. 519; Новые рынки. С. 30.
- ³⁵⁸ The Middle East and North Africa. 2000. P. 519.
- ³⁵⁹ Третий взгляд. 1999. № 67. С. 18 – 19.
- ³⁶⁰ Третий взгляд,. 1998. № 61. С. 22 – 23.
- ³⁶¹ Iran. Export. Investment Insurance. 2001. February. P. 82.
- ³⁶² Третий взгляд. 1998. № 58. С. 22 – 23.
- ³⁶³ Персия. 2002. № 1. С. 14 – 15.
- ³⁶⁴ Новые рынки. 2001. № 5. С. 33.
- ³⁶⁵ The Middle East and North Africa. 2000. P. 519.
- ³⁶⁶ Новые рынки. 2001. № 5. С. 28.
- ³⁶⁷ И. С. Зонн. Каспий: иллюзии и реальность. М., 1999. С. 245 – 248.
- ³⁶⁸ ВВП в ценах 1982/83г.Расчет по данным Сальнаме-е амарие кешвар 1372(1993|94), стр.603, Сальнаме-е амарие кешвар 1379(2000|01), стр. 48,690, The Central Bank of IRI. Annual Review 1379(2000|01), p.32.
- ³⁶⁹ там же.
- ³⁷⁰ Сальнаме-е амарие кешвар 1379(2000/01), Central Bank of Islamic Republic of Iran. Annual Review 1379(2000|01),ОПЕС,Bulletin, May 2001, 2000 World Development Indicators CD-ROM,World Bank.

- ³⁷¹ В 1993/94г. уд.вес инвестиционных товаров и полуфабрикатов в импорте составлял 88,9%, в 1994/95г. - 87,5%, в 1996/97г. -85,5%, в 1997/98г. -85,9%. Рассчитано по International Monetary Fund. Islamic Republic of Iran. Statistical Appendix. 1999, p.57.
- ³⁷² Расчет по данным: Trend's CBI, N 29.
- ³⁷³ World Development Report. 2000|01, p.274-275.
- ³⁷⁴ www..cia.gov:file//Iran//
- ³⁷⁵ Iran Media Guide. Ministry of Culture and Islamic Guidance. 2001. P13.
- ³⁷⁶ Central Bank of the Islamic Republic of Iran. Annual Review 1379(2000/01). P.16. (Расчет из курса : 6468, 8657 и 8188 риала за доллар, по данным С.В.I.Trends, N30/P14).
- ³⁷⁷ Iran Media Guide. Ministry of Culture and Islamic Guidance. 2001. P13.
- ³⁷⁸ там же
- ³⁷⁹ Рассчитано на базе текущих цен по данным: Маджмуэ-йе амари сари замани амар-хайе эктесади, эджтемай та сале 1375. Тегеран. 1376(1997). С.8. Annual Review 1379(2000|01). P.35. 2000 World Development Indicators CD-Rom, World Bank.
- ³⁸⁰ Рассчитано по : Islamic Republic Iran/ Plan and Budget Organization. 1387(1998|99). P.32-33. Annual Review 1379(2000|01). P.60.
- ³⁸¹ там же. С.61.
- ³⁸² CBI. Economic Trends. N29. 1381(2002|03).
- ³⁸³ Annual Review 1379(2000/01). P.34.
- ³⁸⁴ Расчет по " Central Bank of Iran. Economic Trends. 1381». N29. Маджмуэ-йе амари сари замани амарха-йе эктесади, эджтемай та сале 1375. Тегеран, 1376(1997). С.7, 13. Annual Review 1379(2000|01). P.35.
- ³⁸⁵ Подсчет по данным: Trend's Central Bank of Iran. 1381. N29
- ³⁸⁶ Подсчет по данным: Trend's Central Bank of Iran. 1381. N29
- ³⁸⁷ там же .С.64.
- ³⁸⁸ там же. С.65.
- ³⁸⁹ Рассчитано по «Annual Review 1379(2000|2001)». P.64-65.
- ³⁹⁰ Рассчитано на базе текущих цен по "Маджмуэ-йе амари сари замани амарха-йе эктесади, эджтемай та сале 1375." Тегеран, 1376(1997). С.12-13. Annual Review 1379(2000|01). P. 34-35.
- ³⁹¹ Central Bank of the Islamic Republic of Iran. Trend's N29, 1381(2002/2003), Appendix 3.
- ³⁹² Подсчитано по данным: «Сальнаме-йе амарие кешвар 1377(1998/99), Тегеран, .С..514.
- ³⁹³ Encyclopedia of Islamic Banking. P..229
- ³⁹⁴ Encyclopedia of Islamic Banking. P..229.
- ³⁹⁵ Central Bank of the Islamic Republic of Iran. Bulletin. 2001|02. Number 181-182. P.10.
- ³⁹⁶ Сальнаме-йе амарие кешвар 1379(2000/2001). С..430.
- ³⁹⁷ Хордад, 19.08.1999.
- ³⁹⁸ Сальнаме-йе амарие кешвар, 1377(1998/99), Сальнаме-йе амарие кешвар 1379(2000/01). С.189-190.
- ³⁹⁹ Сальнаме-йе амарие кешвар 1379(2000/01). С.198.
- ⁴⁰⁰ Сальнаме-йе амарие кешвар, 1377. С.254-261, Сальнаме-йе амарие кешвар, 1379. С.230-231.
- ⁴⁰¹ Н.Ю. Ульченко. Экономика Турции в условиях либерализации. М., 2002. С.132.
- ⁴⁰² - Сальнаме-йе амарие кешвар 1379. С..331-332
- ⁴⁰³ Сальнаме-йе амарие кешвар, 1377(1998/99). С.196.
- ⁴⁰⁴ Сальнаме-йе амарие кешвар, 1377(1998/99). С.293., Сальнаме-йе амарие кешвар 1379(2000/01). С.254-253.
- ⁴⁰⁵ Сальнаме-йе амарие кешвар, 1377. С.295.
- ⁴⁰⁶ Сальнаме-йе амарие кешвар 1379. С.257.
- ⁴⁰⁷ там же. С.389.
- ⁴⁰⁸ Сальнаме-йе амарие кешвар. 1377. С.343.
- ⁴⁰⁹ Сальнаме-йе амарие кешвар 1377. С.55.
- ⁴¹⁰ расчет по Сальнаме-йе амарие кешвар 1377. С.107-108.
- ⁴¹¹ Подсчитано по:
- ⁴¹² Р.Шукуров. Россия: мусульманство и модернизация. – Россия и мусульманский мир. 2004, № 6, с.16.
- ⁴¹³ Современный ислам: между политикой и традицией (Интервью с профессором Московского государственного института международных отношений МИД РФ Алексеем Малашенко). - Россия и мусульманский мир. 2003, № 5, с.39.
- ⁴¹⁴ А.Ю. Журавлев. Теория и практика исламского банковского дела, с.30.